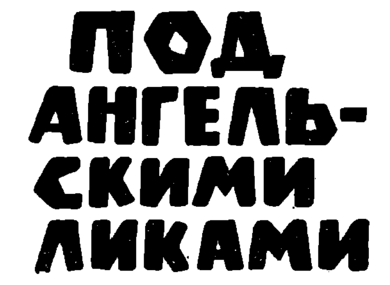
Под ангель-скими ликами

Василий Дидусь

ВАСИЛИЙ ДИДУСЬ

ПОД АНГЕЛЬСКИМИ ЛИКАМИ

ПОВЕСТЬ

ДНЕПРОПЕТРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Что будет, если кто-то крикнет: «Товарищи! Вот идут бандиты!» Ответить на такой вопрос нетрудно, бандиты немедленно будут остановлены и схвачены. А вот если кто-то скажет, что идут сектанты, на это многие у нас не обратят внимания. Подумаешь, дело великое, богомольцы идут...

Примерно так и рассуждал поначалу один из героев повести, Николаев:

«...Молятся люди, вроде не мешают. Без них дел по горло!.. — сплюнул он и придавил в пепельнице окурок».

Да, верно, дел у нас в жизни по горло, и об этом хорошо помнят «братья во Христе». Там, где царит равнодушие общественности, где проходят в спешке дел мимо человеческого горя или несчастья, появляются с «участием» на лицах «сердобольные богомольцы». Ласковое слово найдут, денежную поддержку окажут и... новый член религиозной общины готов.

Повесть «Под ангельскими ликами» создана на фактическом материале о сектантах-пятидесятниках. Это повесть о борьбе за человека, о работе органов госбезопасности, о ненависти к изуверам и предателям, о преступлениях и убийстве, об искалеченной любви. Превосходное знание быта и законов изуверской секты помогло автору в художественной форме раскрыть всю гнусность и продажность «братьев» и «сестер» по вере, «пророчиц» и пресвитеров, связанных с иностранной разведкой и отравляющих жизнь и сознание доверчивых людей, клюнувших на мнимую доброту «братьев во Христе».

Книга поможет читателю разобраться в подлинной сущности далеко не безобидных «богомольцев-сектантов», напомнит еще раз старое и мудрое правило: «Люди, будьте бдительны!».

НЕЖДАННЫЙ СТРАННИК

Небо по ночам над Елизаветовкой теперь холодное, чистое, со множеством звезд. Осень пришла. И оттого, что небо чистое, кажется, будто звезды перемещаются в нем, шевелятся — так их много. Иногда в их золотой рой яркой точкой врезается быстро проносящийся спутник.

А в Елизаветовке грустно. Село и без того тихое, глухое — сто километров только до Днепра, а до города еще больше, и ни железной дороги, ни хорошего шоссе, совсем от жизни оторваны, — а тут эта осенняя тишина... Гнетет, давит она на сердце. Особенно гнетет по ночам.

Вот и сегодня. Застыло все во дворах, даже собаки не лают. А Феня пришла в дом брата по вере, стоит на коленях, молится. И, молясь, совершает грех. В мыслях все недозволенное, суетное, мирское. В потайном местечке, подле самого сердца, спрятала она письмо от Романа.

«Люблю», — писал Роман. Это радовало и пугало Феню. Лицо ее то оживлялось, то снова принимало скорбное выражение, это уж оттого, какие приходили к ней мысли. Только вспыхнет искра надежды и тут же угаснет. Благословит ли господь любовь к неверующему? Неугодна ведь богу такая любовь.

— Господи, укажи путь справедливый, как быть мне? — просила она с мольбой в голосе.

Читая молитвы, Феня думала о Романе. Все, что делалось вокруг, ей безразлично. На коленях Феня, молится...

А моление в тесной комнатушке, заполненной до отказа верующими, в самом разгаре. Молящиеся кричали, тяжело вздыхали, дико завывали и стенали неистово. Силясь перекричать друг друга «иноязыками», взывали к богу.

— Рене готн файн зон!.. — запальчиво выкрикивал хозяин дома Серафим Варнаевич Аминев. При этом он стремительно выбрасывал ввысь руки, тряс запрокинутой назад головой и всем корпусом делал такие рывки, будто хотел взлететь в небо.

— Мана тана уна кана!.. — орала трескучим голосом пророчица Секлетия, вытягивая вздрагивающие оголенные до локтя руки к потолку.

Впереди Фени что-то нелепое бормотала себе под нос изнывавшая от жары тучная сестра Евдокия. Рядом с ней, лениво подергиваясь, косноязычной скороговоркой издавал какие-то несуразные звуки сухощавый брат Трофим.

Прочитав молитву, Феня долго стояла молча. Наконец, стряхнув задумчивость, привычно вскинула руки вверх и, выговаривая необычно громко бессмыслицу, с упоением втянулась в шумную безалаберную тряску. Когда утомлялась, на минутку умолкала, говорила шепотом: «Снизойди на меня, дух истины, прости прегрешения, возвести будущее». И — снова думала о Романе. В душу закрадывалась надежда...

А шум с каждой минутой усиливался, ускорялись движения. Уже смутно мелькал бугроватый потолок, участилось дыхание и стало тяжелым, порывистым, по лицам стекали струйки пота.

Вот-вот снизойдет дух господень. Им наполнится душа, очистится плоть от грехов земных, на сердце станет легко и радостно.

Немели руки, ныли колени, но все терпеливо ждали: всяк по-своему старался сподобиться благодати божией. И метались, тряслись на стенах истовые взлохмаченные тени.

Близилось к полночи. Вдруг пророчица задрожала, затрепетала, будто не своим голосом крикнула: «Дух!» И, как сраженная, грохнулась на пол.

— Дух! Дух! — повторяли и падали вслед за ней мужчины и женщины. С рыданиями и воплями, продолжая бессмысленные бормотанья, задыхаясь, они корчились на полу.

— Слышу дух в себе! Вижу!..— с пеной у рта кричала Секлетия.

Неожиданно она вывернулась, как вьюн, вскочила на ноги. Шатаясь, мутными глазами зашарила по кругу. Увидев брата Трофима, подошла к нему, ткнув указательным пальцем, изрекла:

— От господа говорю. Вижу тебя, брат, опутанного тонкой железной сетью. Ту сеть туго-натуго стягивает нечистый. Он совращает заблудшую душу твою на богохульство и прочие еретические дела. Погибнешь! Кайся! Кайся, взываю! — вскричала она и затряслась, как в лихорадке.

— Кайся, блудник! Кайся! — грозно подхватили в один голос карликовый горбун брат Панфил и долговязый, обезображенный оспой проповедник Онуфрий.

Встал на колени Трофим, поморгал отупело глазами.

— Каюсь, братья и сестры, видит бог, каюсь!—жалобно взмолился он слабым ломким голосом и склонил виновато голову до самой земли. А уходила пророчица, метнул на нее взгляд враждебный.

— Откровение с богом... Дух открывает пророчице грехи... Отведи от меня, господи! — тихонько говорила Феня, прильнув лбом к холодной земле.

И ей начало казаться, что за спиной стоит пророчица. Приподнялась Феня и замерла: тень длинной костлявой фигуры Секлетии маячила на стене. Вздрогнула девушка, заслышав холодящий сердце голос, трепетно подернула ровными плечами.

— И тебе, сестра, от бога вещаю, — обращаясь к ней, продолжала пророчица. — Диавол через кого-то внушает душе твоей погубительную мысль свою, тому таишь ты в себе противное вере. Господь призывает к усердию. Не послушаешься, не обретешь утешения ни в земной жизни, ни спасения в житии загробном. Держи веру в уме!

Растерялась, испугалась Феня, слушала с поникшей головой.

А отошла Секлетия, легла Феня на пол, забылась. Ничего больше не видела она, не слушала, не хотела видеть и слышать.

Секлетия возле брата Панфила кружит. Две длани с тонкими длинными пальцами положила горбуну на спутанные седеющие волосы. Придавая голосу торжественность, рекла:

— Вокруг тебя, брат Панфил, венки вижу из благоухающих цветов!

Лицо Секлетии тронула блаженная улыбка, прошла она к брату следующему:

— Вокруг тебя, брат Аристарх, благодать божия благоденствует!

— Печать дара духа святого на тебе, сестра!..

Безумолку возглашает пророчица. Принуждает одних к покаянию, иных наделяет «божиим даром».

А братья и сестры лежали в беспорядочной свалке на полу, кто ничком, кто лицом кверху, устремив испуганные, блуждающие глаза в потолок; непрерывные вздохи слышны, дикие завывания, рыдания и болезненные стоны.

Но вот шум начал стихать. В наступившем, казалось, успокоении прозвучал усталый, охрипший голос Аминева:

— Скажи, пророчица, что еще видишь ты?

Болезненно морщась, Секлетия жадно глотнула воздуху, пожевала посиневшими губами и, закатив воспаленные глаза куда-то под лоб, протяжно-монотонно молвила:

— И вижу еще кресты я, покрытые кровью... А возле крестов тех — люди с поникшими головами... На лицах смятение, страх у людей, и не могут они ни стоять, ни двигаться от истощения... И слышу голос с неба: «То не есть кара моя, то вам муки через неразумныя правители земные!»

В строгом молчании постояла пророчица, выдержала паузу. Тяжко вздохнула вдруг, словно простонала, заключила зловещим полушепотом:

— Глад и мор в предзнаменовании том для людства и скоты!

Моление подходило к концу. Благодарственный гимн спели тягуче, вяло, осипшими, расслабленными голосами. Феня молча смотрела на верующих. Именно сегодня почему-то, будто впервые, приметила измученные, мертвенно-бледные лица с блуждающими глазами и с боязнью подумала: «Неужели и я такая?»

На этот раз, как никогда, захотелось поскорее уйти. Феня держала зажатую в кулаке пятирублевку. Разрешил Аминев — положила деньги на уголок стола и первая оставила дом. Ни радости, ни умиротворения не получила она здесь. Господь не благословил ее любовь. Камень на

душе, безотрадную пустоту и боль во всем теле несла с собой Феня.

Остальные уходили от Аминева, пошатываясь, мелкими группками.

Взяв под руку сгорбленную хромую старушку, брат Серафим вывел ее за калитку и подождал, пока уляжется шум шагов. Стихло, он обошел вокруг дома. Как бы в поисках чего-то внимательно осмотрел кусты смородины, дважды обколесил небольшую сиреневую аллейку. С особой тщательностью, словно проверяя надежность, подергал замок на сарае и возвратился в дом.

На столе беспорядочно разбросаны деньги. Сгреб их, устало опустился на канапу и только тогда, не спеша, разложил купюры по достоинству. Пошевеливая изжелта-седыми усами, свисающими на сочные губы, пересчитал подаяние.

— Скудная лепта, весьма скудная, — бормотал Серафим.

На дворе по верхушкам деревьев разгуливал легкий, порывистый ветерок. Покачивая ветви, он словно будил лес шепотом листьев от тяжелой ночной дремы.

По дороге, пересекавшей лес и казавшейся ночью узкой бесконечной тропой, к русскому селу Елизаветовке медленно двигался путник. Временами он настороженно прислушивался к шуму взбудораженной ветром листвы и снова продолжал свой путь.

На подступах к селу мужчина остановился. Он пристально всматривался в ночную мглу. Перед его взором на фоне синего безлунного неба вырисовывались очертания темных крыш. Где-то далеко-далеко надрывно залаяли собаки. Глубоким, безмятежным сном спало село. Только в домике Аминева, стоявшем в стороне от села, вблизи оврага, тускло мерцал желтоватый огонек.

Перемахнув через овраг, путник бесшумными шагами

подкрадывался к дому. Он был уже почти у дверей, заглянул в окно и вдруг, будто чего-то испугавшись, резко повернулся и торопливо скрылся за сараем. Опираясь спиной о неоштукатуренную кладку сарая, опасливо выглянул из-за угла. Постоял так и смело пошел к двери. Тронул щеколду, тихо постучал. Постучал именно тогда, когда отяжелевшие веки Аминева начала склеивать сладкая дрема.

Неожиданный звяк щеколды, стук вывели Аминева из забытья. Отгоняя сон, он встряхнул большой взлохмаченной головой с седыми прядями и, тяжело ступая, вышел в сени.

— Кто? — спросил тихо.

— Странник божий. Пустите, христа ради, — моляще, нараспев отозвался густой хрипловатый бас.

Голос незнакомца напомнил Аминеву что-то далекое, забытое и вместе с тем знакомое и тревожное. Его охватили какие-то смутные, недобрые предчувствия. В нерешительности он постоял немного, потом с силой рванул засов и поспешно вбежал в комнату. Растопырив толстые ноги, стоял на середине и нетерпеливо ждал.

Тотчас же у порога, словно привидение, появился путник. Как цыган, черный, коренастый, с окладистой, до пояса, курчавой бородой, он на несколько мгновений задержался у входа, затем решительно переступил порог. Сбросив на пол округлый вещевой мешок, шагнул к Аминеву ближе и только тогда, взглянув на него, испуганно воскликнул:

— Ты?!. — отшатнулся.

Вскинув голову, странник впился глазами в скуластое, упитанное лицо Аминева, глядевшего на него широко открытыми, удивленными глазами. Молчаливо и томительно скрещивались их взгляды. И когда они узнали друг друга, растерянный брат Серафим отступил назад.

Лицо странника потемнело, зашевелились тяжелые скулы.

— Так вот где свела судьба! — прогремел он.— Пятнадцать лет ищу! Узнаешь?!.

Сдерживая волнение, Серафим глухо ответил:

— Не знаю вас, странник...

— Не узнаешь?! — вскричал пришлец. Верхняя губа его искривилась в холодной усмешке. — Притворяешься, Серафим! К чему кроешься?

— Впервые вижу, святой человек.

— Удивительно! Рано обеспамятовал. Славское помнишь?.. Не я ли наставлял тебя на путь истинный! Присмотрись-ка хорошенько. Совесть потерял, Серафим. Пудовый грешок затмил и совесть, и честь, и разум. Боишься?

— Не богохульствуй, человек божий! — раздраженно повысил голос Серафим.— Бог—судья всем человекам на земле, не ты. Моя душа чиста и непорочна.

Странник разразился раскатистым смехом, жутко прозвучавшим в эти секунды для Серафима.

— Вор! Разбойник! Тебе ли говорить о чистоте души своей?! — заорал он. Его полное, круглое лицо залилось яркими гневными красками.

Серафим съежился. Легкая дрожь пробежала по его телу. Он видел: не миновать крупной ссоры. Преодолев с трудом робость, внезапно выпрямился, подался вперед, вызывающе спросил:

— Что вам угодно от меня?

— Хочу знать, брат кассир, куда девал ты похищенные деньги и ценности евангельской церкви. Понял?!—зарычал гость разъяренно.

— Клевета. Опорочить послал диавол ко мне. Изыди вон, исчадие ада! — злобно шипел Серафим. Правой мускулистой рукой он повелительно указал на дверь.

— Ах, так?! — взревел бородач.— Я тебе покажу, нечестивец!

Он мигом сорвал с себя стеганку, отшвырнул в сторону, из-за голенища кирзовых сапог выхватил нож. Мелкой, кошачей поступью двинулся на Аминева. Выпуклая грудь его от трудного дыхания высоко вздымалась.

— Убью как собаку! — прохрипел странник.

Вильнул было Серафим к печи, пытался схватить железную кочергу. Да странник разгадал маневр «брата», путь загородил.

Побледнел Серафим, стремительно отскочил в сторону. Цепляясь растопыренными пальцами за скользкую стену, отступил в угол, заметался там, как затравленный зверь, ища чего-нибудь для защиты.

А странник подходил все ближе.

Убедился Серафим в безысходности своего положения. На приближавшегося противника смотрел со страхом.

— Конец! Убьет!..— шептал он. И весь дрожал. Темная пелена застилала глаза, казалось, из-под ног уходила земля, подламывались колени. Наконец, беспомощный и обессиленный нравственной мукой, повалился Серафим на пол.

— Пощади, Никон! — смятенно взмолился он, дробно стуча зубами. — Видит всевышний, не виновен я! — Все тише повторяя слово «пощади», пополз навстречу страннику на коленях.

В замешательстве Никон остановился. Вот он, Серафим, жалкий, беззащитный, покоренный ползает у его ног. Один меткий удар ножом — и сведены счеты. А где деньги, золото? Сейчас это было для Никона главным.

— Ну, счастье твое,— сказал он и уверенно шагнул к Серафиму. С размаху, что было силы, раз — другой ударил его носком сапога в живот.

Вскрикнув отчаянно «ой!», Серафим прижимал к животу руки. Выпучив от боли глаза, судорожно хватал открытым ртом воздух. Затем качнулся назад, вперед, свалился у ног Никона без чувств.

...Тишина в комнате. Подложив под голову вещевой мешок, лежит Никон на соломенном настиле. Сторожко прислушивается к завыванию ветра в трубе, к тихому, прерывистому дыханию Серафима. Время от времени слышно, как стучит за окном по стеклу колышущаяся под ветром ветка смородины. Совсем близко, почти возле ног зашуршала соломой мышь. Притихла, опять зашуршала, притихла...

Случайно взгляд Никона останавливается на том месте, где дрожит на потолке небольшой, светящийся кружок — отблеск от горевшей на столе лампы: «Золото!» Кружочек внушительно напоминал золото. Огнем загорелись глаза Никона, участилось дыхание, с новой силой вскипела в нем жгучая ненависть к Аминеву.

«О господи, господи! Серафимом, должно, наказал ты меня за нечистый тот помысел, за деяния, коими душу мою пленил в оное время диавол. Неужель не дошли до тебя горячие мольбы мои?»

Прижавшись плотнее щекой к мешку, Никон усердно нашептывал молитву. А перед глазами, подернутыми туманом, как на зло, плясал, не давал покоя золотившийся кружок на потолке. Он снова напоминал ему золото, а с ним, как живая, вставала и давно забытая история. История была проста...

Далеко от местности, где жил Никон, среди верующих разнеслись слухи: появился на ниве божией святой странник, некий брат Мефодий. Ходит с котомкой за плечами, от села к селу, от общины к общине, в знойную жару, в дождь, в непогодь — несет в люди «слово божие».

Это было правдой. Мефодий приходил, совершал торжественные моления, пел духовные песни из сектантского сборника «Гусли», произносил страстные проповеди о загробном бытии, читал библию. Новенькая была библия у Мефодия, будто только что с печатного станка.

Кончал моления, окружали его верующие. Переходила

библия из рук в руки. Перелистывали, любовались ею, расспрашивали, где взял. Отвечал всем: можно купить.

Много нашлось желающих приобрести книгу священного писания. Мефодий не отказывал никому, ибо желание то богоугодным считал. Огрызком карандаша составлял список внесших деньги, а взамен денег оставлял каждому маленький клочок бумажки с фамилией и адресом почты на «до востребования». Это чтобы не накликать на домашний адрес лукавого. Трудное нынче время пошло...

Кивали верующие, жалели святого странничка. Нелегко нести в народ слово божие.

Нелегко. Отяжелела котомка от увязанных в пачки денег. Сколько их было, Мефодий не считал, скитаясь по селам. Подумывал о другом: не дай бог узнают злодеи, ограбят еще, погубят.

И вдруг странник исчез, точно в воду канул, покинул греховный мир.

Исчез Мефодий в Никоне, умер.

Обманутые верующие осаждали почту надуманного Мефодием города телеграммами, письмами. Просили, умоляли, требовали как можно скорее выслать библии или вернуть деньги.

Не боялся Никон, что нападут на его след. За многие сотни километров от указанного города, в селе Славском, наставлял теперь он единоверцев, как жить следует по законам божиим. День и ночь — видели все — молился Никон, подавая пример в вере. Молился рьяно и... втихомолку искал черную биржу.

Так оказалось в руках Никона золото.

Серафиму, единственному другу задушевному, открылся Никон, когда удирали в Германию. Открылся, что везет с собой драгоценности.

Ехали вдвоем, на немецком грузовике. Как сейчас помнит Никон, какая темная была и страшная ночь. По

лицу безжалостно хлестал холодный осенний дождь. Жутко завывал ветер в телеграфных проводах. Одолевал сон. Никон надвинул на лицо капюшон, склонился на кабину и не заметил, как сладко уснул. А за городом Корец подобрали его жители на обочине дороги, с разбитой головой, ноющими от боли ушибами на всем теле. Ни Серафима, ни чемоданов рядом не было...

«Врешь, Серафим, скажешь правду! Спрятал — под землей найду»,— ворочается Никон от не дающих уснуть воспоминаний.

Зашевелился Серафим. Никон приподнялся, насторожился.

— Дай воды! — едва слышно произнес Аминев.

Никон подал воду. Серафим припал распухшими губами к кружке. Пил долго, жадно.

— Помоги встать, брат Никон, — приглушенно молвил он утираясь.

Подхватил его Никон сильными руками под мышки, с трудом усадил на канапу, сел рядом.

Склонив крупную голову на плечо, Серафим тяжело дышал. Некоторое время сидели так и выжидательно смотрели один на другого.

— Так вот, Никон, — заговорил, наконец, Серафим,— упал ты с машины... Стучал я стучал по кабине, не остановили... О случившемся сообщил в городе Ровно. Фельдфебелю Мирке. «Бежал, свинья! — рассвирепел он.— Где вещи?»

Отомкнул Мирке наши чемоданы, все до нитки перебрал. Увидел драгоценности — изменился в лице. «Партизаны вы до единого, мошенники!» — кричал. Страшно ругался. В бешенстве избил меня, забрал чемоданы да и ссадил с машины... Какие страсти перетерпел я в тот день! —

с притворной грустью в голосе говорил Серафим. — Клянусь богом, правда! — воскликнул он в заключение. Устремив взор вверх, скрестил на груди руки.

Никон слушал молча. На широком его лбу то собирались, то расправлялись глубокие, сердитые складки. В груди не утасала буря негодования.

«Обманывает, подлец. Ни одному слову не верю», — думал он.

— Значит, угодно было так богу, — сказал с видимостью смирения. Мягче спросил: — Как теперь у тебя?

— По труду — ведаю пасекой. По вере — наставника видит во мне братство. Пресвитером я здесь, Никон.

Ухмыльнулся Никон в колючие усы, сказал насмешливо:

— Хитро приспособился. Богоугодное и доходное то дело. — Оскалив полукружья белых зубов в усмешке явной, продолжал, как бы вычитывая из книги: — И возложила пророчица на голову руки, рекоша: «Ты истинный человек от бога, тебя должны все слушатись, ты проповедуешь истину».

Уловив ядовитую насмешку над собой, Серафим нервно шевелил скулами, отчего на жирном отвисающем подбородке его стал подергиваться острый клинышек бородки.

Удовлетворенный тем, что пущенная колкость задела Серафима за живое, Никон с издевкой бубнил дальше:

— Значит, поучаешь: «Не входите в дома и собрания, где не славословят господа бога; родина наша на небе, на земле — временные...» Так? Духовные сестры, пророчицы, сборы на святую евангельскую... Хе-хе-хе! Всевышнему благодарение, плоти утоление, утробе пресыщение... Велелепно! Истинно велелепно, Серафим! Берегись, не пресыть утробу. Никак пятьдесят годков привалило, слаба стала...

Поглядел Серафим на собеседника исподлобья, умоляюще пролепетал:

— Оставь, Никон, неподобные речи, побойся бога.

Лепет Серафима оставил Никон без внимания. Чуть смягчив выражение сурового лица, придвинулся к нему вплотную, чувствительно придавил плечо рукой:

— Мне требуется, Серафим, место. Зиму пересидеть. Не сам заботься, а поручи выделенному брату утолять мои нужды. Затраты положи на себя. Придет час — сквитаемся. Место подбери получше, поспокойнее...

В знак согласия Серафим отвечал едва заметными кивками.

Глянул Никон на часы и заторопился. Схватил вещевой мешок, перекинул за спину, приладил на плечах лямки.

— Жди дня через три. Обговорим, как и что... — Сказал и быстро направился к выходу.

Вышли они во двор. Прислушались, постояли. Томительная минута — и топот ног Никона растворился в шуме ветра.

Склонив уныло голову, Серафим долго еще стоял у порога, опершись плечом об угол дверной коробки. Его обливала густая темнота. Усилившийся ветер трепал, наклонял голые ветки сирени к земле, стряхивал последние засохшие листья, продолжал завывать в трубе, стучал по крыше.

«Куда бы ему идти? — размышлял Серафим, глядя в темноту вслед Никону. — Мне то все равно, да лучше бы туда шел, где шею свернет. Не спрятался ли в кустах?» — с боязнью подумал он вдруг и непроизвольно обернулся.

В заунывной песне ветра, в трепете веток, в чернильной темноте, скрывающей в себе много всяких тайн,— всюду Серафиму мерещились теперь страхи, вторгшиеся в его мирную жизнь с нежданным появлением Никона.

Серафим проклинал Никона, а ветер почему-то был горячий, больно обжигал лицо. Огнем пылали щеки, стучало в висках, глаза налились зеленой мутью.

Приложил Серафим ладонь ко лбу. «Жар! Болезнью господь награждает. Грешен я, грешен...».

Одним рывком задвинул засов, пружиня в коленях, нетвердой походкой добрался с трудом до кровати, зло прошипел:

— Сам нечестивец и вор каких мало! — Угрожающе потряс кулаком и устало повалился на кровать.

В бреду он опять проклинал Никона, выкрикивал непонятные слова, молился богу, проклинал и снова молился.

НАПУТСТВИЯ БРАТА СЕРАФИМА

Медленно наступало прохладное осеннее утро. Будто огромный котел с остывающей водой, парила река, и над ее поверхностью повисла густая, молочно-белая пелена. В домах жителей села Елизаветовки зажглись предрассветные огни, захлопали двери, застучали щеколды.

А вот и хозяйки появились на улице, засуетились в утренней управке. Одни, помахивая прутиками, подгоняли коров к сбору на выпас, что у склона крутого берега, другие толпились у колодцев, с тихим звоном опускали ведра, набирали воду. Во многих домах над трубами затопленных печей вились уже сизоватые дымки.

Отряхиваясь на ходу и разноголосо покрякивая, ковыляли к воде на коротких ногах стада уток. Где-то в центре села от неожиданного змеиного шипения гусаков шарахнулся в сторону здоровенный черный пес, но тут же опомнился и с диким лаем, остервенело набросился на обидчиков. Гуси тяжело захлопали крыльями, громко гогоча, опустились на средине реки.

То здесь, то там в обычный отзвук начавшегося трудового дня вплетался веселый девичий смех повстречав-

шихся подружек. Забыв обо всем, на минутку, собирались в кружок любительницы посудачить с утра. Одна из них вдруг спохватилась и, поругав себя при всех за безделье, торопливо побежала к покинутым делам.

О чем-то оживленно рассуждая, пригнали в стадо своих коров пророчица Секлетия и сестра Евдокия. Не торопясь, еле передвигая ногами, степенно пошли по берегу к оврагу.

Безмерно высокая, с гусиной шеей на узких косых плечах и медленная в движениях, Секлетия сгибалась в дугу, наклоняясь к своей собеседнице. Евдокия, вдвое меньшая, будто силком втиснутая в распиравшуюся от ее безобразной полноты одежду, старательно передавала Секлетии что-то «важное» и неотложное. Переваливалась за ней уточкой.

Иногда они подолгу останавливались, и тогда их лица сближались. Говорили сестры шепотом, «на ушко». Беседовали много и обо всем, вдали от сторонних глаз. Так дошли до оврага.

— Вот все, что прослышала, — важно сомкнув выдававшиеся вперед толстые губы, заключила Евдокия.

— Скорбно, сестра Евдокия, весьма скорбно, — плаксиво запричитала Секлетия, с грустью качая головой и печально посматривая на дом Аминева. — Больной стал, задумчивый, а отчего — один бог ведает. Вот несу ему криночку молока, ватрушечек, справиться про нужду иду.

— И болезнь у пресвитера, а и хочется же послушать слово священного писания. Ох, хочется! Душа жаждет истины, успокоения. Поспроси, Секлетьюшка, когда будет молитвенное собрание, поспроси! — жалобно-умильно вторила Евдокия пророчице. А глаза быстрые, по сторонам рыщут.

— Поспрошу, непременно поспрошу, Евдокеюшка, — сказала Секлетия и, не прощаясь, дробными чинными шажками побрела к дому Аминева.

Приоткрыв половинку оконных ставен снаружи и не спрашивая разрешения, вошла пророчица в дом.

— Слава Иисусу! — учтиво произнесла при входе. Сбросила с плеч платок.

— Слава богу! — приветливо отозвался Аминев и лениво приподнялся с постели. — Заскучал один, рад, что заглянула...

Повесила Секлетия платок у дверей на гвоздочек, смахнула ладонью со стола крошки. Взяла веничек, пол вымела. Закончив уборку, поставила на стол кринку с молоком.

Аминев не спеша умылся, стал на колени, сотворил утреннюю молитву и принялся за завтрак.

— С чем добрым господь принес? — спросил он, посматривая пытливо на пророчицу.

— Да как тебе сказать, — часто замигала Секлетия бесцветными глазами. — Разное: добрые и плохие вести принесла.

— Не тяни, пророчица, говори по порядку, — не то строго, не то нетерпеливо молвил Аминев, подумав: «Врет иногда, да ладно, к месту».

— Сей ночью видела тебя во сне с венком на голове. А розы на том венке были зело великие да пышные, дивно-предивно в изумрудном сиянии цветов раскрашенные. А листочки на них дышали, как живые, словно божьей благодатью налитые. К здоровью да к счастью сон, Серафим.

— Весть добрая. Благодарю создателя, — склонил он с благоговением голову. — Еще что?

Сочно почмокала Секлетия тонкими губами, наклонилась к лицу Серафима ближе, продолжала вполголоса:

— Евдокия передала, по селу слухи идут... Замыслили безбожники поверх плану хлебец до единого зернышка выпродать. Деньжат за труд, видать, тоже не дадут. За

площадью, где мяч гоняют, собираются воздвигнуть строение большущее. Мыслят сострочить в нем лестницы разные, веревки навесить и многое другое. Приспособить для молодых хотят, дабы развлекались. Гимнастикой то ли спортзалой то называется. Смятение и ропот среди верующих и неверующих. Как скажешь, Серафим: не богоугодное дело затевают? Вскоре на сборах обсуждать будут обо всем...

Серафим с шумом отодвинул от себя чашку. Выплеснулось молоко, белыми пятнами разлилось по клеенке. Нахмурив лохматые брови, затеребил пресвитер пальцами острячок бороды. В раздумье уставился на Секлетию.

— Как по-твоему, пророчица?

— Втолковать неразумеющим про беззаконие того замышления, по-моему, надобно.

И снова часто замигала она глазами. Точно желая прочитать мысли наставника, застыла вдруг недвижным взглядом на озабоченном лице его.

— Дело говоришь, пророчица, дело! — удовлетворенно протянул Аминев. Зажал в кулак бороденку. — Только поосторожнее надо. Не навести бы на нас неудовольствия, быть вроде бы в стороне... — хитровато подмигнул он и задумался.

Подражая ему, со значительным видом замыслилась и Секлетия. Шевельнула линиями облысевших, почти безволосых бровей, будто очнулась от спячки, когда услыхала.

— Вот что, пророчица. Придется тебе в Подлесное сходить, к брату Панфилу. Пускай братья и сестры наведаются к знакомым и верующим у нас в Лизаветовке да скажут: слыхали мол как ваши-то помышляют... Одним словом, сама научишь, как повести все. Напутствуй на то сестер Евдокию, Прасковью, Аннушку. Можно и брата Трофима: увертистый он среди неверующих. В общем,

ропщущие — дабы пуще ароптали, а неропщущие — да заропщут. Поняла?

Наблюдая за тем, как пророчица раболепно засматривала в лицо ему и скромненько поддакивала в тон, вспомнил Серафим ее видение на молении.

«Знала плутовка раньше о том, о чем сейчас речь ведет, потому для острастки и придумала о гладе да море».

Морщась и охая от боли, Серафим встал, будто отечными ногами, горбясь, заковылял по комнате. Кинулась было услужливо Секлетия, поддержать хотела, да отстранил. Сухо заметил:

— Не требуется. Договаривай!

Отдернула конфузливо руку пророчица, проглотив обиду, заговорила:

— Поняла, как есть все поняла, брат Серафим. Одно вот... с братом Трофимом беда. Внушением бы подействовать... С пути сбился.

— Что стряслось с ним? — осведомился встревоженно Аминев.

— Проведала сестра Евдокия, как вчерась Трофим с конюхом, дедом Кириллом, распивал спиртное на сеновале, зелье курил, блудословил. На виду мне, говорит, нельзя, давай тут, втихую. Наплевать мне, говорит, на пасечника— это, стало быть, тебя, Серафим,— и на других тоже, похвалялся он деду. Ежели захочу, в бараний рог, говорит, согну их. А Секлетия — поносил злоязычник меня — только с виду есть тебе дохлая, бесхвостая крыса, а ябеда несусветная. Многое еще словоблудничал там. Совращает Трофима бес, соблазнами совращает...

При упоминании имени деда Кирилла лицо Аминева покрылось гневными пятнами, сухой злой блеск появился в глазах. Возненавидел он деда. Сам не мог понять, почему дед приглядывается к нему, косится, расспрашивает о нем тех, кто бывает в доме. Нет ли в дружбе с Трофимом

чего-то против него? Не наболтал бы лишнего во хмелю Трофим. Давно пора отлучить богохульника от церкви, да, не знаючи его хорошо вначале, доверил ему такое, что не каждому надо знать.

Сообщение Секлетии обеспокоило и насторожило Серафима.

— Глуп Трофим на нашу беду. Голову пришил ему господь вроде не по назначению. К вере относится равно, что животное к зеркалу, дуралей. Ну, да ладно, о том сам буду вести речь с ним. Вели ему быть вечером у меня.

— Оповещу, непременно оповещу,— утвердительно закивала Секлетия. — Еще такое...

— Невмоготу больше, — махнув рукой, прервал ее Аминев. Сдавливая большой отвисающий живот ладонями, смотрел на Секлетию в упор, диктовал начальственным тоном:

— Перво-наперво побывай в Подлесном, у брата Лаврентия. С простудной хрипотой да грудным кашлем лежит, больной. Жениться желает, а получается, помирать прежде собрался. Передай, нужен будет вскорости. Пускай молит бога о полном выздоровлении. От Лаврентия сходишь к брату Панфилу, из Подлесного — пойдешь в Криничкн, к брату Аристарху, в Воронцовку — к брату Онуфрию. Обяжи их заблаговременно позаботиться, собрать задолженность на общинные нужды. Кто сто целковых, а кто и более не донес. Велика сумма, ежели свести воедино. Умненько выведай, что творится среди стада... Так... Вот и порешили все с божьей помощью, — облегченно вздохнул Серафим, дав понять, что разговор окончен.

О сестре Фене еще что-то хотела донести Секлетия, да, видя нерасположение Серафима к дальнейшей беседе, встала тоже, сняла с гвоздя платок.

Переступая с ноги на ногу, стояла у порога. То снимала платок с плеч, распутывала бахрому, то опять набрасывала

на плечи, перебирала пуговицы на новенькой ситцевой кофточке.

— Все? И все? — переспрашивала она, лукаво поглядывая на раскрасневшееся лицо Серафима. От разгоряченного дыхания ее чахлая грудь стала приподниматься выше. На безжизненном лице, не видавшем ни улыбки, ни румянца, зарозовели впалые щеки, томно сомкнулись веки.

Приблизился Серафим к Секлетии, положил на ее костистые плечи руку, привлек внезапно сестру к распалившейся от страсти груди. Губы их слились в затяжном поцелуе. И погрязли после того «брат» и «духовная сестра» в делах мирских, искушениях греховных, далеких от святости...

Только в полдень, крадучись между кустами, как лиса, уходила пророчица от Аминева. Высмотрев, нет ли кого на дороге, обошла овраг, незаметно прошмыгнула в лес.

Извилистой тропкой, неприметными стежками пробиралась Секлетия в село Подлесное. А оттуда — дальше...

Ушла пророчица, Серафим долго лежал в постели, потягивался, ворочался с боку на бок, о чем-то мечтая. Вдруг мечтательное выражение исчезло с лица его, схватился он, быстро оделся, подошел к окну.

Невольно взоры Серафима обратились в ту сторону, где пряталось за лесом огненное зарево заходящего солнца. В окружении светила, на огромном голубом шатре, далеко вширь и вдаль простирались пламенеющие полосы. Каркали кружившиеся над лесом вороны.

— Быть завтра сильному ветру, — произнес вслух Серафим. — И скоро темну, — добавил, сам не зная почему. В нервном порыве заходил из угла в угол.

Вспомнил Серафим, что ночью должен прийти Никон. Хотя и четвертая, а какая будет она, встреча? — гадал он. При одной мысли, что произошло между ними в первый раз, пробежал у него по коже мороз.

Малым огоньком горела керосиновая лампа на столе. Натруженно сопя, согнувшись, Аминев что-то укладывал в деревянный ящик. За окном — шаги осторожные раздались. Приподнялся Серафим, сунул ящик под стол.

Певуче скрипнула дверь, вошел в комнату маленький, тщедушный брат Трофим.

— Ну и темень адская! — пропищал он протяжно, срывая с головы растрепанную, мохнатую ушанку. — Наткнулся на дерево, чуть глаз ветвями не выколол. Звал?.. — поднял он к Серафиму лицо.

— Звал. Поаккуратнее ходи. Садись, о деле поговорим. — Серафим склонился к Трофиму. — Сбыть бы еще одну банку медку. Помнишь, про которую говорили? — полушепотом сказал он, по-дружески, легонько хлопнул Трофима по плечу.

— Не забыл, — ответил Трофим, оглядевшись, и нервно затеребил сбившуюся в комок рыжую жиденькую бородку. — Был бы товар, сбыть можно. Трудно только, брат Серафим, ой, как трудно! Завижу милиционера—поджилки трясутся, вроде привратника преисподней встретил, а чувствие в ту минуту такое, как вот-вот зацепят тебя крюком да шуганут в кипящее масло. Тайное ведь дело, покражей называется. Дознаются — пиши заупокойную Трофиму.

Глянул хмуро Аминев на Трофима, презрительно сжал губы.

— Душонку имеешь, Трофим, жиже киселя. Трусишка почище зайца. Чего бояться, коли великая сила за тобой: господь да молитвы наши. Она-то, эта сила, невидимая, не давит на тело, а спробуй одолеть... Иль соображения в скудном мозгу укрываешь, что для наставника стараешься, на его корысть да на забавы? Не о своем благе, яко пастырь об овцы, о братстве пекусь. На божье дело, заруби себе на носу!

Сказал это Серафим с укором, обидой. Видя недоверие на лице Трофима, сердито засопел.

— Какось сбудем, способная привычка сохранилась, — примирительно заговорил Трофим. — Насчет денег-то, Серафим, выходит, и люди, и бог в одинаковой нужде, — молвил он с подковыркой. Ехидно ухмыльнулся.

— Потому-то, Трофим, первым долгом рассчитайся за прежнее: пятьдесят целковых с гривнами недодал. Признаешь?

Легкая гримаса неудовольствия промелькнула на узком с заостренным подбородком лице Трофима. Обнажив пеньки догнивающих зубов, он осклабился растерянной, виноватой улыбкой.

— Признаю. Плевое то число для тебя, а не деньги, Серафим. Уважь мне их за старание на наличные расходы. Худо, когда в кармане ни копья. Ходишь как ободранная ворона...

— То принадлежит братству. Сознаешь? — недовольно прикрикнул на него Аминев. — Расходуй свое. Получаешь в колхозе? К тому, зачем тебе деньги? Меньше грешить будешь с пустым кошельком.

— Кукишем сыт не будешь, брат Серафим, — угрюмо отвечал Трофим. — Жонка забирает до гроша, в чулок прячет, днем с огнем не сыщешь. Шляешься, говорит, к своим братьям и сестрам по ночам, утеряешь еще, а то пронюхают, что имеешь деньги, да придавят за цыплячью-то шею, отберут ведь! Красив и без денег, говорит, хоть икону с тебя малюй. Э-хе-хе-хе-хе! — тяжко вздохнул он. — Положит меня Галина заблаговременно в гробовую доску, положит, не даст сполна грехи замолить. Вот задумал я, к примеру, порченый глаз прикрыть, очки завести хотел. Дай де...

— Хватит, Трофим! — бесцеремонно оборвал его Аминев. Взмахнул нетерпеливо рукой.— Тебя до утра не

переслушаешь. С твоих слов платье не сошьешь, а деньги любят счет. Не впервые выколачивать долг с тебя. Выворачивай карманы! — строго потребовал он и положил на стол пухлую большую ладонь.

Нехотя встал Трофим с табурета, к столу подошел вяло. Не спеша вывалил из кармана засаленной стеганки несколько мелких купюр, с нежеланием вывернул рваный карман брючной. Подумал и выложил из другого немного денег еще.

— Больше нету, — развел руками.

— Не хватает. Заставлю сапоги снимать, — пригрозил было Аминев, но тут же о чем-то подумал, помял возвращенные деньги в ладони. Бросив их Трофиму в шапку, процедил сквозь зубы:— Возьми, да смотри мне.— Построже добавил: — Проведаю еще раз, что водишь с дедом Кириллом богопротивные дела, срамословишь, спиртное употребляешь, — властноручно, многократно и привселюдно каяться заставлю.

«Не иначе по ябедству Секлетии»,—догадался Трофим, припрятывая деньги в фуфайку. Раскрыл было рот, собираясь что-то сказать в свое оправдание, да опередил Аминев:

— Странника видел?

— Три дня тому назад, в лесу, с боку Подлесного...

— Ну и как?

— Нужду имеет. Заказал купить пару исподнего бельишка, посуду для варения пищи, для питья тако же. В зиму ноги босы. Так заранее про сапоги новые загадует. Окромя того, требуется продовольствие. По моему счету рублишков сотен восемь на то нужно.

На лице Аминева появилась кислая мина. Недовольно захлопал бровями, хмыкнул носом.

— На продовольствие дам, а остальное купим, ежели заимеем деньги. Еще про что говорили?

— Да говорили... — посмотрел Трофим смущенно на Серафима, в какой-то нерешительности замялся.

Не спрашивая больше ни о чем, Аминев выдвинул ящик стола, вынул оттуда две темные, чем-то наполненные бутылки, передал Трофиму.

— Лекарство, — скупо улыбнулся он, блудливо щуря узкие, как у японца, глаза. — Как пользоваться, толковал тебе странник?

Трофим утвердительно мотнул головой, немедля упрятал бутылки в карманы брюк.

Вышли в сенцы. Из дубовой бочки из-под соления Аминев с трудом извлек налитый доверху медом бидон, бережно помог Трофиму взвалить на плечи. Пригнулся Трофим под ощутительной тяжестью, боясь оступиться и упасть, неуверенными шагами ушел покатым спуском куда-то вниз, к реке.

Серафим прислонился к стене сарая, тревожно напрягая слух, выждал, когда стихнет стук сапог Трофима. Взял под мышку приготовленный ящик и, оглядевшись вокруг, насколько позволила темнота, быстро направился к пасеке.

Он уже приближался к ней. За глинобитной кладовой гулко хрустнул под чьими-то ногами сушняк, затрещала ломкая трава. Вслед за этим из-за кладовой вынырнул еле различимый силуэт человека. Это был Никон. Безмолвно они встретились. Впереди хмурой, непроницаемой стеной стоял лес в тихой ночной дреме.

Не прошло и минуты, как оба человека исчезли, словно растворились в непроходимой лесной чаще.

К утру разыгралась ветреная погода. Шумели деревья, сбрасывая с себя липкие пожелтевшие листья, ветер люто гулял по крышам домов, завывал в трубах, рвал, стучал по оконным ставням, вихрем кружил по дворам полчища со-

ломенных стеблей. Над селом вереницей потянулись низкие дождевые тучи.

В деревянной будочке, у порога дома Секлетии, жалобно подвывал рыжий кудлатый пес. Горласто прокричал петух в курнике.

«На перемену погоды орет»,— вывела пророчица. Сонными глазами выглянула в окошко. — Видать, к дождю, — буркнула себе под нос, натянула на ноги отсыревшие сапоги.

Смочила Секлетия холодной водицей лицо, распутала гребнем бесцветные, будто выгоревшие на солнце, волосы, завязала их на облысевшей макушке тесемкой в узелок, похожий на луковичку. Хоть и грешно, поглядела в осколочек зеркальца. Непривлекательный вид имела, понимала, но аккуратность блюла, когда собиралась наведаться к духовному брату.

Одна-одинешенька жила Секлетия. В молитве да покаянии прощения грехов просила у бога, делала все для веры. Старанием угодить богу дышала.

Видел ее усердие Серафим, ценил. Сам по душе ей пришелся. Потому подчас меж ними и происходило мирское...

Как живой, стоял Серафим перед глазами, если случалось, не видела его неделю-другую. Свел бы господь воедино, то-то бы зажила! Свободен ведь. Была жена, говорил, дите, да сманул кто-то лет двадцать назад, покинула. Любит ли меня-то? — Подходящий человек, ах, подходящий! С самим творцом в сношениях, уж как почитают его верующие, милуют да жалуют. От всех утаивал Серафим, а Секлетия знала, сколько мир давал, какой достаток приносил. Почет бы какой, не видать тогда черного дня, только и помышляй что о вере.

От этих мыслей лицо пророчицы загоралось, оживлялись глубоко посаженные глаза, кружилась голова от сладости.

Накинула она торопливо ватничек, сверху натянула мужской пиджачок из «чортовой кожи», обмоталась теплым платком.

«Наведаться к голубчику, сообщить, что побывала вчерась у брата Панфила в Подлесном, передать новости, доказать о сестре Фене...»

Вдела Секлетия в колечки наружной двери замок, сунула в зубы ползавшему на задних лапах Кудлатому сухую корку хлеба и — к Серафиму. Резво пошла, ходко, что тебе иноходец.

А подошла, потрогала ставни — закрыты. Взялась за холодную дверную скобу, потянула, дернула посильнее и растерянно развела руками. Дверь на запоре, точно омертвел дом: ни ответа, ни привета.

«Где ж ему быть?.. У Евдокеи пропадает!» — вспыхнула гневной обидой. Знала: похаживает туда Серафим, скрытно, от всех прячется. Потому-то с виду и была обходительна, дружна с Евдокией Секлетия, а внутри — зло кипело.

Гонимая чувством ревности, мчалась пророчица к духовной сестре, как ветер. Да остыла, отошла, удостоверившись, что нет у нее Серафима. Не придумывала и причины, почему де так рано пожаловала, — причина со вчерашнего дня наготове: напутствовать пришла, как велел Серафим.

Посидела у Евдокии часок, втолковала, что говорить в народе «о замышлении правления...», от нее подалась к сестре Прасковье. Побыла и там часок, поговорила о том же, а оттуда зашла к сестре Аннушке. Только сидела в гостях, что на раскаленных угольях: Серафим нужен был до зарезу. Спрашивала, куда девался. Никто не знает...

Каждый день наведывалась Секлетия к дому Серафима, так и не уследила, когда вернулся.

А Серафим, как отлучился из села, только на третьи сутки, к вечеру, притопал по крученой, изрезанной глубо-

жими колеями дороге. Усталый и разбитый присел отдохнуть.

«Не встретить бы кого, — трусливо подумывал он, приближаясь к знакомому лесу. — Ушел — никому не сказал». Свободнее вздохнул, когда вышел на глухую лесную тропку. Держал путь Серафим на пасеку, что казалась издали маленькими игрушечными домиками, вытянувшимися вдоль опушки.

Для порядка, лишь бы дать знать о себе, прошелся Аминев вдоль ульев, открыл кладовую, приколотил снизу реечку, переложил с места на место пустые бидоны, бросил бесцельный взгляд на дорогу, да так и застыл с полуоткрытым ртом.

По дороге пробежала стройная девушка, резво направилась к его хатенке. Одета девушка в короткий овчинный полушубок, на ногах до блеска начищенные сапожки, из-под голубенькой шерстяной косынки выглядывают светлые локоны.

«Феня! Видать, ко мне», — не мог отвести Серафим глаз от точеных икр девушки, от стройного, гибкого ее стана. Чему-то вдруг ухмыльнулся, живо замкнул кладовую.

Стремясь быть дома раньше гостьи, пресвитер с какой-то силой, придававшей несвойственную его летам легкость, бегом пустился по склону оврага. Перебежав овраг, вышел, будто из-за сарая, когда появилась Феня в усадьбе.

Она издали низко поклонилась:

— Мир вам!

— С миром войдите! — подчеркнуто вежливо ответил Серафим. Рукой пригласил войти в дом.— Как живешь-можешь, сестра? — спросил он участливо.

— Хвала творцу, живу его милостию.

— Садись, говори, с какой нуждой господь принес?

Феня с ответом не спешила. Вежливо посапывая, Се-

рафим ждал, когда она заговорит. Наконец, робко взглянув на него, она сказала:

— За советом, с просьбой к вам, брат Серафим... Идет двадцатый годок, без родных живу, хочу жизнь устроить... Как быть не знаю...

— Так, так. Значит, богу угодно, раз возбудилось такое желание. Приглянулся разве кто? — сладенько, точно одарял чем, спрашивал Серафим.

— Давно, в детстве дружили...— сумбурно, сбивчиво отвечала Феня. — Нынче передает другими, чтобы быть вместе. Нравится он мне, но ему не выказывала, не давала ответа я...

— Кто же избранник тот? — допытывался Серафим, засматривая ей в лицо.

Феня застенчиво опустила голову. Легкий румянец, выступивший на бледных щеках, выдавал ее волнение.

— Роман Забродов. С флотской службы вернулся недавно, — выговорила она как-то смущенно и явно заволновалась.

Передернуло Серафима, в узенькие щелки недобро свелись глаза. Пожевал сердито губами, неожиданно сменил тон:

— Консомол, безбожник, что мотористом работает? Нет души в нем человеческой да веры христианской. Диавол завладел им, искушает тебя. Не найдешь с ним счастья, не пара он!

Какое-то непонятное чувство тревоги охватило Феню. Впервые она видела таким Серафима. Его холодный тон, злые нотки, даже ненависть к Роману, подействовали на нее удручающе.

— Что же делать мне? — спросила она дрогнувшим голосом.

— Выходить замуж, сестра, за верующего. Чем не муж тебе брат Лаврентий, из Подлесного? Телом неказист, зато

с чистой душой, чтит веру нашу, в страстном покаянии у бога прощения грехов просит, о вечной загробной жизни повсякденно помышляет. В соединении с ним найдешь свое счастье и любовь. Вот тебе совет, угодный богу! — наставлял Серафим со сдержанной строгостью, но тоном властным и категорическим.

Слушала Феня и чувствовала, словно обрывается у нее что-то внутри. Прикрыв прозрачно-голубые глаза вздрагивающими пушистыми ресницами, бесцельно смотрела вниз. Ошеломлена была, терялась, не знала, что ответить. Посидела так, бесцветным подавленным голосом сказала:

— Хромой ведь, в летах... — и медленно встала.

Внезапно она пала Серафиму в ноги. Уткнув голову в его колени, заплакала:

— Не силуйте, брат Серафим! Не по душе Лаврентий... Не сладится у нас жизнь, коль не по любви... Чем за него — лучше ни за кого. Не силуйте! — молила она сквозь слезы. Взволнованно ждала: ласковый, сердечный брат внемлет ее мольбе. Увидела, как ей показалось, сочувственное, растроганное лицо Серафима, встрепенулась в надежде.

Положил Серафим на ее голову шершавую короткопалую ладонь, заговорил ласково, подкупающе:

— Сестра и дочь ты мне. Добра желаю, как себе, пойми. Не вкусила еще семейного счастья с Лаврентием, а тужишь. Господь видит, что полюбится он, коль к тому его воля. То сделаешь, что святую веру не осквернит, бога не разгневит. Стерегись диавольских соблазнов. Одолевают они тебя. Бес сидит в Романе, не устоишь перед его искушением—погибнешь. Встань, чадо мое! Готовься к тому, дабы свершить угодное богу.

Встала на ноги Феня, беспомощная, перепуганная. Уловила на себе пристальный взгляд пастыря и испугалась еще сильнее: что-то неискреннее, пугающее скрывалось в

нем. Густой комок сдавил горло, от бросившейся в голову крови пошел в ушах звон.

— Нет. Н-нет! — вдруг вырвался из ее груди слабый, безвольный протест. Не проронив больше ни слова, выскочила из дому.

Опешил Серафим. Слишком дерзкий ответ услыхал он от кроткой, всегда покорной сестры. Возбужденно прошелся по комнате, стал у окна.

Не отрывая глаз, с завистью смотрел Серафим на стройную, красивую Феню. Покручивал жесткие усы до тех пор, пока не скрылась из виду.

— Ничего. Выдадим за Лаврентия, — уверенно проговорил вслух и чего-то вышел в сени.

Феня бежала домой, не чувствуя ног, не видя земли под собой. Ее мечты, надежды, с которыми шла к Серафиму, рассеялись, как дым, как туман в степи.

Дома, стоя на жестком деревянном полу, она горячо и долго молилась. От страшных слов Серафима молилась. Верила, что наказывает ее господь Лаврентием за неугодные мысли о Романе. И в страхе взывала к богу:

— Скажи, как искупить вину мою... Пошли в мужья того, кто по сердцу... Смилуйся, прояви справедливость, не наказывай так строго... Не карай Лаврентием, не карай!..

Уже давно перевалило за полночь. Усталость, тяжесть во всем теле почувствовала Феня. С надеждой обрести прощение грехов, в страстном призыве к милосердию улеглась в постель.

А со двора доносился тихий шелест осеннего дождя. Тусклый огонь электрического фонаря, что напротив, у клуба, подсвечивал мелкие брызги, осевшие на стеклах, и оттого казались они Фене золотыми слезинками. Прислушиваясь к шуму дождевых капель, барабанивших по окнам без устали, она задумалась. Монотонный, упорный

стук навевал еще большую скорбь. Начали одолевать воспоминания...

Вот так же, много ночей подряд, почти не спала Феня, когда схоронила маму. А стоило чуть забыться, как она приходила к ней и молча гладила ее высохшей, худенькой рукой по волосам, заплетала косички, прижимала к своей щуплой груди и также молча уходила. Тоска и скука терзали Феню, жутко, пустынно было одной в доме. А через полгода после смерти матери ей исполнилось шестнадцать лет. Шестнадцать лет! Она была уже взрослой. И Феня радовалась этому, не подозревая того, что подстерегало ее горе новое.

Шла она в тот день к тетушке Аграфене в Виноградовку, отпраздновать день рождения хотела. Первый темно-бурый ледок затянул реку, колючий ветерок гнал по ее поверхности мелкую снежную пыль. По-детски шаловливо, с разгона скользила Феня, перебираясь на другой берег. И вдруг неожиданно нырнула в присыпанную снегом полынью.

«Спаси-ите, утопаю!» — кричала она. Хваталась руками за острые кромки, а лед ломался, ломался... Дальше не помнила ничего. Очнулась дома, в кровати. Тело горело огнем. У изголовья сидела тетя Секлетия, укрывала ватным одеялом. «Лежи, доченька, согрейся».

Так говорила всегда мама, только голос у мамы был нежнее, ласковее.

Как родная, ухаживала и тетя Секлетия: врача вызывала, приносила лекарства, чаем с малиной поила, расходовала свои деньги не жалея. Круглые сутки не отходила и спала рядом, на топчане.

Наведывались Варенька, Аленушка, другие подружки. Спрашивали: «Как?» Отвечала им: «Хорошо мне с тетей Секлетией, хорошо».

Все реже бывали подружки, потом перестали заходить

вовсе. Один дед Кирилл, друг отца, не забывал: нет-нет и зайдет, проведает. Только чего-то на Секлетию поглядывал искоса, будто на врага. А как-то высказал: «Не обкручивает тут забобонами?».

Не догадывалась тогда, к чему было сказано. Молилась Секлетия, читала толстую книгу с желтыми листами. На то, наверное, намекал дед.

«О твоем выздоровлении молюсь», — говорила тетя Секлетия.

— Кому? — спросила однажды.

— Богу, дочка, богу, — отвечала она. — Один бог тебя спасет, — прибавляла и продолжала молиться.

Странно и смешно было Фене. Знала, что бога нет, а тут... Ухудшалось ее здоровье — часами стояла Секлетия в углу на коленях, бормотала что-то непонятное. А то вцепится себе в волосы, рванет их и начнет кричать дурным голосом. Неузнаваемая делалась, будто не при своем уме, а кончалось тем, что взволнованная, с плачем кидалась к Фене, обнимала и говорила:

— С ним, с ним разговаривала. Жить будешь, доченька, жить!

Подолгу читала Секлетия книгу, Феня от скуки слушала. Недельку спустя — посетил дядя Серафим. Вдвоем читали, молились. От Секлетии узнала, что дядя запросто разговаривает с богом, когда захочет. Так было каждый день.

И Феня думала: наверное есть бог, раз люди верят. И тут же: «Почему другие не верят?».

Задавала себе вопрос, а объяснить не могла. Спросить кого, кроме тети, — забыли все, не стали бывать...

А весеннее солнышко уже весело проглядывало сквозь окна. Земля покрывалась мягкой зеленой травкой, зацвели сады. Вместе с торжествующим пробуждением жизни возвращалось и здоровье Фени. Расхаживала теперь по утрам

омертвевшие было ноги, порывалась «покопать огородик», скорее на работу просилась. Не пускала Секлетия. «Рано».

Проснулась однажды Феня, выглянула во двор и диву далась: половина огорода вскопана. Секлетия, тетя Аннушка и тетя Прасковья, дядя Серафим там хлопочут: старательно выворачивают лопатами сырые глыбы, причесывают железными грабельками, садят картофель, разбивают грядки для помидор, гороха, моркови...

Вскопали, ушли. Тетя Секлетия опять:

— Доброта, Феня, от бога нам дана. На земле одно зло потому, что забыли люди бога-то, забыли! Кто верует, тот способен творить добро.

И верно, думала Феня с теплотой и благодарностью, задушевные, добрые люди. Может, и впрямь послал мне их бог в тяжкую годину.

Поправилась Феня—обняла ее тетя Секлетия в последний день, расцеловала, сказала трогательно:

— Угодное господу свершила я. Здорова ты. Открою то, что недуг твой не позволял раньше открыть. Огорчать не хотела. Наказание господне перенесла ты. Отец умер, за ним мать, с тобой вот... Осмысли: за грехи все. Но бог милосердный, молись, спасение найдешь в том.

Сходила раз-другой Феня на моления, не смея отказать хорошим людям, а там — привыкла, поверила... Четвертый год, как по вере живет. От всего земного отрешилась, половину заработка отдает на божьи нужды. Сторицей платит за то, что помогли когда-то. Да и к чему деньги, если все, что приукрашивает человека на земле, греховная похоть, распутство, противное богу.

Что же сегодня услыхала она за свою веру от брата? За Лаврентия?!. Неужели это он, всевышний, мог так подсказать Серафиму? А Роман?.. Душа ведь по нем мятется.

До рассвета не могла уснуть Феня от тяжких дум за свое будущее, от страха, какой пережила в этот день.

ПОЖАР

Не за горами было собрание, и по селу уже расползались слушки, сеялось недоверие. Чего только не говорилось: и хлеб вывезут дочиста, и деньги прикарманят. Утверждали даже, что председатель Андрианов делает это преднамеренно, чтобы выслужиться перед высшим начальством: отправит все в поставку, а сам обратно в город удерет.

Выползали слухи исподтишка, осторожно, и нельзя было понять, откуда идут они.

В последние дни, чего не бывало раньше, подолгу околачивался без дела возле сельсовета Трофим. Он что-то высматривал, кого-то встречал, о чем-то горячо рассуждал, размахивая руками. Уходил и вскоре появлялся опять.

Вывесили объявление. Всунув руки в карманы, Трофим стоял у доски и по складам читал: «Об-бщ-щее соб-бра...»— Не закончив, кивнул более грамотному, глуховатому свинарю Пантелею:

— Ну-кась, прочти, по какой причине собраться? Плохо разбираю...

Зачитал Пантелей повестку дня.

— Ишь ты! О хлебе, о спорте, — защипал бородку Трофим.

Отошли в сторонку, в безлюдное местечко, Трофим сообщил Пантелею на ухо «мыслишку особую», говоря:

— Тут, брат, хи-итрая политика! Позволь собранию на ноготок, они под ту марку всю ладошку вырвут. Оставайся тогда со своей саранчой голопузой на бобах. Уж такой человек пояснил мне — насквозь в курсе планов правления. Истинный бог, правда! — приложил он к впалой груди руки. Добавил: — По-приятельски тебе, знай. На ус намотай, а от кого слыхал — язык проглоти. Так-то Пантелей.

Ужом вился Трофим среди мужиков, подслушивал,

как толкуют, о чем речь ведут. Если о хлебе, подметит кого хоть с небольшим сомнением и давай ему выкладывать наедине, как Пантелею, «соображения».

В ту пору почему-то страшные сны виделись пророчице по ночам. То смерть с косой явится, махнет ею — люди, как скошенное сено на лугу, падают; то на облачном небе вместо облаков плывет вдруг много-премного железных и деревянных гробов, а то еще несуразица какая-нибудь примерещится.

Расскажет пророчица сон податливым бабам и непременно выведет: «Ох, чует мое сердечко, не доведи, господи, чует —напасть какая-то людству готовится. Как бы ни от того, что наше правление замышляет...»

По напутствию Секлетии, то одной, то другой женщине «по секрету» передавали, что «прослышали» о коварных замыслах правления сестры Евдокия, Аннушка да Прасковья.

Зачастили в Елизаветовку, чего раньше не бывало, «божьи люди». От брата Панфила шли, из Подлесного, и от брата Аристарха, из Криничек. Масла подлить в огонь шли.

Находились доверчивые люди, принимали «святых», распространяли их «весточки» другим.

Солнце клонилось к закату. Меркли золотившиеся от нежаркого дневного солнца кроны осенних деревьев в лесу. Только вершины их под закатными косыми лучами ярче прежнего сверкали ослепительным блеском, словно собирались зажечь наступавшую темноту. Вокруг стояли тишина и прохлада.

По дороге, пролегавшей по средине села, шли группками и поодиночке колхозники, торопились в клуб на собрание. В огромном зале нового здания царило необычное оживле-

ние. Люди густо толпились у входных дверей, заполняли пролеты между рядами стульев, стояли у стен.

Скрываясь в полумраке, в самом уголке на заднем ряду, незаметный, ссутулившийся смиренно, приютился Аминев. Он велел своим всем быть на собрании. Насупив щетинистые брови, обжигал свирепыми взглядами веселые лица сидящих впереди парней и девчат, перебрасывавшихся между собой забавными шутками. Где-то в средних рядах, окруженная сестрами, брезгливо сморщив худое, точно вылепленное из алебастра лицо, подслеповато смотрела на сцену пророчица Секлетия. Локоть о локоть с ней, вытянув вперед расплывшееся от жира, одутловатое, распухшее от сна лицо, сопя и похрапывая, мирно дремала разопревшая в духоте Евдокия.

Неожиданно гул в зале начал стихать. Все устремили взоры на сцену. За столом, накрытым кумачовой скатертью, появился широкоплечий председатель колхоза Андрианов. Выждав, когда установится полная тишина, он открыл собрание. Без долгих обсуждений избрали президиум, утвердили повестку дня.

Ведущий собрание, член правления колхоза, старший конюх дед Кирилл, предоставил слово Андрианову.

Со вниманием слушали собравшиеся короткий, но убедительный доклад председателя о предполагаемых итогах текущего года, о намеченной окончательной оплате трудодня, о планах на будущее.

— До нового урожая будем обеспечены, — увлеченно говорил он, вызывая всеобщее одобрение. — Поэтому правление считает, — заключил Андрианов, — что есть возможность помочь нашему государству, и выносит на обсуждение решение о продаже двух тысяч центнеров зерна сверх плана. Кроме того, без ущерба можно выделить средства на сооружение спортзала для нашей молодежи.

Доложил Андрианов, свернул папку, сел за стол.

— Докладчик кончил. Есть вопросы? — окинув важным взглядом присутствующих, спросил дед Кирилл.

Никто не отозвался. По залу легким шелестом прошелся тихий шепот.

— Значит, ясно? Так, что ли?

— Ясно!.. Неясно! — послышались отовсюду мужские и женские голоса.

— Чего спешишь, дед Кирилл! — возмущенно заметил с заднего ряда чей-то грубый мужской голос. — Веди собрание по надлежащему порядку.

— Я-то по порядку и спрашиваю: кому неясно — давай! — сердито ответил дед Кирилл.

В переднем ряду высоко вытянулась вверх рука плотника Терентия.

— Такой вопросик выяснить,— просипел он сквозь щербатые зубы. — Ежли б раздать те тыщи да деньжата, что на спорт, да прикинуть — какая прибавка произошла бы к трудодню?

— Примерно, по четыреста граммов хлеба и по сорок девять копеек на трудодень, — не задумываясь, ответил Андрианов.

Терентий покачал головой, протянул «д-да» и, сев на стул, почесал затылок. За ним еще кто-то повторил то же слово, пронесся легкий шумок.

Откуда-то из средины зала робко поднялся со стула свинарь Пантелей.

— А не пойдет оно так: согласие дай на две тыщи, а правление под ту марку вывалит все на ссыпной и накроется рассчетная?

Задал Пантелей вопрос, вперился глубоко сидящими в орбитах глазами в спину восседавшего впереди брата Трофима. Тот боязно оглянулся и, втянув шею в плечи, беспокойно заерзал на стуле.

Только руками развел от удивления Андрианов.

— Накрутил кто-то безбожно, — шепнул он деду Кириллу и подошел к трибуне.

— Тут какая-то провокация распространена, — заявил он. — Правление не собирается ни одного лишнего грамма продавать без вашего согласия.

Не успел Андрианов высказаться, раздались громкие возгласы:

— И мы слыхали про такое!..

— За уши, к ответу провокаторов!..

— Из Подлесного приходили, толковали, как говорит Пантелей!

Трофим растерянно моргал реденькими ресницами. Упрятав подбородок в ворот распахнутой стеганки, сполз со стула так, что из-за спинки чуть виднелись его взъерошенные, давно нечесанные волосы.

— Нелепое создание, болван! — ворчала Секлетия, рассерженная трусливым поведением Трофима. Костлявым коленом ударила Евдокию в бедро, заставив ее прекратить раздражавший, с прихлебом храп.

Из ряда вышел в проход кузнец колхоза Дементий Прокуда. Поправил пальцами кончики аккуратно подстриженных смолистых усов, придав лицу степенное выражение, заговорил по-деловому:

— Чего напрасно воду в ступе толочь. Провокация — то чепуха. Пускай брешут, а мы правлению своему, председателю-тридцатитысячнику верим. Свою державу поддерживаем, не чужую, для наших детей заботимся о развлечениях. Голосую за постановление правления... призываю других.

— Правильно!

— Дельно! — послышалось со всех концов зала.

— Командуй голосовать! — закричал чей-то звонкий тенорок.

Дед Кирилл увидел, как чья-то щуплая, почти детская

рука то вытянется, то опустится, снова вытянется. «Трофим. Что скажет?»

— Высказывайся, Трофим Гордеев!

Откашлялся Трофим в кулак, провел растопыренными пальцами по всклокоченной бороденке.

— А я вхожу в размышление так, — молвил он женоподобным голосом. — Ежели раздать те тыщи, да пущай всяк свое продаст... или сбыть на базаре по сходной цене колхозом да раздать выручку. Все едино ж продаем рабочему. Спортой нам, старшим, займаться не к чему. Пущай молодые, кому желательно, складутся да соорудят. И еш-ч-че...

Не выговорил Трофим дальше—что «ешче?» Пискляво икнул, будто чем подавился, с размаху плюхнулся на сиденье от сильного рывка за полу ватника.

— Нишкни, дьявол! — зло шикнула на него сидевшая рядом смуглая, пышущая здоровьем жена. Ткнула его кулаком в бок.

Дружным смехом грянули вокруг Трофима, неудержимой волной захлестнули перепуганного «брата». Невольно заулыбались и Андрианов с дедом Кириллом. Сквозь смех в зале пробивались одна за другой язвительные реплики:

— Шпикулянт, частная душонка! — стараясь всех перекричать, напрягался плотник Терентий.

—Ляпнув, як в болото! — гудела какая-то горластая породистая украинка.

— Довольно, командуй поднимать руки! — настойчиво доносились требования к президиуму.

Долго успокаивал дед Кирилл расшумевшееся собрание, то стуча карандашом, то кулаком по столу, пока водворил порядок.

— Народ требует, пора сворачивать, — подсказал деду Андрианов. Мотнув утвердительно головой, дед поставил

на голосование два предложения: решение правления и, явно обреченное на провал, смехотворное предложение Трофима.

— Кто за постановление правления? — спросил дед Кирилл. И в ту же секунду вечернюю тишину прорезал жалобный звон рельса. В зале насторожились, притихли, потом взволновались.

Сильно стуча сапогами, в клуб вбежала запыхавшаяся, перепуганная девушка. Закричала:

— Коровник горит, спасайте!

С грохотом откидывались сиденья стульев, вмиг раскрылись широкие двери запасных выходов, вся масса людей нестройным топотом, стремглав бросилась к месту пожара.

Со всех сторон над камышовой кровлей коровника в чистое звездное небо взвивались огромные клубы черного дыма. Сквозь дым вырывались желтые языки пламени. Протяжно и жалобно мычали метавшиеся внутри испуганные животные.

Накинув на голову мокрый мешок, кузнец Дементий с группой смельчаков ворвался в коровник и начал выводить оттуда молодняк. С дымящимися хвостами, подпаленной шерстью, мыча, обезумевшие животные сразу же убегали от страшного места прочь.

Мокро зачмокали ручные насосы, заработали мотопомпы, и мутные струи воды уже шипели в жарком пламени. С десяток человек во главе с дедом Кириллом пытались оторвать от стропил железными вилами участки загоревшегося камыша. Людей лизнули огненные языки, обдало едким дымом. С опаленными бровями, слезящимися глазами они вынуждены были отступить.

Сухой треск камыша, горевших стропил, звон ведер, мычание коров, быстрая, подчас бестолковая беготня суетившихся кругом людей слились в единый тревожный шум.

А пламя становилось все сильнее и жарче. Высоко поднимаясь вверх, оно стелилось уже по всей поверхности кровли. Объятое огнем лозовое перекрытие усиливало треск горевшего сухого дерева вдвойне.

Вдруг народ хлынул к дверям, из которых валили клубы дыма.

— Председатель! Что-то Дементий застрял... — взволнованно закричал колхозник, выводивший скот.

— Ой, батюшки, сгорит! — жалостливо завопила пожилая женщина.

— Дементий, Дементий! — звали в сложенные рупором ладони.

К дверям подбежал запыхавшийся Андрианов. Быстро снял бушлат, отшвырнул его подальше, ринулся в коровник.

— Я пойду! — успел схватить его здоровенный парень. Без промедления упал на пол, ловко пополз на локтях, в мгновение ока скрылся в непроницаемой дымовой толще.

— Роман Забродов полез... Ай, морячок! Гляди, какой смелый! — восторженно переговаривались в толпе. — А председатель... тоже не жалел себя, — с уважением заметил безусый, сгорбленный старичок.

— Григорий! Живее «Победу». Смотайся в район за врачом. Приготовься потом ехать в город! — следовали короткие распоряжения Андрианова.

Словно не стало людей: лица вытянулись, с замиранием сердца все устремили взоры к злополучной двери.

Но вот толпа безмолвно колыхнулась, раздвинулась.

— Есть! Живы! — радостно прозвучали голоса. — Слава тебе, господи! — воскликнула где-то в средине гущи старушка, размашисто перекрестилась и всхлипнула.

Из дверей выползал Роман. На его спине, бессильно свесив голову, казалось, бездыханным лежал Дементий. Из накинутого на голову мешка шел жиденький пар, на

брюках, ватнике местами тлел огонек. Дружно подхватили Романа мужские сильные руки, выволокли наружу.

Одним взмахом складного ножа дед Кирилл разрезал пояс, стянул с Дементия одежду.

— Разойдись, дай ветерку! — разомкнул дед окружающих, замахал над Дементием бушлатом Андрианова.

Облегченно вздохнули все, когда Дементий, жадно глотнув воздуха, приоткрыл глаза и шевельнул запекшимися губами.

— Григорий Прохорович! Немного не успели... Не вынести было жару,— болезненно простонал Дементий и замолк.

Золотой человек Дементий. В работе честный, за колхозное душой и телом.

— Молодец, Роман, спас! — обнял Андрианов парня.

Увезли Дементия в больницу, наступило затишье. Часть людей после этого продолжала еще что-то делать, суетиться, а многие, удрученные тщетными усилиями затушить пожар, стояли поодаль и печально смотрели на разбушевавшуюся стихию.

Молча глядели на огонь Аминев и брат Трофим. Они создавали видимость огорчения, но в глазах их, блудливых и бегающих, в тихих вздохах неискренних отражалось скрываемое с трудом злорадство. Незаметно они и вовсе ускользнули из толпы.

Пламя постепенно съедало кровлю. Наконец, с оглушительным треском она рухнула вниз, меж каменных стен, и, выбросив оттуда ввысь целые снопы искр, долго еще там трещала и догорала. Временами из-за стен вытягивались длинные оранжевые языки. Ночь казалась зловещей.

В момент, когда Андрианов распорядился разместить выхваченный из огня молодняк в другие помещения, откуда-то издали послышалось урчание моторов. Вскоре к месту происшествия на двух легковых автомобилях при-

были из райцентра следственные работники с собакой и представители пожарной инспекции.

Опрашивая очевидцев и исследуя ход пожара, инспекторы составляли акт о случившемся. Высокий плечистый начальник следственного отдела майор Компаниец при зажженной свече беседовал в кладовой с девушкой, которая сообщила собранию о пожаре. Опустив голову, она нервно теребила бахрому теплого платка, плечи ее вздрагивали.

— ...Я была в коровнике,— говорила она, то и дело прерываясь, изредка поднимая заплаканные глаза на Компанийца.— Вышла, заметила дым, подняла крик... Анюта, моя напарница, была в кладовой, тоже увидела, начала колотить в рельс... Тут и заметила я, как из-за кладовой, из акаций, выбежал человек и кинулся со всех ног к лесу. Перепугалась я, не до него было... Что было мочи сама помчалась... в клуб.

Задав несколько уточняющих вопросов, Компаниец вышел с девушкой к месту, откуда бежал человек. Возле указанного куста проводник собаки ткнул овчарку носом в землю. Она шумно потянула воздух, покружила, взглянув на проводника умными глазами, вильнула хвостом и, взвизгнув, рванулась вперед, к лесу. Едва поспевая за ней и проводником, пошел с двумя сотрудниками отдела и Компаниец.

Наступал рассвет. С посветлевшего неба жалко смотрели поблекшие догорающие звезды. В безмолвном сочувствии ко всему, что произошло, шумели от набегавшего ветерка усыхающие на деревьях осенние листья. Утих надоедливый, заунывный собачий вой, его сменила утренняя петушиная перекличка. Утомленные и огорченные происшедшим, с уныло опущенными головами расходились по домам люди.

ГРЕХ НЕЗАМОЛИМЫЙ

Утро. Низко, над самой землей, стелется плотный пепельно-серый туман. В воздухе — водяная пыль. Сырость надоедливо пробирается за воротник, к спине, увлажненной одеждой липнет к телу. Неприятно...

Зябко подергивая плечами и со свистом рассекая кнутом воздух, гонит с водопоя табун лошадей дед Кирилл.

У ворот конюшни разномастное стадо останавливается, начинается давка. Похлопал дед кнутом по земле, стеганул для устрашения задних по крупам, и давка рассосалась. Опережая одна другую, лошади разошлись по стойлам.

А в конюшне сизоватый дым от самокруток. Покуривая, десятка два ездовых поджидают лошадей.

— Кончай, хлопцы! — распорядился дед весело.

Побросали парни окурки в жестяную коробку с песком, принялись за дело: надевали на лошадей хомуты, шлеи, запрягали в крепко сколоченные бестарки, в длинные арбы с решетчатыми боковинами, неторопливо выезжали со двора.

Вот и последняя телега укатила, можно отдохнуть. Дед осмотрел конюшню, присел на лавочку, вытащил из-за пазухи кисет с самосадом. Рванул от газеты полоску, помял, вздрогнул...

Кто-то раз-другой чихнул у ворот, очистил там от налипшей грязи обувь, заколотил о землю ногами. Дед с любопытством повернул голову.

«Никак, Роман Забродов чуть свет? Дивно!»

Размеренной походкой парень шел прямо к деду. Ну, и рослый, шельмец, ладный! Кудри-то, чай, нарочно, паршивец, из-под кепки выпустил. Прямо на лоб, кольцами, видать, для девок старается: чтоб видели.

На выразительном крупном лице Романа играла приветливая улыбка.

— Доброе утро, Кирилл Иванович! — оживленно проговорил он. Сел рядом с дедом на лавочку, протянул руку к кисету.

— Здравствуй! Утро-то доброе, нет слов,— подметил дед, сощурив лукаво глаза,— да чегой-то заладил ты сюда каждый день с самого утра? — Послюнявил языком самокрутку.

— От нечего делать, Кирилл Иванович. По свободе: куда глаза глянут, туда и ноги потянут, а тянут они туда, где, как в писании сказано: «Ищите и обрящете».

— Угу,— хмыкнул дед в нос и подозрительно покосился на Романа.— Церковь тебе тут, что ли? Писание он ищет. Врать-то когда научился?

В озорной усмешке Роман почти прильнул к уху деда:

— Проще не писание, а расписание. По точным данным, между нами, должна прибыть сюда одна особа,— сказал он полушепотом и вдруг насторожился.

Встрепенулся Роман, даже привстал, когда услыхал мягкие, шуршащие шаги. На пороге конюшни появилась Феня. Узнав ее, он от неожиданности растерялся.

— Вот вам и расписания,— улыбаясь, буркнул дед Кирилл, встал, пошел к Фене.

— Что тебе, пташка?

— Председатель разрешил арбу соломы, топить нечем. Хочу лошадей попросить...— стеснительно молвила она и сунула деду в руку записку.

Прочитал дед, почесал затылок.

— Немного бы пораньше. Видишь, разобрали лошадей-то? Что мне с тобой делать...— развел он беспомощно руками. Вопросительно посмотрел на Романа.— Остался только выезд председателя. Не поехал бы куда...

— Нам и требуется всего одна пара,— вмешался в раз-

говор Роман, будто просил для себя.— В момент будет сделано, не успеет вам председатель и вопросов придумать.

Дед хитровато посмотрел на Феню, на Романа, дернул головой:

— Ну, как мне с вами... то бишь, с тобой,— поправился он. Задумался, повременив, сказал: — Ладно, бери, Феня. Не повесит председатель, отговорюсь как-то...

— Правильно, Кирилл Иванович! — поддержал старика обрадованный Роман. Мигом снял с деревянного колышка шлею, умело набросил на Куклу, на Казака, стал выводить их во двор.

— Сама поеду, Роман,— не глядя на него, силясь придать твердость голосу, произнесла Феня. Взялась за уздечки.

Отстранил ее нежно Роман, отвел в сторонку.

— Ну, зачем ты? Одна привезешь охапку, не больше. А пришлось бы хоть и мне, самому — тоже ведь попросил бы кого-то помочь. Тебя вот, небось, не отказала бы?

— Разве некого другого? — смущенно ответила Феня.

— Людей-то много на свете, верно, а вот ближе тебя нет соседки.

Заложил Роман лошадей в арбу, взял у деда вилы, кнут, натянул вожжи, ждал Феню.

Пробовала она сопротивляться. Робко, против воли. Но желание побыть с Романом рядом, видеть, слышать его, вытеснило все сомнения. Она была рада, что представился такой удобный случай.

Усаживалась Феня на арбу — откуда ни возьмись, из-за угла конюшни, вынырнула Секлетия. Злыми предостерегающими зрачками блеснула на Феню, резко повернулась, скрылась за угол.

Всполошилась Феня, будто слихорадило ее: как огня боялась пророчицы. С той поры, как возвестила Секлетия на молении, что соблазняет Феню нечистый, верила де-

вушка: дано пророчице чужие мысли угадывать. Иначе откуда бы знать ей, что не о боге думает Феня, о Романе? Только откровение с богом могло открыть тайну пророчице. Грызть будет теперь, брату Серафиму донесет, что ослушалась, запрет нарушила «не бывать с язычником».

Долго не могла успокоиться Феня, а потом смирилась: не просила же она Романа, видит бог, сам навязался. И что плохого в том, если неверующий доброту проявляет. Доброта же богу угодна...

Не усматривала Феня в поездке греха, а все же нет-нет, да оглядывалась: боязнь находила какая-то.

Тарахтела арба по дороге, подпрыгивая на ухабах, а Роман, помахивая кнутиком, торопил коней.

С того часу, как запретил Серафим, зарок дала себе Феня — не смотреть на Романа, забыть навсегда, не гневить бога, а забыть не могла. Реже вспоминала о нем, а вспоминала. Вот и теперь, хоть изредка, украдкой, а поглядывала на широкую его спину.

Раз, другой посмотрела Феня — обернулся Роман, встретились они глазами. Доброту и ласку уловила она в его взгляде. На минутку радостно забилось сердце, и снова чего-то стало боязно, щемящая тоска охватила.

Вот уж показались и разбросанные треугольником ближние скирды соломы. Да проехал Роман мимо, еще прытче погнал лошадей.

— Куда же ты, Роман? — спросила она встревоженно.

— Держись крепче, довезу куда надо! — крикнул, не оборачиваясь, показал в степную даль рукой.

Остановить хотела, спросить, почему туда едет... Не осмелилась. Сама догадалась: на дальние поля хочет, чтобы подольше побыть с ней на обратном пути, и... не возражала.

Никто не будет видеть, никто не узнает, сколько про-

были вдвоем, о чем говорили, да опять пугала Секлетия. Откроет ей бог все — заставит на молении каяться, как было недавно с братом Трофимом. Одна она избрана говорить с богом, познавать тайну чужих мыслей...

Далеко осталось село, едва виднелись и потемневшие верхушки первых скирд, а Роман все едет. Торопится туда, где, словно крошечный островок, высится над степью одинокая скирда.

Подъехали к скирде. Кочковатая, черная, как галка, пахота вокруг. За пахотой, вон-вон куда, глазом не окинешь, зеленым ковром простирались озимые. Пахло сырой землей, лежалой соломой. Где-то вблизи, свистя крыльями, стаей снялись куропатки, как ошалелые, ринулись прочь. Описав полукруг, на почтительном расстоянии опустились на пахоту снова.

Взобрался Роман на скирду, удивил Феню: зацепит целую копну на вилы и валит в арбу. Не управлялась за ним равнять, утаптывать. Не успела оглядеться — воз вырос, как дом. Посмотрела вниз, голова кружится.

— Довольно, Роман! — сказала мягко. Протестующе замахала руками.

Перекинул парень веревку вдоль арбы, увязал все, с ловкостью акробата вскарабкался по веревке наверх.

— Но-но, ребятки! — дернул он вожжами.

Припали кони на передние ноги, выгнули спины дугой так, что натянулась на сильных крупах шкура. Воз качнулся, тронулся и, колыхаясь, покатил по скользкой степной дороге.

Феня сидела от Романа поодаль, молчаливая, грустная, словно ждала чего-то. А, услыхав ласковый голос Романа, вздрогнула.

— Села бы поближе, Феня...

— Мне и здесь хорошо,—ответила, повернулась к нему и почувствовала, как краснеет под его взглядом.

— А ты все же придвинься. Не бойся, не укушу! О деле поговорить собираюсь. Получала мои письма, читала... или не дошли?

— Читала... Зина мне их передавала...— Голос Фени сорвался, виновато наклонила голову.

— Что ж не написала пару слов в ответ. Томлюсь ведь, жду не дождусь... Живем в одном селе, считай, крыша к крыше, а договориться не можем. О чем пишу в письмах— серьезно все, не шучу.

— Не сердись, Роман,— тихо произнесла Феня.— Чем огорчать — лучше умолчать. Не смела обижать тебя, не заслужил ты этого.

— Обижать? — встревоженно переспросил Роман. — Значит, собираешься выходить за другого?

Феня грустно качнула головой. И тотчас же в памяти всплыл Лаврентий. Словно кто огнем обжигал сердце, когда вспоминала о нем. Мучительно переборола себя, чтобы не выдать волнения, помолчала, горько ответила:

— Нет у меня никого. Не могу объяснить. Не могу!— вдруг глухо выдавила она. Из ее груди вырвался глубокий тихий вздох.

— То не хочешь обижать, то не можешь, а почему причину скрываешь? Как понять? Скажи откровенно: не нравлюсь? — Задав вопрос, Роман смотрел на нее в упор, нетерпеливо ждал ответа.

И на этот раз промолчала Феня. На душе была тяжесть, словно червь, точила ноющая тоска. Оттого, что не имела права сказать Роману правду, становилось еще тоскливей. Так молчала она долго, глядя то на вьющуюся бурой змейкой дорогу впереди, то на холодные скучные поля, то на мелькавшую вдали светлую ленту реки, то на серые, опустевшие теперь заречные луга.

Неожиданно арба колыхнулась, чуть накренилась на выбоине дороги, покатилась с косогора быстрее. В низину

балочки съехали рысцой, а вытянулся воз с пригорка на равнину, успокоилось все — заговорил Роман сам:

— Так вот, Феня. Не обманывай, говори прямо. Люди рассказали мне, что затворилась ты, библию читаешь, записалась в сектанты. Правильно говорят?

Точно тряхнуло Феню, совестливо опустила глаза: больше всего страшилась, что узнает об этом Роман. Признаться во всем было до боли стыдно, а скрыть, выходит, не удалось. Ни от кого не казалась такой горькой правда. Еще горше стало оттого, что таилась умышленно, обмануть хотела.

Склонив голову на грудь, Феня до крови закусила губу. После короткого раздумья ответила:

— Правда, верующая я. И причина вся в том, что выходить за тебя замуж не позволяет вера, безбожник ты. Счастья-то не будет, разными дорогами идем...

Презрительная улыбка тронула губы Романа.

— Эх, Феня, Феня! Какой там бог в наш век! Ты посмотри, что делается. Спутники в небе летают, машины землю ворочают, хлеб убирают, по суше, по воздуху, по воде с человеком бороздят. Вон как мир шагает, а ты к сектантам... Оставь их к шутам! Давай лучше поженимся, без них счастье найдем. Люблю тебя, понимаешь, люблю!

Феня чувствовала, как вспыхнуло ее лицо, будто жаром обдало. Она верила, что «люблю» сказал Роман искренне, от души. И тревожно и радостно было ей от этого слова, и не думать о Романе, не глядеть на него не могла уже больше, не устояла Феня, посмотрела. Увидела добрые, полные любви глаза, ощутила с новой силой, как горит лицо, как участилось биение сердца. От любви к Роману и от страха стучало оно так. Грех, великий грех совершала, отступление от веры! Как быть ей, если сердце велит ответить Роману «да» — запрещает вера, если вера велит сказать «нет» — запрещает сердце? Кому покориться?

А Роман торопил с ответом.

— Что молчишь, Феня? — в который уже раз спрашивал он.

И страх перед богом одержал верх.

— Нет, Роман,— вырвалось у нее мимо воли.— Верю в бога. Знал бы, какие хорошие люди те, кто наставляет на путь истинный, какой добротой от бога наделены. Родных ведь мне заменили. Разве смею я ослушаться их...

Горько усмехнулся Роман, глянул на Феню с жалостью.

— Значит, отказываешь? — спросил он. В голосе прозвучала тревога.— Эх ты, глупенькая! Взгляни на себя в зеркало. Или тоже запрещено верой? На лице ни кровиночки, живешь без радости, без подруг, ни в клубе, ни на собраниях не бываешь, замуж невольна выйти за кого желаешь. Живую в гроб положили. А ты еще их почитаешь. Возьми за шею да выбрось на мусор таких родных! Ты скажи только — любишь ли? А уж я знаю, что делать. Я им такого наделаю... тебя спрашивать не буду. Всю секту поразгоняю, и будешь ты моей, боишься того или нет. Скажи только, что любишь! И назови мне их, твоих братьев, кто они? Всех передушу... Буду я еще с какими-то сектантами считаться, чтоб от них моя жизнь, любовь зависела... Да не бывать такому во век! Собой пусть распоряжаются, а не другими! Скажи, кто они, назови?!

— Не назову, Роман. Ты такой сердитый, боюсь... Верно, что никуда не хожу. Ну и что же? Грех нам бывать там, где бога не славят. Послушал бы писание, что ждет грешников, забывших бога...

— Слыхал я эти басни, Феня! Да ты-то в них как поверила?! Молодая ведь, в школе училась!.. — сердито выговаривал Фене Роман, рубил рукой воздух.— Писанием устрашали людей мошенники, когда и доброй мотыги-то не было, не то что науки. А ты и в теперешнее время подобным мошенникам веришь. Просто обидно становится за

тебя! Мошенников — называешь хорошими. Затянули в темноту беспросветную — говоришь, на путь истинный. Нет, Феня! Любишь не любишь, а уходи ты от них поскорее! Надувают они тебя, сволочи, поверь! До-брые!..— усмехнулся он.— А я, выходит, злой? Почему же только им веришь и ни в чем не хочешь поверить мне, тому, кто тебя любит. Такая твоя правда, да?

Говорил Роман громко, порой зло, когда речь шла о людях, ставших на пути к его счастью, ласково и душевно, если обращался к Фене. В запальчивости не замечал, что не отрывала глаз от него Феня, видела только большие серые глаза его, то добрые и ласковые, то строгие, печальные и даже злые. Видела, как вспыхивал яркий румянец на щеках, когда горячился, волевые губы, упрямый подбородок. Смотрела и забывала о страхе: противные ведь богу речи слушала. Грех, а слушала, и потому, что бы ни говорил Роман, не сердилась, ни в чем не обвиняла его.

Опять наступили минуты тягостного молчания. Полузакрыв глаза, Роман замечтался. Чувство горькой обиды шевельнулось в нем и за себя, и за Феню, когда вспоминал то, что на всю жизнь врезалось в память. Давно ли все было иначе...

Каждый день, бывало, забегала Феня с сумочкой через плечо, торопила Романа в школу. Всегда они ходили вдвоем. На переменах маленькая, живая Феня, словно мотылек, порхала с детьми по двору в резвых шалостях. Резвился вместе с ней и Роман, а то просто любил наблюдать, как она бегает, как взлетают то взад, то вперед ее косички с алыми лентами. Видела Феня Романа вблизи — смелела. Затеет с ней кто ссору — не боялась. А то прибежит, вскрикнет: «Роман!» — и спрячется за него. Взглянет сурово Роман на обидчика — и тот молча уходит. Никому не позволял Роман обижать Феню.

А годы шли незаметно, крепла дружба. Роман закончил

десятый, Феня перешла в восьмой. По-прежнему провожал он ее в школу, встречал. И с каждым днем ощущал все сильнее, что отношение его к ней меняется, становится другим. Понимал это, чувствовал, но ничего не говорил Фене. Это была первая, робкая, может быть еще неосознанная, любовь.

Тяжело переживал Роман разрыв с Феней за годы службы на флоте. Жила девушка у него и в думах, и в сердце. В светлых мечтах о будущем только и видел свое счастье с ней. А вышло... Навсегда ли? Не верилось, что счастье не вернется.

Дернулась арба. Роман и Феня, погруженные в невеселые думы, не заметили, как въехали в село, очнулись от толчка. Лошади побежали резвей, завидев конюшню, заржали. Придержал их встрепенувшийся Роман, обернулся:

— Помни, Феня! Не поехал на целинные, на крыльях летел домой — из-за тебя! Отступлюсь, если скажешь, что не любишь...

С последними словами подкатили к дому. Прытко соскочил с арбы Роман. Придерживаясь за верёвку, осторожно сползала за ним Феня. Опомниться не успела, как очутилась в сильных руках.

Приподнял он ее, как ребенка, прижал к своей груди, обдал горячим дыханием. Губы обожгли щеку.

Кричать бы, вырваться, но будто занемела, обессилела вся. Трепетно колотилось сердце. А Роман все держал, прижимал теснее к себе, глядел ласково...

— Не выйдет по-доброму — силой унесу! Люблю.— Сказал и бережно опустил на землю.

От стыда и испуга, не помня себя, вбежала Феня в дом. Вот оно, искушение, вот он, грех незамолимый! В отчаянии кинулась на кушетку. Слезы покатились по чуть порозовевшим щекам. Плакала от радости. От печали тоже плакала. Пугало настоящее, и неизвестное будущее пугало.

Вывалил Роман солому с арбы, аккуратно сложил в стожок и уехал. Еще издали завидел, как у конюшни, жестикулируя по привычке руками, разговаривал с дедом Кириллом Андрианов.

«Не о конях ли?» — подумал Роман, краснея. А подъехал, увидел улыбающиеся лица собеседников, повеселел.

— Ну что, справился, орел? — встретил его Андрианов, расплываясь в добродушной улыбке.

— Немножко задержался, Григорий Прохорович. Вам, видать, выезд потребовался?

— Да знаю, знаю,— хитровато подмигнул Андрианов деду.— Молодец Роман, пригляделся правильно! Девка — золото, работящая, а тает на виду. Давай, давай! Вдохни жизнь в ее омертвевшую душу. Тебе как раз под силу.

Неловко стало Роману, смутился он от намеков председателя, обиженно покосился на деда: дескать, зачем «выдал». Однако долго не сердился: ведь добрый старик, как отец родной, готов помочь всегда, чего обижаться...

Выпряг Роман лошадей, навесил сбрую на колышки, направился к выходу.

— Нужен, не уходи,— остановил его Андрианов. Взял под руку, увлек в отведенный для курения уголок.— «Север»,— разорвал он пачку.— Угощайся! — Тряхнул, выдвинулись мундштуки папирос.— Э, да ты хандришь что-то, дружок? — угостив деда, повернулся к Роману Андрианов, уставился темными глазами в лицо.— Что мрачный такой? Черный кот что ли дорогу перебежал?

Глубоко вздохнул Роман, прикурил, с наслаждением затянулся.

— Хуже, Григорий Прохорович. Закрутили девку сектанты так, что вертится, как головастик в болоте. Отказ получил. Неверующий.

— Ах, вот оно в чем дело! — деловито протянул Андрианов, смахивая пепел с папиросы.— В болоте она и

есть, верно. Беда, что не замечаем мы иной раз, как тонут в нем люди. Ну, и что же ты решил?

— Что тут решать? Вбивают ей всякую дурь в голову, а кто, не говорит. Зина, кладовщица, рассказывала мне про их механику. Так вот подгадаю, когда соберутся, возьму палку, разгоню, подлецов, и делу конец! — с раздражением проговорил Роман. В гневе стукнул себя кулаком по колену. Вопрос для него был ясен и прост.

— Ого! Видал рыцаря? — кивнул деду Андрианов. Ухмыльнулся: — Дай вот волю таким... сразу варфоломеевскую ночь устроят. Трупы, как битые воробьи, в селе будут валяться. На собрании присутствовал?

— Присутствовал.

— Слыхал каверзные вопросики? Выступление Трофима Гордеева слыхал?

— Слыхал.

— Трофим, подсказали мне, тоже верующий. Убить его теперь, по-твоему? Темнота он непроглядная! Слыхал сам, небось, до какой ереси человек договорился. А виноват ли он в том? Виноват, конечно, а сторицей-то... за его спиной повиновнее стоят. Волка от овцы отличать надо, Роман. Кто организует их, обманывает — волк! А есть и глупые овцы, попавшие в его лапы по несознанию. Взять, к примеру, Феню. Вот с волком по-волчьи и следует разговаривать. И то, вначале надо попробовать переломить его кровожадную натуру, а овец умеючи вырвать из его лап. Ясно тебе? Не палкой, конечно. Палка — дура, в кого ни кинь — ударит. Бить нужно показом из жизни, марксистско-ленинским пониманием ее. Тогда не устоит никакая библия.

— Да насчет палки Роман загнул,— вклинился в разговор дед Кирилл.— Отцовский характер. Отец боевой был партизан. Ударял, так ударял! Не одна башка и ноги с эрзац-сапогами у фрицев отлетели в царство небесное. А относительно мракобесии этой, Григорий Прохорович,

пишут и в газетах, и в кино, и в спектаклях показывают, лекции читают, а они, проклятые...

— Читают лекции, кино показывают... Этого мало, Кирилл Иванович. Наши сектанты, как разбираюсь понемногу, в кино не ходят, собраний не посещают, на лекциях не бывают, газет и книг не читают. Выходит, если признаться по правде, убеждаем мы тех, кто в бога не верует. А тут требуется индивидуальная работа с такими людьми. Не падай духом, Роман! Спрячь палку, продолжай убеждать Феню, вытаскивай ее из ямы. Днями соберемся, обговорим все, начнем по-настоящему заниматься этими людьми. Понятно или еще агитировать?

— Да понятно, Григорий Прохорович,— виновато почесал затылок Роман и посветлел в лице.— Сгоряча палку приплел. Убить-то можно, конечно... да лучше кулаком заменить, если уж придется.

— Опять ты за свое. Ну, и спичка! Феню, безусловно, одолеешь в кулачном бою, а чего добьешься? Эх, ты!..

— Ясно, Григорий Прохорович...

— Значит, дошло до сознания? Теперь о главном. Как дальше жить собираешься?

— Работы в колхозе много, да ведь и учиться тянет. Десятилетку-то с отличием я окончил, в институт бы... Прямо не знаю, что и ответить,— неопределенно пожал плечами Роман.

— Учиться надо, это верно. Только трудно колхозу, Роман, если сразу всех парней отпустить. Да и я человек здесь новый, кем прислан — знаешь. Мастером на заводе работал, как пять пальцев, знал участок, а тут — только вхожу в курс дела. Техника в колхозе богатая, сложная, инженер наш, видать, в колхозе не приживется, на здоровье все жалуется. Вот из тебя хороший механизатор бы вышел. Иди на заочный! На факультет механизации, а? Если согласен, сегодня же соберу правление. Заготовим ходатайство от

колхоза, и давай завтра в город, оформляйся. Поможем, только оставайся на месте.

— Спасибо, Григорий Прохорович! Сделаю, не подведу.

— Посмотрим. Выучишься, а там, как другие, возьмешь и махнешь куда-нибудь...

— Что вы! В самоволку, выходит, наперед отправляете? Не для того в родное село вернулся.

Андрианов видел, что Роман обиделся. Похлопал парня дружески по плечу, смеясь, сказал:

— Не обижайся. Так в жизни, к сожалению, тоже бывает. Ну, да ладно, я моряк, ты моряк — друг друга поняли и все. Верно? Это ведь главное?

Заглянул Андрианов во все уголки конюшни, уже на выходе заметил деду:

— Вчера осмотрел я лошадей, Кирилл Иванович. Ударишь ладонью по крупу, пыль столбом летит. Проследите, чтобы ездовые почаще за щетку брались.

— Ничего, Роман,— молвил дед, проводив Андрианова.— Председатель у нас во! — показал он большой палец.— Завлекательный и с лица, и умный, товарищеский. Пойдет дело, еще как пойдет!

Внезапно веселое возбуждение исчезло с лица деда. Нахмурился, заговорил с нескрываемой злобой:

— Касательно Фени, голову даю наотрез: Аминев закручивает. Пакостный он человек. Проследи за ним, попомнишь — моя правда. Обязательно проследи!

Эта ночь казалась Фене необыкновенно длинной, бесконечной. Может, оттого, что, терзаемая противоречивыми мыслями и чувствами, она долго не могла уснуть, а может, оттого, что казалось, скрипит все время калитка и кто-то ходит по двору, только время тянулось медленно, тоскливо.

Иногда Феня забывалась в чуткой и тревожной дреме, но тотчас же от чего-нибудь вздрагивала и просыпалась.

Наконец, наступил тягучий рассвет, пора было идти на работу. Она с трудом оторвала голову от подушки, села на кровати. Какая-то тяжесть давила на виски, отзывалась болью в глазах. Усталой чувствовала себя Феня, разбитой. Хотела уже встать, но кто-то заслонил окно, потом шумно начал вытирать у порога ноги.

Постучали, Феня вскочила, накинула на себя впопыхах платье, рукой пригладила растрепанные волосы, отворила дверь.

— Доброе утречко! — певуче протянула ранняя посетительница в цветастом платке.— Поднялась?

— Как видишь. Собираюсь на ферму. Проходи, садись. Зина...

—Я по делу к тебе заскочила. Передай Полине Сергеевне, пускай заявочку на яйца подаст, инкубатор загружать Выдам вам, а остаток — Андрианов велел в поставку отправить.

— Если не хворает, передам.

— Не забудь! — еще раз предупредила Зина. Собралась уходить.

Почему-то она медлила. Идя к выходу, стала разглядывать неоднократно виденные фотографии, висевшие на стене, трогала вышивки. Что-то удерживало ее.

— Съездила вчера? — спросила она неожиданно. Пытливо уставилась на Феню быстрыми светло-карими глазами.

— Привезла,— ответила неохотно Феня. Предугадывая, к чему Зина спросила, зарделась.

— Вижу. Сложено-то как ладненько! Умелец стоговал. Роман хоть куда парень,— сказала Зина и, остановив на Фене сочувственный взгляд, подумала: «Какая бледная она, усталая, будто после тяжелой работы».

— Что, разве уже поговаривают в селе? — бросила Феня на Зину тревожно-вопросительный взгляд.

— А ты как думала. Чай не шапкой-невидимкой прикрывались, когда ехали. Того ли боишься? Перед Секлетией и Серафимом дрожишь? Угадала? Наблюдала я в сторонке, как пророчицу будто кто иголкой в одно место уколол, когда увидела тебя с Романом на арбе. Ну, держись, завертится теперь колесо: «Дух открыл!» Опупеет Секлетия. Или уже горлопанила? — изобразила девушка пророчицу.

— Ой, Зина, она-таки все знает от духа. И про меня открыла на том молении...

— О Трофиме тоже?

— Тоже. Каяться при всех заставила. «Ой, что я наговорила!» — спохватилась Феня. Растерянно глянула на Зину, умоляюще попросила: — Не дай бог передашь им!..

— На кой леший они мне сдались, крутисветы!

Веснушчатое лицо Зины стало лукавым, блеснули в насмешливой улыбке мелкие зубы.

— Дура ты, дура! Дух — перед тобой сидит. Вот он! — показала она на себя и сжала губы, чтобы не прыснуть со смеху.

— Грешишь, Зина, и других в грех вводишь. Что плетешь-то? — округлила Феня глаза.

— Не веришь, послушай. Пошла я как-то к деду Кириллу квитанцию на полученное зерно подписать. Он, правда, не дежурил, но застала его там. Смотрю, сидит с вашим братом Трофимом, бутылку водки допивают да курят, дым коромыслом. А много ль Трофиму надо-то, что воробью! Ну, и расчирикался спьяна: «Секлетия—ябеда, дохлая бесхвостая крыса! Захочу — в бараний рог всех их согну!» Встретилась мне вскоре Евдокия, собирательница сплетен. Ей-то и рассказала я о Трофиме для смеху. А она, ясно,

передала «материалы для духа» Секлетии. Тобой однажды подковырнула саму пророчицу. Улетит, говорю, от вас ласточка! Роман возвратился, письма любовные пишет, не устоит девка. Гляжу, как ошалелая, полетела к Серафиму на пасеку. Смыслишь теперь, как у них с «духом-то» обстоит, или рассказать еще, как со мной все происходило? Раскусила я их механику, не проведешь...

— Выдумываешь, Зина. Ты ведь тоже была верующей, не греши...

— Одурачили — была. Тебя девчонкой попутали, а я к ним взрослой пристала. Некрасива. Без слез, бывало, в зеркало не гляну. Нос сплюснутый, на физиономию точно конопляного семени кто натыкал. Ходить в девках вечно судилось. Однажды и пожаловалась на судьбу вашей сестре Прасковье, соседке. Та, видно, передала все Секлетии. Ну, и начали обхаживать меня с той поры. И жениха-то найдем, из верующих, и утешение-то душе обретешь, чего только не обещали. В избе новые окна поставили, деньгами помогли... Готовы были рубашку с себя снять. Милые такие все, кротче голубей показались. И окунулась в святую жизнь. Три года дурили. Лаврентию предложили — покрутил носом: «Вид неудалый». Аристарха рябого уговаривали — ни в какую: «Обделена привлекательностью». А больше кто, горбун Панфил да ему подобные оставались? Деньги тянули, от всего отрешили, духом пугали, а сами... что там и говорить о плутах! Плюнула, перестала бывать. Провалитесь, думаю, вы со своими адскими сковородками да райскими садами. Сейчас я кум королю, сват министру.

— Счастлива, значит?

— Осип некрасив, а душа человек. Валюше уже полтора годика у нас, растет девочка, не нарадуемся! Работаем, ни одной кинокартины не пропускаем, радио слушаем, живем, как все люди. В шутку как-то сказала Осипу о том, как из секты уходила, как орала с пеной у рта Секлетия:

«От духа! Гром и молния в наказание испепелят твой дом...» Посмеялся он, отвечает: «Так мы его сами разрушим и построим новый, чтобы ни от грома, ни от молнии не загорелся». Домишко новый теперь, под черепицей, любой позавидует. Загляни, поинтересуйся как-нибудь...

Резкий тон Зины, гневный огонек в больших выразительных глазах ее, когда говорила о Серафиме или Секлетии, не так огорчали Феню, как злословие в адрес духа.

«Не водись с Зиной, опутана бесом»,— вспомнились строгие предупреждения Секлетии.

«Накличешь беду на свою голову»,— хотела сказать Зине, но не решилась, слишком уже счастлива была та, чем ей докажешь...

Уходя, Зина в сенцах шепнула:

— Письма от Романа по-прежнему придется передавать, или договорились?

— Не велят с ним, Зина! — угрюмо ответила Феня.

— И не повелят. Значит, доведется еще быть почтальоном у вас. Глупа ты, глупа. Никак Лаврентия подсмотрела? Не жизнь, а малина ждет! Обжираться, библию запоем читать будет да из носа капли ронять. Ну, довольно. Я не агитаторша. Поживешь, сама увидишь, как мягко стелят, да жестко придется спать. Зайду еще может. Письмецо от Романа принесу,— лукаво подмигнула Зина, живой походкой направилась к правлению колхоза.

Проводив Зину за порог, Феня постояла во дворе. Откуда-то из-за горы уже начал выкатываться медный диск солнца. Дышалось легко, привольно, освежала приятная прохлада.

И снова беспокойные мысли. «Зина против бога, а нашла свое счастье. Где же мое... от бога? Каким будет оно?..»

ОБРЫВОК КАБЛУКА

Черный непроницаемый сумрак скрывал все окружающее, казалось, что впереди только темная бездонная пропасть.

Угнаться за собакой было почти невозможно. Она стремительно увлекала вперед, сердито ворчала, если проводник ее сдерживал.

— Идти без огня и без шума,— дал команду майор Компаниец.

Темнота слепила глаза. Там, где вынуждала необходимость, на секунду вспыхивали карманные фонарики. Гасли, и снова все погружалось во мрак. Шли ощупью.

От кладовой, где хранились запасы фуражных кормов, ищейка бойко провела метров двести к лесу, но у опушки круто повернула влево, к дороге.

Пробежав немного по обочине, собака опять свернула в лес, обогнула поросль густого орешника и снова вывела на дорогу. Так она довела группу следственных работников до места, где заканчивался лесной массив. Впереди простирались необозримые дали полей.

Не отрывая от земли морды, овчарка повела по полю. Натягивая поводок и описывая зигзаги, неслась по рыхлой поверхности зяби к селу Подлесному.

Под лучами фонариков на сырой пахоте местами отчетливо обнаруживались свежие глубокие провалы следов.

— Удачно. Идем по следу,— с воодушевлением заметил Компаниец. Коротким взмахом руки дал сигнал не задерживаться.

Уже далеко позади остался пурпурный отблеск зарева в Елизаветовке, а собака, не оглядываясь, старательно обнюхивая землю, все вела по нескончаемому следу беглеца.

Вдруг, в топкой ложбинке она остановилась, покопала

лапой в затянутой жидкой кашицей ямке и выбросила на поверхность какой-то темный предмет. Вспыхнул фонарик. Перед проводником лежал оторванный каблук.

— Так. Если это от сапога бежавшего — превосходно,— с удовлетворением отметил майор. Ощупав находку, передал капитану Иванченко. Приглядитесь теперь, отсутствует ли каблук в других следах правой ноги? Материалы для слепка взяли?

— Захватили. У лейтенанта Новикова,— ответил капитан.

— Найдите четко выраженные контуры следа и сделайте слепок.

К фонарям прибегали все реже, глаза к темноте начали привыкать. Да и по тому, как уверенно вела собака, Компаниец был убежден: вот-вот перед ним предстанет человек. Все были поглощены одним — скорее дойти до преступника и взять его по горячим следам. Предусмотрительный и всегда трезвый в оценках, на этот раз майор почему-то не брал в расчет худшее.

Они приближались к Подлесному. Вот уж видны реденько разбросанные вдоль улиц огоньки в небольших окнах. Не все еще спят.

Овчарка с хода перепрыгнула низенькую каменную ограду и бодро подвела к крайней глинобитной хатенке. У двери остановилась, что-то обнюхала, осторожно царапнула когтями деревянный порог.

В тот же миг на белой полотняной занавесочке метнулась тень и сразу не стало света.

— Видели? — спросил тихо майор капитана.

— Да.

— Быстренько зайдите с тыла, возьмите под наблюдение.

Каждый понимал: в доме мог находиться преступник. Не удивительно, что на лицах у всех застыло напряженное

ожидание. Внезапно оно было разряжено странным поведением собаки.

Взвизгнув, овчарка пошла вокруг дома, опять вернулась к дверям, пофыркала и, виновато вильнув хвостом, потянула вниз, к плавням.

В поведении собаки майор усомнился. Ему казалось, что уходить, не проверив внутри дома, по крайней мере неразумно.

— Не подведет? — спросил он проводника с оттенком тревоги в голосе.

— Нет. Беглец подходил к дому, факт. Работаю с Орликом третий год, без промаха,— не без гордости ответил юркий, среднего роста старшина милиции.

Спустились с пригорка. В нос ударил застойный болотный запах, сильнее сгустился мрак. Сапоги хлюпали по воде, скользили по размокшей тропе-насыпи, ведущей к озеру, затерявшемуся среди буйных зарослей камыша.

И опять у майора возникло сомнение. Собака путалась, теряла нить, находила, снова теряла... Возле узенькой прогалины меж камышами на берегу озера она заметалась, зарычала, стала разгребать когтями и мордой вязкий ил, дальше не шла.

Три луча скрестились в одной точке. Словно завороженные, все застыли от изумления: на иле рельефно выделялось углубление от носовой части недавно стоявшей здесь плоскодонки.

— А, черт возьми! — невольно вырвалось у майора.— Ускользнул, дьявол. Как, по-вашему, Новиков?

Вопрос Компанийца совпал с тем, о чем думал сейчас лейтенант, знаток окрестностей в этом районе.

— Озеро соединяется с рекой с той стороны каналом. Юго-восточнее от нас — село Виноградовка, правее, в трех километрах от Подлесного,— расположены Криннчки, затем — Калиновка. Брать под наблюдение придется все четыре пункта.

— Можно ли обойти озеро, попасть на ту сторону?

— Надо проверить, товарищ майор, может удастся...— сказал лейтенант.

Не дожидаясь указаний, Новиков куда-то пошел вместе с капитаном. Вклиниваясь в тугую толщу камыша, проваливаясь в трясину и едва успевая выдергивать ноги, они пытались найти обход. Обойти озеро оказалось невозможным.

— И не надо,—махнул безнадежно рукой Компаниец.— Все равно на воде собака не поможет.

Дополнительный осмотр на берегу озера никаких результатов не дал.

— Жаль, что так получилось,— мрачно произнес майор.— Все равно надо искать. Найти во что бы то ни стало! Задача ясна?

— Ясна, товарищ майор! — почти одновременно ответили Иванченко и Новиков.

— Попробуйте начать с Подлесного. Слепок, обрывок каблука... заинтересуйтесь домиком, к которому привела овчарка. А главное — народ. Сами знаете...— На этом Компаниец умолк и вдруг, встрепенувшись, начал прислушиваться.

На суше, невдалеке от них, послышался шорох в камыше, потом будто что-то обрушилось, с шумом покатилось и где-то подальше стихло.

— Лиса. За зайцем гонится или за молодым утенком,— объяснил Новиков.

— Фу, дьявол! А я-то вслушиваюсь и подумываю — не беглец ли улепетывает от нас,— смеясь, сказал Компаниец.— У каждого свое. Время не ждет. Измерьте, на всякий случай, длину и ширину гнезда от лодки. Может, пригодится. Звоните, я буду в Елизаветовке. Желаю успехов...

Проводник потрепал по загривку стоявшего с опущен-

ной головой пса, с усилием оторвал его с места. Не поднимая головы, Орлик лениво побрел с ним рядом. Через минуту они потонули в ночной тьме.

— С чего будем начинать, лейтенант? Вы лучше знаете село.

— Прежде всего надо добраться до сельсовета,— ответил Новиков и, не прекращая освещать путь фонариком, зашагал впереди капитана.

В первой тесной комнатушке сельсовета, громко похрапывая, спал дежурный — старичок с куцей стриженой бородкой. Новиков хотел уже было его растолкать, но дверь из кабинета председателя приоткрылась и оттуда высунулась чья-то взъерошенная, растрепанная голова. Это был участковый уполномоченный милиции. Строгими утомленными глазами он посмотрел на вошедших, узнав Новикова, приветливо заулыбался.

— Поздно вы сегодня! — удивленно воскликнул он, стискивая до боли руку лейтенанту.— Не из-за пожара ли?

— Угадал. Давай выручай, Авдеенко,— без лишних разговоров, по-деловому начал Новиков и коротко ввел его в курс дела.

— Ясно,— мотнул тот головой и, не долго думавши:— Первое, сведу вас с сапожником Тарасом. Он знает всех и вся. Наш бригадмилец, проныра, умеет держать язык за зубами... Что еще?

— Не скажете, кто живет в крайней хатенке от плавней? — задал вопрос Иванченко.

— Сейчас, сейчас... Аврутина Софья, вдовушка. Муж погиб на фронте, живет теперь со старухой матерью. Там частенько ночуют приезжие из района. Чистые, уютные комнатки...

— Как бы на денек-два там поселиться? — вопросительно посмотрел капитан на Авдеенко.

— Тоже ясно,— бросил участковый на Иванченко бы-

стрый понимающий взгляд.— Утром скажу, что будут из района. Еще что? Ничего? Выходите, спускайтесь от сельсовета вниз к реке, я — за вами.

Жмуря от яркого электрического света глубоко упрятанные, потускневшие глаза, Тарас сперва с любопытством оглядел «начальство» с ног до головы, затем, с видом человека знающего, повертел в руках слепок, взял сантиметр, снял мерку.

— Ну и лапища! — дернул он длинноволосой головой. На его ввалившихся бескровных щеках заходили желваки, на губах промелькнула едва заметная улыбка. — Сорок четвертым с хвостиком отец наделил. А работа — не моя,— твердо заявил он, возвращая Новикову каблук. — По материалам вижу: должно делали в Виноградовке, через воду от нас... Кто же из наших-то носит большие? — напрягая память, вспоминал Тарас и вслух перечислял:—Еремей Салюта, конюх, пожилой, Иван Палиев — каменщик, помоложе, Серега Наумов — плотник и еще, еще... Ага, припомнил. Еще Филимон Дорохов, тракторист, годков двадцать пять ему, как Наумову.

Новиков слушал Тараса с особым увлечением. Обычно живые, веселые глаза его стали сейчас сосредоточенно-серьезными. В возбуждении он поглядывал то на Иванченко, то на Тараса. После окончания школы это были первые ощущения от еще неизведанной практики.

«Не так много,— подумал Иванченко.— Проверить бы завтра». Его хмурое лицо с плоским подбородком заметно оживилось.

Касаясь названных лиц, капитан задал Тарасу ряд вопросов. Обстоятельно ответив на них, Тарас встал, болезненно расправил изогнутую спину.

— Если из наших — найдем, кто каблук потерял, — обнадеживающе и ободряюще сказал он.— Три часа ночи, измаялись, вижу. Ложитесь-ка отдыхать. Придется на

одной кровати, извините. Жена в больнице, рожает. Есть вот сало, молоко, рюмочка тоже найдется...

От ужина отказались. Особенно утомленным чувствовал себя от первой бессонной ночи Новиков. Он сразу же лег, перевернулся набок и уснул мертвецким сном. Дышал лейтенант ровно, почти неслышно, и капитан завидовал его здоровому сну. Сам он еще долго не спал, думая о том, как лучше организовать с утра проверку людей. Да так и провалялся в каком-то забытьи до самого утра.

Он ясно слышал, как на рассвете, лишь только начала проглядывать в окна синева чистого неба, смягчая скрип двери, куда-то уходил Тарас. Возвратился он, когда Иванченко встал и заканчивал приводить себя в порядок.

— Говорят всякое о Елизаветовке,— сообщил Тарас новость. — Уже знают, что кто-то побежал от пожара и как бы не к нам...

«Это хуже, — подумал Иванченко. — Усложнит розыск».

Собрав гостям завтрак, Тарас уселся за верстак, загроможденный гвоздями, колодками, дратвой. Привычно втыкая в слиток воска шило, он умело прокалывал наживленную к новым сапогам подошву и мастерски стал заколачивать деревянные гвозди.

Вдруг рука Тараса на взмахе с молотком словно застыла. Глаза его сузились, впились в окно.

Вмиг полетел молоток в сторону, кивком головы Тарас пригласил к окну Новикова. Сам же, будто по тревоге, надел поношенную солдатскую шинель, схватил шапку, выскочил на улицу.

— Эй, Серега! — окликнул он высоченного парня, спускавшегося к реке с веслами на плечах и мешком под рукой. — Не к заоднянским отчаливаешь? Прихвати и меня!

Парень замедлил шаги.

— Давай, только живее! — крикнул он с полуоборота и скрылся за бугром берега.

— Хозяйничайте тут, — предупредил Тарас Новикова. Снял с полочки в сенцах сплетенную из куги корзину, устремился за парнем.

Минут десять спустя из-за высоких желтолистых камышей вынырнула дымчатого цвета плоскодонка. Сильными свободными взмахами весел какой-то рослый парень уверенно врезался в тугую толщу воды. Плавно покачиваясь на зыбкой поверхности, лодка быстро скользила вперед.

Новиков наблюдал из окна до тех пор, пока удалявшаяся лодка не означилась просто каким-то плавающим предметом, а находившиеся в ней люди — темными бесформенными точками. В томительном ожидании он возбужденно заходил по комнате.

Между тем, капитан Иванченко вместе с Авдеенко бродили по берегу, просматривали лодки. Где на глазок, а где вызывало сомнение — промеряли днища меркой. Пытались найти плоскодонку, на которой скрылся предполагаемый преступник.

Две из лодок оказались по размеру подходящими, но достоверно подтверждалось, что их хозяева на протяжении двух-трех дней никуда не выезжали и никому лодок взаймы не давали.

Раздосадованный неудачей капитан возвращался к Тарасу.

— Постойте, капитан! — придержал его Авдеенко.— У Аврутиной тоже есть лодка, а где?.. Что-то не видно...

По какой-то логической связи в мыслях Иванченко молниеносно промелькнуло: скрытая лодка, овчарка у дома Аврутиной. Не раздумывая, он направился к дому вдовы.

— Проходите, прошу! — приветливо встретила его Софья, стыдливо одергивая вниз заткнутые за пояс полы

юбки. — Извините, порядок наводила: участковый нам уже говорил... Один будете или двое?..

Простенькая, со вкусом убранная и чистая комната произвела на Иванченко впечатление приятное. «Недурно бы отдохнуть здесь», — подумал он и соблазнительно покосился на пышные пуховые подушки. С трудом подавил появившуюся зевоту. В кухне калачиком скорчилась на лежанке высохшая от болезни старуха. Она кряхтела, охала, а то надолго захватывалась удушливым грудным кашлем.

— Обедали? Если нет — я за минуточку... — заботливо осведомилась Софья. Пошла к плите.

Капитан невольно взглянул в ее открытое симпатичное лицо.

— Обедать не хочу, спасибо. Вот отдохнуть бы часок, да надо быть по делу в Виноградовке. Переехать бы как...

— Как хотите. Грести сами умеете? — спросила женщина и вышла в коридор. — Мама! Где весла? — вскрикнула она оттуда.

Старуха болезненно простонала:

— Разве забыла, что Серега вчера брал их, ездил куда-то...

Услыхав имя Сергея, капитан насторожился.

— Отсюда недалеко. Пойдемте покажу лодку. Весла Серега не заносил, наверное в лодке оставил.

Набросив на себя теплую шаль, Софья повела Иванченко вдоль плавней. Закончились плавни, она удивленно пожала плечами, вскинула на капитана темно-карие глаза:

— Лодка-то... здесь стояла, — указала Софья на деревянный колышек, терявшийся в густой траве. — Подождите немного, пойду выясню...

Софья энергично выбралась на крутой выступ берега и скрылась в полосе акаций.

«Интересно получается», — мысленно обсуждал капитан

создавшуюся обстановку. — Серега брал вчера лодку у Аврутиной. В числе тех, кто носит большой размер обуви, Тарас назвал также Серегу. Видимо, речь идет об одном и том же лице. Срочно сравнить слепок с формой обуви Наумова, выяснить, утерян ли каблук, где был вчера, и принимать решение...»

Сложившаяся ситуация воодушевляла капитана. Но то, что лодка Софьи до сих пор не вернулась, вызывало подозрения: не бежал ли Наумов? Многое зависело оттого, что сообщит Софья.

Всунув руки в карманы куртки, он широко шагал по берегу. Каждая минута казалась ему вечностью. Ждать пришлось пять... десять... пятнадцать минут.

Наконец, раздвигая ветви акаций, показалась Софья. Смущенная, сконфуженная, она еще издали извинилась, что долго заставила ждать, и, подойдя ближе, сообщила:

— Домашние не знают, куда выехал. Он надолго не отлучается, скоро вернется, должно. Подождете?

— Нет. Извините за беспокойство. Как-нибудь доберусь. К вам загляну вечерком...

Крупно шагая, капитан спешил к Тарасу, набрасывая на ходу план розыска Наумова. Сообщение Софьи не рассеяло его подозрений, наоборот, еще с большей силой убеждало в том, что Наумов, почуяв опасность, из села скрылся. Разгоряченный и вспотевший, капитан вскочил в дом Тараса.

— На ловца и зверь!.. — встретил его веселым восклицанием Новиков. Привлекательное лицо лейтенанта, на первый взгляд казавшееся невозмутимо-спокойным и даже беззаботным, расплылось в довольной улыбке. — Искать вас собирались...

Шутку лейтенанта капитан не оценил. «Никому не нужное мальчишество», — решил он. Недовольно поморщился, с раздражением буркнул:

— Наумова сначала поймайте!

— Он уже пойман, — убежденно заявил Новиков и обернулся, ища глазами Тараса.

С видом человека, которому повезло, из сеней появился Тарас.

— Все в порядке, товарищ капитан! — Хитровато подморгнул Новикову. — Наумов цел, а каблук потерял вчера. Я сразу догадался, что он неспроста едет в Виноградовку в резиновых сапогах.

— Как же вы все это узнали? — вскинул голову капитан.

— Вместе пошел с ним. В сапожную мастерскую, там один дружок работает. Вывалил Серега сапоги, а на правом недостает каблука, что у вас. Размер точь в точь, как на вашем снимке. Глаз у меня наметанный.

— Ну, а Наумов что? — насторожился капитан.

— Напоролся, говорит, вчера на острый булыжник, вот и снес подбор. Во, какая оказия. Ну, взял я у сапожников обещанный кожемит и вместе вернулись...

Светлые усталые глаза капитана повеселели. Повеселело и немолодое удлиненное лицо с красно-болезненными пятнами на скулах.

— Молодец, Тарас! — горячо, с чувством проговорил Иванченко. Крепко пожал парню руку.

К исходу дня стало известно: в день пожара, перед самым вечером, Наумов уходил из села с пустым мешком и направился в сторону Елизаветовки. Известно также, что полгода назад он возвратился из мест заключения, где отбывал наказание за поджог дома бригадира на почве личной мести.

Собранные материалы поначалу удовлетворяли капитана. Но сбивали с толку горячность и неопытность Новикова. Каждый очередной опрос свидетеля давал все новые и новые данные против Наумова и, казалось, на-

столько убедительны, что доводов в пользу подозреваемого у капитана почти не оставалось. Это настораживало: офицер был новичком в их деле, не переусердствовал ли он?

— Что будем делать с Наумовым? — обратился Иванченко к лейтенанту.

Новиков неопределенно повел плечами.

— Вижу, из вас пока плохой советчик,— сказал капитан. Прижал трубку телефона к рычагу плотнее, крутнул ручку.— Елизаветовку!

В трубке послышались прерывистые хрипы, шум, треск. Елизаветовка не отвечала. Крутнул еще раз, другой, третий... Грубоватый женский голос предупредил: «Повреждена линия». После этого на звонки перестали отзываться совсем.

— Не всегда получается так, как хочется,— сердито проронил Иванченко и бросил трубку.— С майором, видно, не свяжемся.

Глядя в угол стола, капитан о чем-то задумался. Потом увидел разбросанные клочки бумажек с заметками председателя сельсовета, собрал их сложил по-хозяйски в стопу и вышел из-за стола.

— Брать надо Наумова, Виктор! И — допрашивать. Одно неладно: удирая от пожара, он петлял, умело заметал следы, а вот на другой день, как-то просто и беспечно раскрыл перед Тарасом важные улики, показав сапоги. Хитрый и осторожный преступник так не поступает. Понимаешь?

— Понимаю,— ответил лейтенант, не отрывая глаз от капитана.

— Ну, а с другой стороны,— продолжал увлеченно Иванченко,— неправдоподобное объяснение обстоятельств обрыва каблука. Какой в этом смысл? Наумов — искушенный в поджогах человек, и, если не он совершил поджог, чего бежать честному человеку и так искусно заметать

следы? Он, безусловно, он. Не терпится. Допрашивал бы сию минуту и спуску не дал, пока не раскроет карты, — прищелкнул в азарте Иванченко пальцами. Не ходил, забегал по кабинету.

— Но, — произнес он, несколько успокоившись,— надо согласовать с майором. Сколько километров до Елизаветовки?

— Около четырех.

Отвернув полу куртки, Иванченко расстегнул кобуру, вынул пистолет, переложил его в карман брюк. Тотчас же они покинули сельсовет.

Тишина на дворе. В чистом небе алмазной россыпью мерцали далекие холодные звезды. Прохладный ночной воздух успокаивал, снимал усталость. И все-таки Новиков значительно отставал от капитана.

Догоняя его, лейтенант каждый раз удивлялся: откуда берется у этого маленького, пожилого человека с узкими и вислыми плечами, страдающего к тому же сахарной болезнью, такая неиссякаемая сила, энергия? Каким он был в моем возрасте?

Сравнивая, лейтенант стыдился перед ним слабости собственной.

Знал лейтенант и о неудачах капитана. В недалеком прошлом он был начальником одного из отделов. Но допустил горячность и арестовал человека, которого пришлось потом освободить. За это капитана сняли с работы и переместили на должность, не связанную с самостоятельным решением вопросов. С тех пор капитан стал замкнутым, молчаливым. Молчал он и теперь.

Майора Компанийца застали в кабинете председателя колхоза Андрианова. Рядом с ним, на диване, закинув ногу на ногу, сидел дед Кирилл. На стуле перед дедом лежал раскрытый портсигар майора. Дед курил и, пуская ровные кольца сизоватого дыма, о чем-то рассказывал.

Увидев посторонних в гражданской одежде, он запнулся, перевел вопросительный взгляд на майора.

— Наши товарищи, — успокоил майор старика.

— Так вот я и говорю, — продолжал дед. — Стал я примечать, что очень уж Аминев походит на Супрунова из села Славского. Ну, а тот был, известно, птица какая... Еще партизаны угробить хотели, как фашистского прихвостня. Да не успели, в Германию, будто, убег.

— Ну, а вы-то его хорошо знали, Супрунова? — спросил Компаниец.

— Путает меня борода его, проклятая! — вздохнул дед, приминая докуренную до мундштука папиросу. — Бритый он был тогда, Супрунов-то. Да и на голове... волос-то темный был, густой, однако. Теперь-то седой, редкий. Разбери пойди... А услышу голос — его и все тут! Ну, и опять же рост, плотный такой же, лицо мясистое, как у того... Тот был штунда, так ведь и этот, поговаривают, заправляет ими здесь нынче, вот какое дело. Оно, может, к делу не относится... да сомневаюсь я: Аминев ли он?

— Поступили правильно, Кирилл Иванович. Надеюсь, разберемся. О сделанном заявлении прошу нигде больше не распространяться.

— На этот счет не подведу, будьте в надежде. Партизан, с гражданской еще! Вот только стала под старость память изменять, пошатнулась маненько. Супрунова-то видел я в сорок втором, сорок третьем, а сейчас?.. Больше пятнадцати годков, почитай, прошло, срок подходящий.

— Да вы еще молодцом выглядите, — ободряюще сказал майор. По широкому лицу его с суровыми складками в уголках рта пробежала улыбка.

Распрощались тепло. Майор укладывал в портфель разложенные по столу документы.

— Что нового у вас? — обратился он к Иванченко. — Связь хандрит, не дозвонился...

Доклад капитана был краток. Слушал его майор с живым интересом, сосредоточенно.

— Хорошо сделали. Очень интригующие данные. Ваше мнение?

Иванченко и лейтенант переглянулись.

— Задерживать и допрашивать, — твердо сказал капитан. — Откровенно, мы порывались это сделать. Но, не зная результатов расследования по Елизаветовке, воздержались.

— А у вас есть уверенность? Наумов, верно, первый человек, на которого могут пасть веские подозрения, ну и что же? Одних подозрений мало...

— Логика событий в ту ночь подсказывает, что виновник он, товарищ майор. Я уже вам докладывал, что нами установлено...

Майор долго смотрел куда-то в стену. И хотя он взвешивал, что было «за» и «против» Наумова, капитану показалось в его долгом молчании какое-то безразличие к решению неотложного вопроса.

— Организовали наблюдение за ним? — внезапно спросил Компаниец.

— Все сделали.

— Отлично. Пусть побудет пока под наблюдением. Окончательное решение примем через несколько часов. Не совершит же он вторичного поджога за это время...

— Поджог-то не совершит, а время — упустим. Спрячет концы. В общем, я остаюсь при своем мнении, товарищ майор.

— Очень загадочное происшествие, капитан. Надо точнее разобраться в событиях. Прочитаем акт пожарной инспекции. Если подтвердятся мои выводы, тогда следует взвесить, мог ли вообще Наумов лично поджечь...

— Для нас важно и его соучастие, — упорно отстаивал свою точку зрения капитан.

— А если Наумов и не соучастник? — вопросительно посмотрел Компаниец на капитана. — Предварительное расследование показывает, что никого из посторонних до вспышки огня возле коровника не было. Не от воздуха же он загорелся? Мне кажется, в поджоге применен какой-то утонченный метод. Какой именно, пока трудно представить.

Иванченко неудовлетворенно пожал плечами.

— Не горячитесь! — произнес майор нетерпеливым, грубоватым тоном.

Капитан понял: майор своего решения не изменит.

ПОКОРИСЬ БОГУ!

Стемнело рано. В густых вечерних сумерках тонул молчаливый полураздетый осенними ветрами лес. Не видать издали строений из-за тумана. В белой мути, висевшей в воздухе, потускнели и фонари на столбах. Хмурое небо сыпало изморозь.

Шлепая сапогами по вязкой грязи, прилипавшей к подошвам, к брату Серафиму, не торопясь, шла пророчица. Несла под мышкой узел со стираным бельем, для «голубчика». Увидела в окне свет, ускорила шаг.

Войдя в сенцы, пророчица очистила сапоги, закрыла за собой дверь на засов.

Серафим сидел у стола, о чем-то задумался: важный, надутый, с грудью нараспашку. Положив локти на стол, подпирал ладонями подбородок, смотрел в угол.

Сложила Секлетия чистое белье на полочку в шифоньер, собрала за печью грязное, связала его в простынку. Стареньким одеяльцем окно завесила, села на табурет с Серафимом рядком.

— Так побывала я в Подлесном, в Криничках, в Воронцовке, —заговорила она с той значительностью, с какой всегда говорила о «деле». — В стаде все как было. Лаврентия навестила...

— Ну, и как он? — спросил Серафим.

— Хворает. Напомнила о женитьбе, куда хворь делась. С ложа-то встал, молитвы шепчет, владыку в помощь призывает да все про Феню расспрашивает. Влюблен, ой, как влюблен Лаврентий! — Покачивая головой, Секлетия благоговейно возвела очи.

Будто тронул кто Серафима. Зашевелился он, повел распатланной головой.

— Губа у Лаврентия не дура! — Сказал с иронией, холодно. — Невзрачный, а переборчив! Зину припомню ему. Отверг — покинула стадо. Грех-то на его, чай, душе. Феню ему подавай, болвану! Ты-то, как мнишь?

— Женить, непременно женить! — решительно заявила Секлетия. — Примерный верующий. И Феню от соблазнов тем отведем. В степь с Романом днями, греховодница, ездила. Письма от него получает, с Зиной водится...

— Что?!—ощерился вдруг Серафим. Порывисто встал. Ухнуло в потолок громкое слово. Опасливо отодвинулась от Серафима Секлетия, хлопая ресницами, глядела, оторопев.

— Не велел ведь! Не велел с безбожником!! — орал пресвитер лающим голосом. Заложив руки назад, заходил по комнате. — Разбредется стадо! Разбредется! — твердил тревожно.

Сердился Серафим, грозным казался Секлетии, смотрела на «голубчика» сочувственно. Мысленно поносила бранными словами и Феню, и Лаврентия. Огонь и молнии метала на Романа. Могла бы — геенну огненную обрушила на его голову, сожгла и прах по миру развеяла.

Притихла Секлетия, не дышала громко. Ждала, когда

«голубчик» находится, отойдет. Ждала и кляла Романа.

Подсел опять к ней Серафим — перестала клясть.

— Женить будем Лаврентия. Поняла? Не тяни. Твое женское дело уломать Феню. Она покорна, богобоязненна.

«Голубчик» сказал — Секлетия сделает. Знал Серафим, на кого положиться. Пускай в уме называл плутовкой, мошенницей, а Секлетия нужный для веры человек. Кому, как не ему лучше знать, где обман, а где правда? О, Серафим не так мало прожил, не так мало видел, чтобы не постичь простой истины. Пускай люди верят в бога. Пускай боятся его. Вера?.. Его вера упрятана далеко, глубоко. Ни живым, ни мертвым, ни самому богу не сыскать...

Веселел Серафим — веселела Секлетия. Расчувствовался он, обнял за сухой стан — прислонила она к его плечу голову. От близости по щекам ее пошли пятна, теплело дыхание...

Так посидели вдвоем в обнимку, да недолго, отнял Серафим руку.

— Домой иди, — сказал. Перебросил с канапы на постель подушку, стал снимать кирзовые сапоги.

Вздохнула пророчица, потопталась, да делать нечего. Взяла узел, вышла...

А на дворе уже совсем темно.

Мелкий дождь падал: холодный, шепотливый, грустный. Под ногами хлюпало.

И Феня слышала шелест дождя, его шепот за окном. Видела, как зябко тянулась к окну желтолистая веточка акации. Осень на дворе. Осень в душе. Осень в квартире. Холодно...

Затопила печь. Кочергой помешивала дымившуюся солому. Вспыхнет солома багряным пламенем, Феня смотрит, смотрит, как горит. На минуту тяжесть с сердца снимается, становится бездумно. Потом опять...

Раздались шаги во дворе. Феня насторожилась, при-

слушалась. Только встала со скамеечки — в квартире уж Секлетия.

— Мир дому! — приветливо сказала.—Хозяйствуешь?

— Больше некому, — ответила Феня, стул подала.— Присаживайтесь...

— То-то и оно. Одной в доме жить не жизнь, а мучение. Не с кем заговорить, ни помощи, ни совета, ни защиты. Есть тебе былиночка в поле, да той лучше: она среди трав. О-хо-хо! — вздохнула Секлетия, печально посмотрела на Феню.

Феня ответила ей сочувственным взглядом. Пророчица продолжала:

— К примеру, я. Сколько прожила — и все одна. Смолоду никто замуж не брал, а теперь — кому нужна? Потому — одна. Богу посвятила себя. Любовь затомила, плоть уморила, послушническую жизнь приняла. И все ради НЕГО. А все ж вспомню другой раз, что никого нет, боль давит, боль...

Словно проталкивая застрявший комок в горле, Секлетия заглотала слюну. На ресницах вздрагивали слезинки.

Откровенный рассказ о неудачно сложившейся судьбе человека, которого так раньше боялась, тронул Феню до глубины души.

— Успокойтесь, сестра! — участливо молвила Феня.— Даст господь, устроится еще и ваша жизнь по-другому.

Махнула Секлетия безнадежно рукой, вытащила из кармана белый лоскутик, вымакала им слезы.

— Ой, нет! Мне уже одинаково. Творить добро другим отдаюсь. ОН, творец, наделил меня своей добротой. Не из-за своего горя и печали всплакнула. И от радости. От радости за тебя, Феня.

Сказала и вдруг схватила девушку за руку, вскинув голову, перст к небу взметнула, вскричала торжественно:

— Счастье над тобой витает! Видением от бога. Радуйся!..

Ничего не видела Феня на потолке, а дух захватило. «Видение от бога, говорит Секлетия!..» Она сгорала от любопытства.

— Говорите, сестра, не томите! — торопила Секлетию.

Облизнула пророчица губы сухие, положила Фене ладони на плечи:

— Иду по незнакомой деревне. Вижу, красивый белый дом. Над домом сияние дивное. Во дворе сады, виноград, цветы. Жажда одолевает. Стучусь воды попросить. Открывают, гляжу — ты. Обнимаешь, целуешь, ведешь в роскошную горницу, гляжу — Лаврентий в ней. На столе разные яства. Вы довольны, сыты, на лицах ваших смирение и покой. А по полу малое дитятко ползает. Кудрявится русая головка. Оно лепечет: мама, папа. Скажет мама — ты гладишь по головке, скажет папа — Лаврентий гладит. Вы радуетесь, и я радуюсь вашему счастью. Взглянула вверх, а над вами ангелы белокрылые летают, роем роятся, будто покой ваш оберегают...

Феня слушала, а руки Секлетии тяжелели, лицо мрачнело. Дослушала — руки уже камнем давили. Только будто не замечала этого Секлетия.

— К великому счастью видение, сестра Феня! — выкрикнула она с той же торжественностью.—Сам бог велит, чтобы Лаврентий стал мужем твоим.

Вскочила Феня. Словно оборванные веревки, слетели с плеч руки Секлетии.

— Не будет того! Нет! Нет, нет, нет!.. Не люблю его!— кричала.

Невозмутимо равнодушна к ее крику Секлетия. Даже обняла девушку:

— Сестра, милая! Добра ведь желаю. На руках носить будет Лаврентий, бредит тобой...

А Феня рыдала. Теплые капельки падали на скрещенные у груди руки.

— Не могу! Не заставляйте, — упрямо твердила сквозь рыдания.

Твердила, а бархатный, обольщающий голос пророчицы заглушить не могла.

— Феня! Вспомни, что было с отцом твоим и матерью. Они богом наказаны. Вспомни, как нашими молитвами была ты спасена от смерти. Не перечь воле божьей. Сильна она, непокорима. В Романе бес сидит. Покинь его, отринь, как отринула диавола.

Ничего больше не отвечала Феня, закрыв лицо ладонями, только плакала.

Поводила Секлетия блудливо глазами по углам комнаты и уж не просила, а проговорила повелительно:

— Покоришься богу!

Оставила Феню. Идя домой, торжествовала победу. Грех смеяться — смеялась. А сама думала: «Угодила «голубчику», вере послужила. Женится Лаврентий на Фене».

Феня сидела с закрытыми глазами. Бурю в сердце посеяла ей Секлетия, муки терзания, душевное опустошение. Роман — гибель, господнее наказание. Лаврентий — воля божья, его милость. Неужели расстаться навсегда с Романом? Неужели выйти замуж за нелюбимого? Кто ей поможет? Кто посоветует? Отец, мать? Давно не была на их могилках. Друзья? Нет их, потеряла. Бога тоже не призывала на помощь. Только спрашивала в немом отчаянии:

«За что наказываешь, господи! Чем грешна пред тобой?!»

Ныло тело, стучало в висках, в ушах шумело. Она прислушивалась. По-прежнему шелестел дождь на дворе, ударялась о стекло ветка акации за окном. И ей казалось:

— Покорись богу! — шептал дождь.
— Покорись!.. — говорила ветка.
— Покорись!.. — стонали глухие каменные стены.
— По-око-ори-ись!! — неслось отовсюду.
Страшно не покориться...

Переполох в доме брата Лаврентия.

— Мамаша! — кричал он тучной медлительной старухе с распущенными седыми волосами. — Пуговицы пришейте к рубашке! Раскалите утюг!..

Руки дрожали у Лаврентия, когда читал:

«Дорогой брат во Христе! Сообщаю тебе великое милосердие господне. Благодари создателя своего за то, что сестра Феня взглянула на твои страдания. Посети ее, как хворь пройдет, уйми страдания. Мир тебе. Приветствую святым лобзанием. Единому и сущему господу Иисусу Христу слава!

Самая грешная сестра в господе Иисусе,
Секлетия».

Горбун Панфил стоял возле Лаврентия. Он привез весточку от Секлетии. Полез к нему Лаврентий в умилении целоваться. Промычал горбун что-то недовольно, исчез.

Гладил Лаврентий синюю сатиновую косоворотку, зеленый полушерстяной пиджак, выводил утюгом на синих суконных брюках складки. Мать чистила щеткой картуз с тяжелым лакированным козырьком, блестила кремом хромовые туфли. Блестила и с присвистом приговаривала:

— Поможи, боже! Поможи, вседержец!

Вьется полевая дорога из села Подлесного, вдаль уходит, изломанная, исковырянная глубокими выбоинами и и колеями, тянется к лесу. Опираясь на палку, прихрамывая, идет по ней Лаврентий, в Елизаветовку направляется.

Шумит, стонет от ветра лес, а Лаврентию радостно. Протыкал палкой дыры в сырой земле —улыбался. Видел Феню перед глазами — сиял. Всему улыбался по-своему. В глазах, всегда потухших, сегодня искра радости.

Перед самой Елизаветовкой из кустов, как на грех, выскочил черный кот. В нескольких шагах пробежал впереди Лаврентия и притаился, окаянный, в кювете.

Остановился Лаврентий как вкопанный. Замер. Снова потухли глаза.

«Дурная примета, ежели перебежит дорогу», — думал он со страхом, следя за котом. А тот, распустив коготки, играл сухими листьями, выгибая спину, зелеными глазами поглядывал на Лаврентия.

Пятился, пятился Лаврентий, боясь спугнуть кота, да и шарахнулся в сторону прочь от дороги. Обошел, остался вещун дурного позади.

Екало сердце у Лаврентия, прыгало, когда подходил к дому «сестры». Постучал звонко, радостно: приготовил себя к приятности.

Открыла дверь Феня, увидела незваного гостя, отшатнулась. Но, сама не знала почему, спокойна была.

— Слава Иисусу! — низко поклонился Лаврентий. — Явился вот. Уф! Развезло путь, вспотел, покуда добрел...

— Какая ж нужда в том была? — спросила Феня, хоть и догадывалась, чего пришел Лаврентий.

Лаврентий оценивающе окинул взглядом Фенину обстановку, скинул картуз, сел в креслице возле грубки.

— Нужда, сестра Феня, житейская нужда! — ответил он и уставился глазами на Феню. Смотрел вроде в лицо, а время от времени успевал и другое: бросал прони-

зывающие взгляды на обнаженные до колен девичьи ноги. — Человек один, сестра, не человек. Мир создан богом так, что ежели соединены два человеки обоих полов— они есть суть единого. Жажда сути той привела к тебе, сестра.

Уголки губ Фени тронула едва заметная усмешка.

— Туда ли пришел, Лаврентий, где утолишь свою жажду? — глянула она на него вопрошающе. — Знаешь ли, что не люблю тебя?

Крупная лобастая голова Лаврентия опустилась, дрогнули чувственные полные губы.

— Не отвергай, сестра! — плачуще взмолился он. — Ночью вижу во сне, днем предо мной стоишь. Полюбилась, как только появилась в общине. Мир и согласие зацветут меж нами. Волосу не дам упасть с твоей головы, жалеть буду!

Говорил Лаврентий нежным, елейным голосом. И что-то жалкое, просящее таилось в глубине его глаз, вызывая у Фени невольную жалость к нему. Она задумалась.

— Ничего не выйдет из нашей жизни, Лаврентий,— решительно заявила после короткой паузы. — Ничего.

— Сестра! — вытянул к ней руки Лаврентий. — Реши по справедливости. Веры единой мы, она соединяет нас. Достаток приготовил для тебя. Праведную жизнь веду. Библию день и ночь читаю, наизусть буду знать скоро. Законы божьи соблюдаю, от всего греховного, земного отрешился. Вместе чтить бога будем, в покаянии вечной загробной жизни постигнем....

Пал на колени Лаврентий и так, молча, стоял перед Феней с опущенной головой. Кроткой овечкой стоял. На ожиревшем лице с обвислыми щеками выступили капельки пота. Влажнели рыжеватые волосы в длинной стрижке. Дебелая фигура выражала смирение, раболепие.

— Поднимись, Лаврентий,—тихо проговорила Феня.—

Старший ты, брат, на четырнадцать лет... К тому с уважением отношусь. Как подскажет бог сердцу — так отвечу на твою любовь.

Вытер Лаврентий пот с лица, встал. Будто свежий ветер дохнул ему в грудь: последние слова Фени зажгли в нем надежду. Ожил. Пока Феня смотрела вниз, о чем-то своем думая, внезаметку прилипал к ней взором: к тугим округлостям на груди, к фигурному стану, обнаженным ногам. Затмила красота Фени веру в загробную жизнь, возбудила желание радостей земных. Облизывая губы, он сладко щурился, раздевал «сестру» мысленно.

— Иди, брат, — вернула его Феня к действительности.— Дай мне покой...

Натянул Лаврентий картуз на голову.

— Пребывай в вечном покое, — вежливо молвил и, постукивая палкой, вышел.

Никто не узнал бы сейчас скромного «агнца божьего», минуту назад поверженного на колени перед сестрой в страстной любви. Трясся Лаврентий от лютой ненависти, Секлетию клял.

— К чему написала письмо, что Феня повернулась ко мне, проклятая ведьма?! — вслух вопрошал он пророчицу. Скрючив пальцы в кулаке, не разгибал их до самого Подлесного, бой собирался за Феню держать, до победного. Надеясь использовать хитрость той же Секлетии, меньше всего полагался на бога.

А на дворе день прохладный дышал, далекий и безучастный ко всем страстям и тревогам. Безучастен он был и к тому, что решала в своей горнице Феня. Словно два мира, встали перед ней два человека. К какому из них приклониться?.. К Роману?

Роман мил. С искрящимися глазами, полный жизни, пусть греховной, но радостной, без страха и печали. И любят они друг друга, и хорошо ей было бы с ним, да

греховная жизнь неверующего разъединяет их, нельзя.

Лаврентий? С тусклыми глазами, вечно пугающийся всего земного, всегда сумрачный и печальный, Лаврентий живет зато праведной жизнью. Он тоже нежный и безумно любит ее, но не любит его она. А потому что в одной вере они — бог вот соединяет их. Так видно устроен богом мир на земле. Все в руках бога. Лаврентий чист душой, будет верен ей...

Ой, как против Лаврентия восстает сердце!

Устала Феня от мучительных переживаний, хотела покоя. Думала, найдет его, когда уйдет Лаврентий, да опять не покидала тоска: точит, как червь яблоко, точит...

КТО ВИНОВЕН?

Майор Компаниец бесшумно расхаживал в кабинете по мягким ковровым дорожкам. Исход расследования загадочного происшествия в Елизаветовке не удовлетворял его. Загадка оставалась загадкой. О загадочности говорили показания свидетелей, неопровержимо подтверждали то же самое документы.

Сам по себе мелочный, малозначащий акт—не масштаб для крупного и расчетливого врага, не это было главным сейчас для майора. Преступление сделано умышленно, за умыслом скрывается цель, за всем этим враг, которого надо найти, каким бы он ни был.

Темнело. За окном затихал уличный шум города, людей становилось меньше, горели огни. Медленной грузноватой походкой майор возвратился к столу. Сел, включил настольную лампу, бегло заскользил карандашом по страницам акта районной пожарной инспекции. Смуглое лицо его казалось бронзовым в свете лампы, а сдвинутые у переносицы брови скрывали сосредоточенные спокойные глаза.

В конце последней страницы рука на мгновенье застыла, потом майор жирно подчеркнул две строки, выронил карандаш и, хмуро взглянув на Новикова и Иванченко, сидевших за приставным столиком, придвинул им акт.

— Почитайте! Черным по белому написано: «...многоочаговый пожар в Елизаветовке есть результат злоумышленного поджога». Понятно, какую пилюлю преподнесли? Плохо работаем, если до сих пор преступника не нашли.— В густом баритоне майора слышалось раздражение, недовольство собой.

Новиков, хотя и пользовался на первых порах правами молодого работника, которому полагалась скидка на неопытность, принял упрек и на свой счет. Беспокойно заерзал, вскинул вверх руку, пригладил рассыпавшиеся темно-русые волосы.

Гораздо спокойнее отнесся к замечанию капитан Иванченко, перелистывавший голубую папку с документами.

— Возвращаюсь все же к Наумову, — убедительно заговорил он. — Кстати, получены новые данные.

— Какие?

— Прямые показания Анны Нижник, девушки, сообщившей собранию о пожаре. Вы ее опрашивали, должны помнить. Наумов ухаживал за ней — отказала; высказал угрозу отомстить. Это еще настоятельнее требует решения вопроса о Наумове.

— Арестовать? — посмотрел майор вопросительно на капитана.

— Хотя бы временно задержать для допроса.

— Допустим, задержим Наумова, — снисходительно согласился майор,— начнем допрашивать. Какая перспектива?

— Бегство от пожара, запутывание следов, судился, угрозы... Появление его в тот день в Елизаветовке, все это не случайные совпадения. Должен же он дать какие-то

объяснения, а следовательно, и раскрыть интересующую нас истину.

Доводы капитана казались убедительными, но майор не спешил с выводом. Дополнительные данные о Наумове навели его на новые размышления, и он снова и снова анализировал все имеющиеся по делу материалы.

— Не пойдет, капитан, — проговорил он, наконец. — В наших руках не доказательства, а цепь подозрений. Это разные вещи.

— Но они довольно вески и убедительны! — горячо возразил капитан.

Компаниец осуждающе покачал головой, строго посмотрел на Иванченко:

— Интуиция, капитан, тонкий инструмент, и пользоваться им надо умело. Мне кажется, в данном случае, вы слишком полагаетесь на нее. Идти на то, что «авось расколю, добьюсь признаний» — по меньшей мере безрассудно. Представьте! Наумов заявит: «Приходил в Елизаветовку в тот вечер наладить отношения с Нижник. Бежал от пожара потому, что уже раз обжегся и не хотел новых подозрений». Все ваши расчеты полетят вверх тормашками. Нет, не согласен с вами! — резко, отрывисто закончил майор.

Краска болезненного смущения разлилась по сухощавому лицу Иванченко.

— Дело ваше. Я остаюсь при своем мнении, — еще раз убежденно подчеркнул он.— Упускаем возможность выйти из создавшегося тупика.

Майора начинала злить упрямая настойчивость капитана, но он сдержал себя, слегка передернул плечами и, ничего не ответив, сел за стол.

Капитан и лейтенант с любопытством наблюдали за какими-то приготовлениями.

Развернув двойной лист бумаги, Компаниец умело и

подвижно делал зарисовку сгоревшего здания. Закончив, пригласил их к себе ближе.

— Вот, здесь, здесь и здесь,— обвел он в нескольких местах чертеж крыши кружочками,— очаги вспыхнули одновременно. Предположим, Наумову удалось проникнуть незаметно на чердак и начать насаждение очагов с какого-то конца. То на втором, в крайнем случае, на третьем — он выдал бы себя с головой. Немыслимо же насадить повсеместно очаги и не быть обнаруженным. На это,—увлеченно продолжал майор, — никто не решится. Явный поджог снаружи, в присутствии дежурных, — тем более исключен. Остается одно: поджигатель располагал возможностями и средствами организовать поджог без риска выдать себя. Ясно? Вот почему, капитан, не следует горячиться в решении вопроса от Наумове. Его необходимо и дальше проверять, а действительного виновника — искать! Задача нелегкая, конечно...

Примитивный следственный эксперимент Новиков слушал с громадным интересом и в знак согласия с доводами майора то и дело одобрительно покачивал головой. Выражение самоуверенности исчезло с лица Иванченко. Он досадливо морщился, но ничего не мог противопоставить логически обоснованным выводам майора.

Согласованно, с надлежащей оценкой, рассмотрели теперь все, что накопилось по делу важного и полезного. План дальнейших действий обсуждали в спокойной, деловой обстановке, точно не было до этого никаких размолвок.

Перед тем, как разойтись, майор передал Иванченко заметки по заявлению деда Кирилла на Аминева.

— Какая секта в Елизаветовке? — спросил он у Новикова.

— Пятидесятники. Называют их и трясунами.

— Клятая секта. Есть ли какие данные об Аминеве?

— В связи с пожаром? — уточнил Новиков.

— Он был тогда на собрании. У меня нет ни малейших оснований подозревать его в причастности к пожару. Сомнительно одно: на собрания-то они вообще не ходят, а на том собрании присутствовали. Видимо, что-то затрагивало их, раз пошли.

— Просачиваются сведения, что некоторые сектанты высказывали недовольство последними мероприятиями правления колхоза. Теперь в отношении Аминева. При регистрации в сельсовете он указал, что до и во время войны жил в селе Кривичах, в Белоруссии. Почему и как попал в Елизаветовку, неизвестно, никто не спрашивал.

— Запросите. Займитесь проверкой Аминева согласно заявлению.

Капитан и лейтенант вышли, майор откинулся на спинку кресла, закурил. В минуты тишины и одиночества он любил подумать, сделать экскурс в то, что уже решено, а главное проверить, не упущено ли что важное? Если поджог совершен кем-то умышленно, то причин может быть две: или это личная месть, или диверсия. Судя по обстоятельствам, коровник поджег кто-то из местных, причем довольно умело и осторожно.

Мерно тикал маятник стенных часов. Стрелки показывали половину двенадцатого. Майор собирался уже уходить, как вдруг в голову ему пришла совершенно новая мысль. Он быстро подошел к сейфу, вынул оттуда нужную ему папку и стал перелистывать. «Вот оно!» — нашел он то, что искал. Поднял телефонную трубку.

— Вы у себя еще? Собираетесь?.. Загляните ко мне.

В кабинет вошел капитан Иванченко с брезентовым плащом в руке и с дорожным чемоданом.

— Тут вот какая история, — встретил его майор.— Перечитал я сейчас сообщение о геленовской разведке. Вы помните?

— Помню, — ответил капитан лаконично.

— Вероятно, не забыли, что эта разведка впитала в себя весь сброд: работников немецкой разведки, гестаповцев, жандармов? Через них ставится задача налаживать связи с оставшимися на нашей территории предателями. Вещь не такая уж сложная. Надо проверить факты по нашему делу с учетом известного по Гелену. Как вы думаете?

— Мысль правильная. Людишки, имевшие связь с немцами, безусловно, остались, притаились.

— По-моему тоже так. Предупредите об этом остальных товарищей.

СОМНЕНИЯ ФЕНИ

Трудовой день в селе кончился. Тишина наступила, и в ней особо отчетливо стали слышны ритмичные выхлопы движка колхозной электростанции. «Чох-чох-чох-чох!» — неслось от реки.

Вечерняя мгла заволакивала чистое небо, проступали неяркие звезды. А на птицеферме еще продолжалась работа. В огромных лозовых корзинах слепящей белизной отсвечивали тысячи яиц. Под руководством заведующей фермой Полины Сергеевны готовились к загрузке инкубатора «Рекорд-39».

Стемнело совсем, девушки приуныли, нетерпеливо посматривали на Полину Сергеевну. Нашлась одна посмелее, сказала:

— Тетя Полина! Спевка в клубе, отпустили бы пораньше...

— Идите, девочки. И ты, Феня. Обойдусь тут как-нибудь. Закруглю вот только управку — и тоже подамся отдыхать. Что-то больно умаялась нынче...

Лица девушек засияли довольными улыбками. Вскочили все, скинули халаты, столпились у рукомойника.

С шумом ввалилась в птичник тройка веселушек. Во

главе — шустрая Варенька, известная в селе баловница и заводила.

— А ну, побыстрее! — наигранно-начальническим тоном скомандовала она, входя в помещение. — От кур лени что ли набрались? Ждут вас...

И завязалась беседа... Посчитать всех — шесть, а резвости, шуму хватило бы на десятерых. У каждой своя шутка, свое острое слово. Смех и тот разный.

Не тронулась с места одна Феня. Поводила из-под бровей глазами на Вареньку, подружку бывшую, безмолвно продолжала перекладывать яички. Считала шепотком, карандашиком замечала, куда сколько добавила.

Девушки переоделись. Выходили, приостановилась возле Фени Варенька:

— Пошла бы с нами, Феня! Певец новый объявился. Голос — ангельский! С виду — краше бога, на сотню евангелий не променяешь. — Сказала, хихикнула и словно прикусила язык: увидела укоризненный взгляд Полины Сергеевны.

— Варенька, нечего делать здесь! — сердито прикрикнула на нее женщина. — Иди, там зубоскаль!

Злая, обидная выходка Вареньки, будто занозой, кольнула в сердце Феню. Но смолчала она. Одно слово Вареньке в ответ — новые колкости, новые насмешки. С благодарностью посмотрела на Полину Сергеевну: не давала в обиду, так же, как когда-то Роман. И похожа на Романа, как две капли воды.

— Иди, голубка, отдыхай, — не раз напоминала Фене Полина Сергеевна.

Но уходить Фене не хотелось. Видела Полину Сергеевну — казалось, Роман рядом, его голос слышала, его дыхание. Некуда было Фене спешить. Взяла кошель, обошла гнезда, собрала снесенные курами яички, наткнулась на любимицу, пеструю хохлатку. Погладила ее по шейке,

пошла дальше. Вымела помет, подсыпала кормов цыплятам, собралась уходить.

— Присядь, Феня, поговорим, — сказала Полина Сергеевна. Сели на лавочке, рядом.—Хорошая ты, работящая, а живешь... Неужто так по вере вашей положено?

Не ждала Феня такого вопроса, стушевалась. Стыдно было. Опустив глаза, произнесла едва слышно:

— Да.

— Ая-я-а! — сокрушенно вздохнула Полина Сергеевна. — Расскажи, голубонька, как же ты попала туда?

Феня с новой силой ощутила, что нет у нее какого-то убеждения, один страх есть. Ведь карой божьей запрещено говорить посторонним, что принадлежишь к секте пятидесятников, запрещено называть имена наставников, где происходят моления. Все запрещено, за все кара! А Полина Сергеевна не сводила с нее глаз: добрые и пытливые, сочувственные они у нее. И напоминала Романа. Проникшись доверием, рассказала Феня все без утайки, как попала в секту.

Полина Сергеевна слушала девушку, покачивая головой. А когда выслушала все до конца, тяжко вздохнула:

— Чудно. Чудно, — повторила она. — Послушай, милая, меня, старуху. Жила я когда-то тоже по пословице, какая в старые времена в нужде и темноте родилась: «Без бога ни до порога». Настала война, покойный отец Романа ушел в партизаны. День и ночь молилась до упаду, просила бога сохранить ему жизнь, не оставить сиротой Романа. Надеялась, молилась, надеялась. А за это — страшное горе свалилось на нас в сорок втором году: повесили немцы мужа в Калиновке. Вот и задумалась я тогда: есть бог или нет? А как выяснилось, что взяли их в церковной ограде по доносу дьяка, — прокляла! Христопродавцы они все до единого! Потом поперва было сажусь к столу — троеперстие ко лбу, опомнюсь — отдерну. Постепенно отвыкла.

Живу много лет без бога: ни наказания, ни страха. Легче было забыть бога, чем свое горе.

Оцепенела Полина Сергеевна, вспоминая пережитую боль. Феня видела — тонкой сетью залегли у нижних век печальные морщинки, капельками скатывались на щеки слезы.

Быстро взяла Полина Сергеевна себя в руки, вытерла платочком слезы, глядя любовно на Феню, заговорила о другом:

— Заходила бы к нам, Феня. Роман вернулся, тобою живет. Знала бы, как любит тебя! Как-то спросил: «Мама, если будет вашей невесткой Феня, как вы?» С того дня называю тебя: невестка. Хожу и вижу в нашем доме. Мила ты мне, как родная. Заморила бы горе, радуючись вашему счастью. Заходи!..

«Невестка». С какой душевностью, теплотой прозвучало это слово у Полины Сергеевны! От его теплоты зарделась Феня маковым цветом.

— Ой, не знаю. Не знаю, тетя Полина. Зайду. Зайду когда-нибудь,— проговорила Феня неуверенно.

Медленно шла она домой. Растроганная материнской лаской Полины Сергеевны, думала о ее горе, о Романе, забыв даже обиды от подружек.

— Бес сидит в них! — внушали постоянно Серафим и Секлетия.

А Феня не видела хитрости бесовской, не замечала диавольского коварства у этих людей, не было у них и пугающего взгляда, как у брата Серафима, когда просила его о Романе.

Начало вкрадываться сомнение к Фене: верно ли говорят Серафим и Секлетия? Мысли кружились, как подхваченные бураном снежинки.

Идет Феня по самому краю дороги, не идет, а бредет. Тронет деревцо, дойдет до другого, опять тронет. Узнала

полюбившуюся ей вишенку — остановилась. Темень, ни души кругом. Невольно вспомнилось минувшее лето.

Выйдет, бывало, она по вечерам от скуки из дому, станет под вишенку, точно под зеленое покрывало, срывает ягодки, ложит в рот и стоит часами. Пройдут парни вдали, девчата запоют, а она слушает их песни, слушает резвый разговор, смех задорный. Дышала чистым воздухом, и казалось ей, что вместе с ней, как живые существа дышат и каждый листочек, и каждая веточка. Каждый их вздох нес на короткое время какое-то облегчение, заглушал тоску, скуку.

Где же та вишенка, что была? Будто к мертвецу, прикоснулась она к холодному, леденящему стволу. Где-нигде висели над головой скрученные пожелтевшие листья, чуть тронь, падают у самых ног. Жутко стало Фене, давило что-то внутри, холодило и леденило, как дерево. Не такая ли у нее жизнь, как у этого ствола сейчас? Придет пора, и вишенка снова оживет, снова будет жить по-своему, радоваться, веселиться. А растает ли лед в жизни Фени? Как дальше жить? И жизнь на земле казалась Фене пустой, никчемной, просто бессмысленной.

Прислонилась она к стволу, обняла так, будто согреть хотела. А тревожные думы все шли, шли, и не было от них покоя, не было радости, утешения.

Кто-то зашуршал ногами. Слева от дороги, возле амбара появился человек. Постоял, шагнул ближе к дороге, остановился опять. Присмотрелась Феня и замерла: невдалеке неподвижно стояла женщина, очень похожая на Секлетию.

«Что это ее сюда привело, ночью?» — подумала Феня. Забеспокоилась. Уйти бы поскорее — невозможно: не хотела обнаружить себя, дать повод пророчице, если это она, для сплетен и разных кривотолков. Предполагая, что женщина пробудет здесь недолго, притаилась.

Где-то вблизи простучала по примороженной земле

палка. Быстрыми, бесшумными шагами женщина подалась на стук. И тотчас же послышался грозный окрик:

— Кто бродит?!

В голосе сторожа Феня узнала брата Трофима.

— Я, не ори! — откликнулся знакомый голос пророчицы.

— Чего тебе? — встретил ее враждебно Трофим.

— Вертаюсь вот от брата Серафима. Мимоходом заглянула и тебя проведать, Трофимушка.

— Во как! Изменения какая-то произошла в организме, что заботу обо мне проявляешь? — ехидно заметил Трофим.

— Эх, Трофимушка, Трофимушка! Чего доброго, а забот хватает. Хлеба каравай имею, одеться — кое-как, а деньжат — хоть шаром покати! Иголку-нитку не за что купить, — жалобно плакалась Секлетия.

— Во мне мильёнщика что ль приметила? За деньгами явилась, так надо понимать? — вспомнил Трофим слова Аминева, добавил: — Расходуй свое. Получаешь в колхозе?..

— С того мало проку, Трофим. Сколько дадут, ежели минимуму дней не дотянула? Помог бы нуждишку-то извести, ежели б дозволил...— замялась Секлетия. Приумолкла, выжидающе посмотрела на Трофима.

— Чего, чего?! Что дозволил?.. — скосил на нее Трофим подозрительный взгляд.

— Да хоть полмешочка, говорю, того, чего свалили вчерась в кладовую, Трофимушка, а? Догадываешься, небось?

«Вскипел» Трофим, замахал палкой перед носом пророчицы:

— А шиша не хотела?! На преступность подбиваешь?! Я те вот за косы да к председателю, не хочешь? Я про тебя на молении-то выложу!.. Я те дам, как на меня, кудес-

ница, разные выдумки при обчестве на церковном обряде! Ты у меня попляшешь!.. Выкатывайся отсюда!

— Боже, да что же это?! — почти простонала Феня.

За амбаром схватилась какая-то возня. До слуха доносились лишь неразборчивые обрывки фраз, гортанные звуки, шарканье ног. Вдруг опять все стало слышно. Пророчица, подскочив, как от укуса, наступала на Трофима.

— Замкни рот, козявка! — шипела она, брызжа слюной. — Медок-то на базаре тайком продаешь, думаешь, не ведаю, где берешь? Не поведешь к председателю, кишка тонка! Язык-то поизворотливее твоего имею. Клеветой оболью, виноват еще будешь. Поуменьши пыл, бессилое творение! — размахивала она кулаком у самого лица Трофима. Голосов не слышно уже, только мечутся тени.

Спрятал палку Трофим за спину, боясь каждую секунду, что ее вырвут из рук, трусливо отходил от Секлетии. Услыхав же о меде, оторопел вовсе, растерялся. «Окаянный Серафим разболтал, не иначе. Откуда ей знать?..»

Мысленно разнося «брата» отборными ругательствами, Трофим спешно искал выход из положения. Выхода не было. Ничего другого не оставалось, как ладить с пророчицей, не портить отношений. Но Трофим сдавался не сразу.

— Не знаю никакого медку! Отчаливай, требую! — Тыча из-за спины палкой вверх, назидательно протянул:— Греха не оберешься, видит ОН!

— Взять у тебя или у меня — это грех. Колхозное же, обчее, как они называют, — есть божье. Бог для людей дал, а тому — божье брать не грех. Трофимушка, соколик! — по-лисьи обхаживала Секлетия наигранно-слащавым голосом. — Самому-то — разве в тягость иметь от того лишнюю десятку-другую. Не обманщица я чай какая, дам частку, дам!..

Хитро, знающе щекотала Секлетия по больному месту Трофима. Присмирел, будто подменил его кто, первоначальная недоступность и существовавшая издавна неприязнь к пророчице рассеялись, как дым.

— Сколько ж дашь? — уже нормально спросил Трофим, приняв мирную позу.

— Три-четыре червонца не пожалею.

— Мало, Секлетия. Пять-шесть десяток, не менее. Мешок-то при тебе? Да не больно полный нагружай, надорвешься. Сзаду амбара заходи, первое окошко не заперто. Потяни половиночку — откроется. Лезь, а я буду настороже. Чуть погроза — высвист комаринской. Притихни и сиди, покуда иную не засвищу.

Стучала палка, чиркала по земле. Ходил Трофим вокруг амбара, громко покашливал, поглядывал по сторонам.

А Феня все сидела на корточках у подножья ствола вишенки, пристально всматривалась. Хорошо различала брата Трофима, да пропала где-то Секлетия.

«Ушла домой», — мелькнула мысль.

Вздохнула Феня полной грудью, облегчила сдерживаемое дыхание. Выбирая момент, чтобы уйти незамеченной, поднялась: скрылся Трофим за амбаром. Да только ступила ногой из укрытия, глянула на амбар — отпрянула: Секлетия карабкалась через окно внутрь.

Побежать бы, поднять крик, людей созвать, а для чего?.. Может, Секлетия и зла не преследует, — раздумывала Феня. Усомнилась: так ли? К чему был тогда их разговор? И гнетущее чувство давило, подсказывало, что свершается злодеяние.

«Не укради», — сказано в писании. Кому ж писан закон божий? Господи, где ты?» — взывала Феня. Взоры ее были обращены к небу.

Молчал бог. Только далеким и холодным мерцанием мигали ей звезды. Мигали и отвечали:

— Нет бога!

Но слепая вера не внимала безгласной правде звезд.

— Господи! Ты всезнающий, ты вездесущий, ты всемогущий! Отними руки, омертви ноги, отврати злодеяние!

Феня верила в бога, в его силу. Верила и ждала, что вот-вот он, на виду у нее, пошлет заслуженную кару пророчице.

А Секлетия, с наполненным до отказа мешком, сползала уже с подоконника. Взвалила мешок на плечи и — бегом от амбара. Исчез куда-то и Трофим.

— Свершится кара. Свершится! — твердила Феня, упоенная надеждой.

Силуэт Секлетии в ночной тьме расстаял, а ничего не свершилось.

Выпорхнула Феня из-под дерева, пушинкой понеслась по дороге. Обошла с противоположной стороны амбар, скрылась в глухом переулке, которым должна была идти Секлетия. Только стала за деревом, вынырнула с ношей пророчица.

Удар послышался обо что-то твердое: Секлетия с размаху шлепнулась на повороте.

— Кара свершилась! — возрадовалась Феня. Но мгновенный и радостный прилив тут же сменился горьким разочарованием. Встала пророчица. Ворча что-то под нос, пошарила по земле, подхватила свою ношу, понесла ее к дому.

Стукнула Секлетия калиткой—Феня к тому месту, где женщина падала. Что-то хлопнуло под каблуком, словно рыбий пузырь лопнул. Нагнулась, подняла — три раздавленные скорлупки в руке, зерна видны.

«Арахис! Секлетия украла арахис! Заявить?.. Грешно на своих: со света сживут. Наставнику положено обо всем доносить...»

Ой, как не хотелось видеться с Аминевым! Пугалась

его теперь. Еще обвинит в том, что следила умышленно. Роману сказать?.. Как?..

Потрясенная, удрученная шла Феня домой. А мозг сверлили новые мысли: робкие, квеленькие, как ростки первой весенней травки.

«Богом ведь клялась Секлетия о своей праведной жизни, по вере. Где же ее правда?.. Серафим наделен даром с богом говорить. Неужели бог не судья ему в том, что бросил где-то, говорят, жену и малых детей? Брат Трофим совсем недавно каялся в грехах на молении. Где же его искренность? Не по вере живут...»

Дома Феня сидела в темноте, огня не зажигала. Смотрела на яркие окна клуба напротив, прислушивалась. Разборчиво доносились то нежно замирающие, то бурно оживающие звуки баянов. В тон им дружно схватывались слаженные голоса парней и девушек, переливались, словно волны. Слушала Феня, а на лице тоска, отчужденность.

«Там Варенька, там Роман», — думала она, и сердце сжималось от боли. Нельзя ей, нельзя. Грех и наказание ждет господне.

«Почему не наказывает бог тех, что поют там, веселятся? Не наказывает Полину Сергеевну за то, что отреклась от него. За что же мне такая немилость? Старалась жить по вере, а силует бог замуж выходить за Лаврентия, отводит от Романа. Все потеряла, а что нашла?»

Включила Феня свет, библию взяла, полистала. «Любите ближнего своего», — вычитала на одной странице и задумалась. «Кто же этот ближний? Человек ведь? Почему же тогда не должна она любить Романа, Вареньку, Полину Сергеевну. Значит, не по писанию наставляют Серафим и Секлетия?»

Страх объял Феню, что так рассуждает. Не сомневаться ее учат, а верить. Верить тому, что написано в священном писании. Но ни отрады, ни умиротворения от чтения

библии, как бывало прежде, она уже не испытывала. И никогда не казалась такой гнетущей пустота в доме, как сегодня.

Сунула Феня библию под матрац, сдернула занавесочку на окне, выглянула во двор. Почему-то маялась она. Подходила к двери, слушала. Перекладывала без надобности с места на место подушки на кровати, переставляла стулья. Все ей было в этот вечер не так. Не покидало предчувствие, что кто-то должен прийти.

«Может, Роман?» — промелькнула желанная мысль. Стало боязно и радостно Фене, жарко.

Тихий стук в дверь раздался таки, через час. Феня тревожно прислушалась, подошла, наложила руку на крючок, спросила:

— Кто?

— Я, Роман...

Горячая волна прилила к сердцу. Феня отбросила крючок.

— Добрый вечер! Не ждала? — спросил Роман весело.

— Нет, не ждала... Что скажут люди?.. — взволнованно проговорила Феня, подняла на него глаза.

— Хорошие люди, если и увидят, скажут хорошее, а плохие и, не видя, способны сплетен наговорить. Я не боюсь их. К сплетням отношусь, как к собачьему лаю. С чистой душой пришел, без зла.

— Ой, Роман, Роман! Оставил бы ты меня! Жила без тебя — ни о чем не думала. Пришел ты... — Не договорила Феня, умоляюще посмотрела Роману в лицо.

— Не оставлю! — решительно заявил Роман. — Ходил и ходить буду. Не силовала бы ты лучше себя... Посмотри, оттуда иду, — приподнял он занавесочку, показал на клуб.

— Подружки вспоминают о тебе, я бы хотел видеть, любоваться, а у тебя выходит так: рядом с жизнью живешь

и жизни пугаешься. Пойдем, сходим разок. Как выстроили клуб, не была ведь там...

— Не была, Роман, и буду ли?

— Будешь, Феня. Понравится, увидишь. Бога там не ругают, сатану не вспоминают, каждого с дорогой душой принимают. Собирайся, подожду...

Феня качнула головой. Закрыв рукавом лицо, склонилась на тумбочку.

— Не пойму я, Роман, что делается со мной. Боюсь бога, боюсь их, всего чего-то боюсь... Как подумаю, что свершу грех, — тревожно делается, будто страшного суда жду. Иди уж сам. Отвыкла я...

— Опять бог. Ну, что мне делать с ним? Тряхнул бы за бороду, если б знал, где найти. Через час мне на смену. Пойдем хоть прогуляемся. Не съедят же...

Нежно привлек ее Роман к себе, не противилась. Хотел поцеловать в губы — загородилась ладонью:

— Не надо, Роман!..

Постоял с поникшей головой, грустно посмотрел ей в глаза:

— Насильно мил не будешь. Сколько ни прошу — не хочешь быть со мной. Видать, не любишь...

Сказал и размашисто шагнул к выходу.

— Роман!.. — всхлипнула Феня. Кинулась за ним к порогу, да уж вышел, только слышно, как сапоги по дороге стучат.

Стояла у косяка, пошатываясь: сильно, нехорошо билось сердце. В отчаянии шептала: «Что я наделала?! Не придет больше Роман...»

Улеглась в постель Феня разбитая, душевно истерзанная. До первой петушиной переклички лежала с открытыми глазами, глядя в потолок. А уснула — мучительные, тревожные сны пошли.

...Стоит она на молении. Видит распаренные от духоты

злые лица братьев, сестер, чувствует противный кисловатый запах пота, слышит крики, стоны, биения о землю... Задыхается, тяжело ей, душно и почему-то боязно, так боязно, как было на первом молении. Хочется тишины, свежего воздуха, уйти от этих людей хочется. Не выдерживает Феня, пробует выйти...

— Стой! — преграждает ей путь Лаврентий. Вытаращив глаза, пытается схватить грязными растопыренными пальцами за волосы.

— Ты моя! Господь отдал мне! Грешить бежишь, блудница?

— Кайся! — закричали все хором, проклинают ее. В ужасе она прорывается сквозь враждебное кольцо, убегает, за ней опять гонится Лаврентий, слышны угрожающие возгласы Серафима...

Во сне Феня громко вскрикивает, просыпается. Испуганно встряхнув отяжелевшей головой, снова долго смотрит в потолок.

Улегся постепенно страх, всплыл образ Романа: светлый, милый. С мечтой о нем, уткнувшись в белоснежную подушку, Феня уснула еще раз.

Будто вознаграждая за пережитую тревогу, теперь ей снится весна. Ярко светит солнце, ласкает теплом всех. Феня сидит с Романом в саду, на скамеечке. Свисают над ними ветви деревьев, облепленные ярко-белыми и бледно-розовыми цветами, зеленеет вокруг травка. Роман склонил голову Фени себе на плечо, она чувствует его горячее дыхание, чувствует, как радостно ей, приятно. Но вот Роман пытается обнять. Она вырывается и, смеясь, убегает, прячется за деревьями. Роман догоняет, целует, она опять вырывается. Он снова ловит, целует в губы, щеки, целует и целует, теперь уже без конца...

Феня спала, улыбалась и проснулась с улыбкой. Забыв о страхе перед богом, шептала: — Люблю!

Повторяла Феня милое слово не раз и была счастлива, что радость ее в это утро не омрачила тень суженого богом Лаврентия.

Парторг Николаев, заметно ссутулившийся, пожилой и поседевший, смачивал слюной расклеившуюся самокрутку и виновато поглядывал на Андрианова. Причмокивая губами, он раскурил папиросу, пока не вспыхнуло пламя, прикоснулся пальцем к кончику языка, притушил огонек и, откашлявшись после глубокой затяжки, сказал:

— Штунды, а сколько их, какой масти, чем занимаются? Молятся, вроде не мешают... Без них дел по горло!.. — сплюнул он и придавил в пепельнице окурок.

По выражению лица Андрианова было видно: ответом он не удовлетворен. Председатель нахмурился, вытащил из стола какой-то листок, передал его Николаеву.

— Проверь, кто из нашего села?

Николаев вычитывал вслух фамилии и за каждой из них повторял: — Наш, криничанский... наш... подлесновский... наш... — Закончив, удивленно на Андрианова посмотрел, воскликнул: — Ну, и наплодилось же их! Выгнать бы этого Аминева. — Хмуря прямые короткие брови, он всматривался в список так, будто собирался перечитывать его вновь.

— Почва хорошая, Семен Петрович, вот и наплодились. Плодятся там, где мы бездействуем: или ни черта не знаем о них, или знаем, да никакой работы не ведем. Посчитай еще детей. В школе бывал?

— Давненько.

— Плохо. Жаловалась директорша, что есть дети, которые отказываются в пионеры вступать, избегают участия в школьной жизни. Дети сектантов. Родители идут по гнилой дороге и детей за собой тянут.

Сердито посапывая, Николаев то и дело трогал усы. Внезапно он спросил:

— Откуда ты в курсе всего? Без году неделя здесь...

Андрианов добродушно улыбнулся:

— Такая уж натура. Ершишься?

— Зачем. На себя сержусь за промах. Верно подмечаешь: работать с людьми надо. Только упрямые они, как быки, Григорий Прохорович.

— Чем упрямее они, тем терпеливее должны быть мы.

Согласен был с председателем Николаев, а все же, хоть и не в оправдание, заметил:

— В селе не в городе...

— Одинаково, Семен Петрович. Хочешь, приведу пример. Был у меня в бригаде на заводе один сектант. Сообща наседали на него, доказывали. Нет, правда в писании, говорит, хоть кол ему на голове теши! Возились, возились, бросили. А совесть мучила: в чем недоработка! Хороший токарь был, даже новатор. Дай, думаю, подойду к нему так: «Доложил бы, Гриша, — говорю, — бригаде, как перевыполнения добиваешься, о методе...» Сначала ни в какую, потом еле уговорил. Отчитался парень, похвалили его, поддержали. Прошло несколько недель, я к начальнику цеха. Поставь, предлагаю, на месячном итоге доклады лучших рабочих. Он согласился. Опять я к Грише — отказывается. Не отстаю, уговариваю. Смотрю — является: советуется, как лучше выступление построить. Помог. Выступил он, опять одобрили, на Доску почета его... Что ж дальше. Очередное собрание — его нет. Уже на следующем вижу — отдельно от всех сидит, слушает. Постепенно парень втянулся в общественную жизнь, отказался от бога. Вот как. С малого надо начинать, Семен Петрович, и не всегда с того, что бога ругать. Индивидуальный подход. С Зиной побеседуй, полезно. Многое знает она о махина-

циях Аминева и его пророчиц. Пускай разоблачает, а мы... — Оба машинально повернулись к двери.

— Вот... на ловца и зверь!.. — улыбнулся Андрианов, разглядывая в распахнувшихся дверях чем-то встревоженную Зину. Она, уловив в их взглядах немые вопросы, быстро заговорила:

— Скорее к Федору Власенко!.. Пятый день голосят там Аминев и Секлетия, с ума можно сойти: исцеляют девочку. Запрещают везти в больницу, а девочке хуже и хуже. Погубят...

Подхватился с дивана Николаев, встретился вопрошающим взглядом с Андриановым.

— Ну, и братия собралась, вот тебе и молятся, не мешают! — возмущенно процедил он сквозь зубы и шагнул к выходу. — Ухожу, Григорий Прохорович. Прихвачу врача, участкового, наведу порядок.

— Будут сопротивляться, разгони, — бросил ему вдогонку Андрианов.

Зина улыбалась с удовлетворением человека, сделавшего все, что от него зависело.

— Как девчата? — спросил ее Андрианов.

— Не сразу, Григорий Прохорович. Уговариваю. Хорошо было бы Феню отдалить из села. По пятам ведь будут ходить, запугивать, если узнают, что шатается. А увидят, что разоблачить может, — пакость способны подстроить. Коварные люди. Вырвать Феню, за ней отрекутся и Зоя Никольская, и Нина Пономарева, другие. Ее считают примерной верующей, уважают, льнут к ней. Она-то, если выйдет из секты, повлияет лучше, чем я.

Андрианов постучал костяшками пальцев по спинке кресла, устало прикрыл веки.

— Что ж, есть такая возможность, — поднялся он. — Подскажи Фене, пусть зайдет, как освободится.

Остаток дня в делах прошел незаметно. Несколько раз

Андрианов уходил на ферму, поругался по телефону с председателем соседнего колхоза из-за племенного быка, обещанного и до сих пор не присланного, побывал на строительстве силосной башни и вернулся в правление только к вечеру, голодный, усталый и злой. Надо было еще закончить историю с инкубатором.

Смеркалось. Пустели улицы, в небе зажглись первые звезды. Задул северный пронизывающий ветерок, и стало холодно. Осень брала свое.

Кутаясь в теплую шаль, Феня неторопливо миновала сельсовет, нерешительно подошла к правлению колхоза и, убедившись, что Андрианов один, что-то пишет, смело вошла к нему.

— Добрый вечер! Вызывали?

— Вызывал. Погоди минуточку, закончу...

Размашистым почерком он дописал строку, подышал на штамп, приложил на угол листа, поставил число, номер, отодвинул бланк от себя в сторону.

— Как раз по вашему хозяйству письмо в РИК сочинил. Теснота, не разгонишься.

Феня одобрительно кивнула:

— Скоро вылупятся цыплята, деваться будет некуда.

— Строить надо, все надо строить. Еду завтра в город насчет леса, материалов. По последнему слову техники построим. Учиться поедешь на пару месяцев?

— Учиться, в город? — Удивление и испуг промелькнули в глазах Фени. — Меня?..

— Да, тебя. Любишь ты эту работу. Подучишься, заведывать новым отделением будешь. А пока в городе поживешь, среди новых людей, разве плохо?

Сидела Феня неподвижно, наклонив голову, сложив руки с переплетенными пальцами на коленях. Мучительно думала.

— Не поеду, — вдруг заявила упрямо, твердо сжала губы.

Медленно встал из-за стола Андрианов, пересел на стул против Фени, легонько притронулся к ее плечу.

— Для колхоза нужно, Феня. Сидишь, как наседка на яичках, и никуда. Не надоело?

— Привыкла, Григорий Прохорович. Так жизнь устроилась.

— Поговорим откровенно: жизнь-то кто тебе так устроил, Аминев?

— Всяк в свое верит, кому во что дано.

— Верить правде надо, Феня. Откуда знаешь о ней, из библии? На тысячи лет шагаешь назад. Газеты, книги читаешь?

— Как-то интересу не было, Григорий Прохорович.

— Не то говоришь. Запрещают Аминевы, Секлетии? А почему — не додумаешься? Потому что в них правду настоящую о жизни пишут, не оставляют камня на камне от библии. Держат вас плуты в неведении, в темноте, чтобы легче обманывать простачков.

— А вы библию читали, что так говорите?

— Один раз была в руках. Несколько страниц почитал и бросил. Обижайся— не обижайся, гнилью от нее пахнет, могильной плесенью несет. А вот теперь хочу почитать. Дашь? Только с условием: я библию, а ты — прочитаешь мою книгу. Сойдемся после, обсудим, где правда, а где вранье. Идет?

— Нет, Григорий Прохорович. Посмеетесь. И ваша книга мне не нужна.

— Почему? Грешно? Оба мы, по-своему, совершаем грех одинаково: ты читаешь безбожную, я, безбожник, — священную. Оно выходит так на так. Договорились?

Похрустывая пальцами, Феня как-то просто, доверчиво смотрела на Андрианова. Средних лет, а выглядит совсем молодо, ни единой седой ниточки в волосе. Губы яркие, словно подкрашенные, говорит непринужденно, то улы-

баясь, то удивленно поднимая изогнутые брови. Голос бодрый, уверенный, ни волнения, ни нетерпения.

— Какую же дадите? — спросила с любопытством. Следила, как перебирал Андрианов ряды книг в шкафу.

Выдернув объемистую книгу в ярко-красной обложке, он протянул ее Фене.

Мельком глянула она на заголовок: «Спутник атеиста». Прочитала и, словно от чумы, отдернула руку. «Против бога. Брать или не брать?» Переборола себя, взяла, завернула книгу в конец шарфа.

— Никому, Григорий Прохорович, даже Зине!..

— Наша тайна. Ну, а как с учебой?

— Может быть, замените кем?

— Зачем заменять? «Всякая власть от бога» — так сказано в писании? Значит, власти надо подчиняться. Отказываешься — поступаешь не по писанию. Поняла?

— Тогда дайте подумать. Можно?

— Не к спеху. Подумай. Библию не забудь!..

«Сколько людей не верит, большинство ведь! Неужто большинство — глупое? Андрианов говорит о вере — обман, Роман — обман, Полина Сергеевна — тоже обман. Зина всегда торочит, что верующих разгадала, сама видела плутовство Секлетии и Трофима... Где же зло оттого, что люди не верят? Птичник новый строят, ферму, для лучшей жизни все, учиться посылают... Разве в этом зло?» — рассуждала Феня, идя домой.

Зашла за сельсовет — неожиданно взял кто-то за локоть.

— Ай! — вскрикнула Феня в испуге, вздрогнула. А посмотрела — отлегло от души: Роман стоял перед ней.

— Ой, насмерть перепугал!.. — вздохнула она.

Довольный и счастливый, Роман еще крепче сжал ее локоть.

— Иду в смену — вижу ты, — зашагал он рядом,

скрыв, что специально выслеживал ее. — У председателя была?

— У председателя. А что?

— Зачем? Секрет или узнать можно? — поинтересовался Роман, заглядывая ей в лицо.

— Подучиться, ехать на курсы птицеводов в город велит.

— Ну, и как ты?

— Пока никак.

— Напрасно не согласилась, Феня. Я вчера был в городе, сдавал экзамены...

Из-за угла вынырнул автомобиль, ударил в глаза ослепляющим светом. Через минуту тормозные колодки заскрежетали и машина остановилась в десятке метров от дома Федора Власенко. Феня как-то боязно прильнула к Роману, испугавшись неизвестно чего, утянула его к заборчику, в тень.

Из открывшейся дверцы «победы» вышел Николаев, за ним участковый уполномоченный милиции Авдеенко. Больничный врач Анфиса Васильевна и Зина с саквояжиком в руках появились с другой стороны.

— Постой тут,— сказал Роман и по-мальчишечьи перемахнул через забор в усадьбу Власенко.

Захлебываясь, лаяла собака, звенела цепью на длинной проволоке, протянутой от порога до вросшего в землю крольчатника в глубине двора. Темно в доме, не слышно и голосов.

— Вымерли, что ли? — проговорил Николаев, наклоняясь к окну и прилипая к нему ухом.

Откуда-то, будто из подземелья, доходили глухие стоны, отрывистые слова, то вдруг женский голос начинал причитать, как по покойнику. Стихало на миг, и... повторялось снова.

— Мы возле кухни стоим, а они там, в комнате. Стены

валите — не откроют! — проговорила Зина и деятельно застучала по раме кулаком. Дробно ударял по щеколде Авдеенко.

Вдруг умолк пес, вильнув хвостом, кинулся к полуоткрытым дверям сарая. Кто-то оттуда выглянул и, никем незамеченный, исчез.

— Не хотят открывать. Как быть? — обратился к Авдеенко рассердившийся Николаев.

— Откроем, Семен Петрович! А ну, поддай дверку, Роман: как она?..

Роман уперся каблуками в землю, с силой надавил на дверь спиной. Дверь, потрескивая, подалась. Заложил Авдеенко железный прут в щель, ударил чем-то снизу — крючок отскочил, и все вошли. Лишь включили свет, невольно остановились у порога.

Точно истукан, кирпично-красный, с прилипшими ко лбу волосами неподвижно стоял на коленях Аминев. За ним, полусидя, с кругами под глазами, примостилась Секлетия. Вытянув длинную шею с угловатым кадыком, замер проповедник Аристарх; опершись подбородком о деревянную палку, сидел горбун Панфил, моргал.

В детской кроватке, вытянув худенькие ножки, лежала белоголовая девочка лет пяти, мертвенно-бледная, с ввалившимися щечками. Возле нее, сдавив руками виски, с опущенной головой стоял Федор.

С омерзением оглядев «братию», Николаев, как можно выдержаннее, спросил:

— Болен ребенок, Федор?

Федор молчал.

— Чем болен ребенок, Федор? — нарочито громко повторил Николаев.

— Господь ведает, какой недуг, — ответил Федор осипшим голосом.

— Господь-то господь, а надо бы врачу показать пер-

вым долгом. Нельзя так, Федор, — укоризненно качнул головой Николаев.

Чуть повернул к нему Федор опухшее, заросшее щетиной лицо, вызывающе бросил:

— Кто дал болезнь, тот и примет обратно.

— Сами найдем спасение! — выпалила Секлетия. Встретившись взглядом с Авдеенко, осеклась, заворчала что-то себе под нос.

— Не вмешивайтесь, гражданка, тише! — внушительным тоном предупредил Авдеенко. — Анфиса Васильевна, обследуйте, пожалуйста, ребенка.

Федор, измученный, издерганный, растерянно заслонил собой кроватку:

— Не прикасайтесь нечестивыми перстами! Не позволю! — вдруг истерически завопил, пошатнулся на хилых, обессиленных ногах, заблажил снова: — Не прикасайтесь! — Точно взбешенный, кричал он что-то еще, потом устрашающе занес над головой кулак.

— Не позволяй, Федор! — подогревала Секлетия, размахивая руками. — Исцеление, сказал мне господь, посылает!

Взял Роман Федора за руку ниже кисти, придавил, отволок его в сторону, открыв доступ к ребенку.

— Насилие применяете? Религия свободна по закону, — запротестовал Аминев, меняясь в лице.

— Религия-то свободна, а вот что у вас за религия, под крышей которой преступления совершаете, посмотрим, разберемся, — сурово взглянул Авдеенко на пресвитера.

— Катастрофическое положение, Семен Петрович, — с сожалением и тревогой произнесла Анфиса Васильевна. — Воспаление легких в тяжелой форме, запущено. Считанные часы остаются для спасения ребенка. Немедленно к нам!

— Не дам! — закричал Федор, силясь оттолкнуть от себя Романа. — Мое дите!

— Не имеете права без родителя! — ринулась было к девочке Секлетия. Путь ей преградил Авдеенко:

— Тише! Освободите помещение, граждане! — категорически потребовал он. — В противном случае выведу, оштрафую за использование религии в знахарских целях, опасных для жизни.

— Послабление допускаете, товарищ участковый, — отозвалась Зина, безучастно наблюдавшая до этого за происходящим. — Денег у этих жуликов куры не клюют. За решетку упаковать бы обманщиков! — метнула она злой взгляд на Аминева и Секлетию, толчком ноги растворила дверь. — Уходите!

Аминев покорно зашевелился. Закрывая, хлопнул библией, сгреб в охапку верхнюю одежду и вышел. От него не отставали Секлетия, Аристарх. Стуча клюшкой, тянулся за ними горбун Панфил.

Зина завернула девочку в одеяло, усаживаясь в машину, с тревогой прислушалась: не оборвалось ли у ребенка дыхание? Нет, девочка еще дышала. Заметив Романа, Зина помахала ему рукой, а, увидев с ним и Феню, улыбнулась.

Смутно, больно на душе у Фени, будто незажитые раны разбередила. Гадкими, омерзительными показались ей Аминев и Секлетия. Крадучись, огородами, глухими переулками, словно воры, уходили они от брата Федора. Феня не спрашивала у Романа, что происходило в доме, знала сама. Сама и Зине подсказала, что творится у Федора.

Долго шли, не разговаривая, изредка касаясь друг друга только локтями. Возле дома Фени остановились. Взял Роман ладонь девушки в руку — точно упрятал в теплую перчатку, нежно пожимал, грел. Не вырывалась Феня, хорошо ей было, радостно.

— Интересно в городе? — спросила вдруг.

— Очень! Жизнь там кипит. Все учатся, строят, куда-

то спешат... Книжки читают даже в трамваях. Молодежь боевая, любит споры, диспуты. А как спорт там поставлен!.. Вот с кого нам пример надо брать, а не с каких-то сектантов... Ничего, мы еще такое в нашей Елизаветовке завернем — только ахнешь!

Говоря это, Роман смотрел ей в глаза, жадно ловил их выражение. Думал увидеть такое же горение, какое чувствовал сам, но видел все ту же грусть и глубокое раздумье.

— Почему так ненавидят нас, Роман? Выходит, мы для большинства людей большое зло? Все смешалось у меня в голове, теряю любовь и уважение к себе, к ним... И чувство такое, будто лезу я из глубокой ямы, а меня кто-то тянет, тянет назад. Я карабкаюсь, карабкаюсь и никак не вылезу...

Привлек ее Роман к себе, прижал к груди.

— Тебя ли ненавидят, Феня? — сказал он. — Тьму, неправду, обман.

Феня задумчиво смотрит ему в лицо, хочет освободиться от объятий, но Роман прижимает ее сильнее. Тихо спрашивает:

— Приходить?..

— Какой ты хороший,— ласково отвечает она шепотом, и глаза у нее светлеют.

Небо обложили дымчатые облака, и лунный свет струился тихо и мягко. Невдалеке призрачной стеной темнел лес. Роман направлялся на ночное дежурство. Все еще думая о Фене, часто оглядывался. Вдруг какое-то необъяснимое чувство заставило его с привычного пути свернуть, не идти мимо дома Аминева.

Он обошел по дороге овраг и, размашисто шагая, стал спускаться по знакомой пешеходной дорожке к реке. Поравнялся с пасекой, взглянул на другую сторону оврага и...

непроизвольно замедлил шаги. От сарая Аминева, со двора, отделилась тень и исчезла в овраге.

Снедаемый любопытством, Роман прислонился в затемненном месте к шершавому стволу дуба и стал наблюдать.

«Куда бы ему идти в такое время?» — рассуждал он и почему-то крепче зажал в руке гаечный ключ. Свежи еще в памяти наставления деда Кирилла: проследить за Аминевым. Еще свежее сказанное Феней: «Боюсь их...»

Сдерживая дыхание, Роман с волнением следил за выходом из оврага. Следить было трудно, рыхлый грунт внизу складывал и без того едва слышимые шаги.

Вскоре в кустах послышалось шуршанье. Кто-то, цепляясь за ветки, карабкался наверх. Через минуту, метрах в двадцати от Романа, появился человек. Немного постоял лицом к дому Аминева, огляделся, сделал несколько шагов и спрятался за кустом возле лозового ограждения пасеки.

«Схватить за ворот, спросить, что делает?» — родилась смелая мысль. Роман бесшумно продвинулся вперед, к другому дереву, но в какой-то нерешительности задержался. «А если выждать?» — подумал он, продолжая неотрывно наблюдать.

От длительного ожидания у Романа иссякало терпение. Он порывался осуществить свой замысел и каждый раз удерживал себя обнадеживающим: «Еще немного».

Оживился Роман, когда увидел, что неизвестный встал, снова осмотрелся и быстро шмыгнул в лес. Не раздумывая, маскируясь и стараясь не упустить незнакомца из виду, Роман пошел за ним вслед. Так, идя один за другим, вышли они на тропу, ведущую из Елизаветовки в Подлесное.

Едва поспевал Роман за своим подопечным. Там, где тропинка поворачивала вправо, неизвестный на мгновенье задержался и свернул с тропы влево, врезался в густой орешник. Идти за ним стало труднее, можно было выдать себя.

Ориентируясь по треску сучьев и шуму в кустарнике, Роман взял чуть левее и быстро пересек полосу орешника. На выходе к небольшой полянке притаился, стал ждать.

«Есть!» — обрадовался он, увидев неизвестного в противоположном конце полянки, но тот опять скрылся в кустарнике.

Неотступно следуя за ним, Роман преодолел еще одну линию орешника и здесь попал в затруднительное положение: впереди — открытая ложбина, справа, по склону ложбины, тянулся редкий кустарник, слева ясно виднелся гребень ломаной линии деревьев. Все было открыто. Идти по кустарнику, значит, сразу выдать себя, по открытой местности — тем более опасно.

Роман бросился в гущу деревьев и, избегая шума, побежал, чтобы опередить уходящего. Он отлично видел, как тот подходил к изреженному клину орешника, понимал: куда бы ни шел беглец дальше, он снова должен был выйти на открытое место. Но где же он? Роман продвинулся значительно вперед и был уверен, что намного опередил неизвестного, ждал: вот-вот он появится, а его все не было.

Раздосадованный и огорченный, предположив, что неизвестный засел в кустах, Роман пополз туда, где надеялся его обнаружить. Увы, никаких признаков.

Долго пролежал он на жухлой траве, не теряя надежды, что человек выйдет. Потом, не таясь, обошел все вокруг и, не найдя никого, удрученный и обозленный, побежал к деду Кириллу на конюшню.

Протирая кулаками глаза, боясь пропустить хоть слово, слушал дед Романа и то и дело повторял: «Так!» А, выслушав, с упреком сказал:

— Голова твоя садовая! Что значит не служил в партизанах!.. От меня б черта-два сбежал,— поглядел дед на часы.— Опоздали сегодня. Надо к майору теперь. Помнит-

ся, Компаниец, что ли... и все по порядочку... Тут, наверно, дело сурьезное! Понял?

— Понять-то понял, Кирилл Иванович, а как он улизнул от меня? Будто тебе сквозь землю провалился! — махнул Роман досадливо рукой и ушел на электростанцию.

СТЫЧКА СО СТРАННИКОМ

С той поры, как произошел в Елизаветовке пожар, прошли недели. Давно уж расчистили пожарище, вывезли в овраг остатки обуглившихся стропил, пепел, а оживленные толки все продолжались. Толковали от мала до велика и всяк по-своему. В центре внимания был человек, бежавший в тот вечер от коровника.

Остро держала уши Секлетия, запоминала до единого слова, о чем ведут разговоры в селе, доносила о том брату Серафиму.

— Не иначе сжег коровник кто-то из Подлесного или Воронцовки,—высказала однажды предположение миловидная белокурая молодица.— И где оно взялось на нашу голову! — с горечью добавила она.

Услыхав это, Секлетия умилительно сощурила глазки:

— Истинное наказание господне. Забыли его, милостивца нашего! — почти пропела она, смиренно возвела очи к небу.

— Охо-хо-хо-хо! — грустно вздыхая, подхватила Евдокия.—Разгневили мы творца нашего земными прегрешениями. Покаянием, молитвой надо просить теперь его милости...

Среди мужчин вертелся, подслушивал брат Трофим. Он не охал, не вздыхал, если кто-то вспоминал о пожаре. Не вступал по своему скудоумию ни в какие пространные обсуждения. Сжимал только костистые кулачки, тряс ими

в воздухе и сердито восклицал: «Эх, кабы знал, кто, отразу убил бы прохвоста!» При этом его комичная худосочная фигурка принимала почти воинственную позу.

Кто-то для общей потехи бросил язвительную шутку:

— Да твоим кулачишком-то не то что человека, кота не сшибешь!

Оскорбленный, Трофим сник, незаметно ушел от насмешника подальше.

Не совсем спокойно было на душе и у брата Серафима в эти дни. Пуще прежнего сторонился теперь всего суетного. Не общался с людьми без надобности, не вступал без нужды в излишние разговоры. Как прослыл тихим, безобидным человеком, так и старался ничем не запятнать доброй славы своей. Правда, мало было радости от того, что творилось в селе, да печалился он не о том...

Будто кто нож к горлу приставлял Серафиму, когда видел он недружелюбные взгляды деда Кирилла. Из-за того выходил нынче из дому только по вечерам. Задами да малохоженными тропками пробирался к Секлетии или к сестре Евдокии. Встречался тайно с Трофимом.

Безбожно врала Секлетия, преувеличивала Евдокия, добавлял уйму всяких небылиц от себя Трофим. Доволен был Серафим, что не судили о нем плохо. Печалило иное: разлад и шатания сеются кем-то в общине. Донесения пророчицы о неподобном поведении Трофима были мелочью в сравнении с этим. Пускай блудословит, изрекает нелепости в общении с неверующими, спиртное примет когда. Не разрешено верой, да терпимо. А вот с толку сбился Серафим от другого: почему-то заколебались сестры Аннушка и Прасковья, брат Влас, молодые верующие Зоя и Нина?

Колебания в Елизаветовке, нехорошие вести из Подлесного, от горбуна Панфила, не совсем благополучно и в Криничках. Каждый день что-нибудь новое: один не был на молении — болел, у другого в семье нелады, третий, гово-

рит, отлучался, а сам сидел дома, а там и прочие отговорки. Некоторые воздерживаются от взносов в общину. Раньше не замечалось подобных явлений. От веры, правда, не отходят, но и почитать, как раньше, не стали. Не давала покоя Феня: не переметнулась бы в лагерь к безбожникам...

В дрожь бросало Серафима, когда представлял, как разбегаются верующие из общины и остается он, единственный пастырь, без стада.

— Смутные дни, смутные! — приговаривал Аминев, замыкая квартиру. Собрался навестить пророчицу, узнать новости. Заодно повидать у нее Лаврентия: тоже должен придти.

Сгорбился Серафим, будто ниже стал ростом. Переваливаясь с ноги на ногу, плелся по дорожке трудными шагами, точно нес на спине груз.

«Женить бы Лаврентия на Фене,— размышлял он.— Только вот пойдет ли за дурака? А дельно бы вышло. Обвести его — раз плюнуть, только бы женился. Сначала из Фени духовная сестра, а там бог откроет и свободную любовь...»

Радужные мечты мгновенно вскружили голову Серафиму, по жилам потекло что-то горячее, приятное, ощутил сладостную истому.

Мягкий свет луны стелился нежной голубизной по земле. Из лесу выбросили лучи желтого света фары грузовых автомобилей. Машины, громыхая, быстро приблизились, промчались на большой скорости. Простучали колесами по дороге запоздавшие с поля подводы.

Аминев переждал под кустом, стихло — тенью метнулся через дорогу. Раздался зловещий крик совы. Вздрогнул Серафим, застыл на полушаге.

— Кому ж беду предвещает? — прошептал он со страхом. К земле будто прирос, боялся двинуться, ожидая, не повторится ли крик. Сова молчала.

— Богопротивное создание сатаны! — буркнул сердито. Обойдя церковь, направился к Секлетии.

Пророчица встретила радушно. Расстегнула сама пуговицы, сняла с гостя «московку», шапку, повесила все на вешалку. Новым веничком очистила пушок, приставший к одежде. Суетясь, ей помогал брат Лаврентий.

— Тут садись, голубчик, тут! — угождала Секлетия, подыскивая место у стола.

Аппетитно пахло румяными пампушками. Пекла их Секлетия и вываливала прямо из жаровен в большую эмалированную миску. В глубокой тарелке — подлива с постным маслом и чесноком. Окунал в нее Лаврентий пампушки и, причмокивая, глотал одну за другой. Еле выговорил через набитый рот:

— Я. брат, Серафим, от Фени иду. Посетил вот сестру Секлетию, а она ужин состряпала — за уши не оттянуть...

— К еде у тебя, брат Лаврентий, всегда — ночью разбуди — жадная охота! — заметил Серафим.

— Окромя веры в бога, в том и жизнь моя, брат Серафим. Еще вольготнее будет, когда женюсь. Прилипла Феня к сердцу...

— Прилипла, говоришь? — переспросил Серафим, хитро щурясь.— Ну, и как у тебя с ней..

Лаврентий вытер маслянистые губы, повернул стул так, чтобы сидеть лицом к Серафиму.

— Хвала богу, брат! — сказал он.— Феня послана мне самим творцом. Покорилась она его воле, женой будет мне. Ждет того часа, когда наденет свадебный наряд. Брат! Сестра!..— задыхаясь от волнения и восторга, выкрикивал Лаврентий.

Подскочили брови у Серафима, вопросительно-недоуменным взглядом прожег он Секлетию. Ответила та без слов, утвердительно кивнула, замигала красными веками. А Серафима сдавила скрытая зависть

— Славим бога за щедрость его! — провозгласил торжественно.

— Славим!..

— Славим!..— повторил и Лаврентий.

— Что в планах на дальше? — спросил Серафим у него.

— Думаю вот... Феня так порешила: дай, грит, мне недельку-другую над жизней своей поразмыслить. Похаживай, буду свыкаться с тобой. Если б не воля божья... Не люб ведь ты мне, грит.

— Полюбишься, Лаврентий, свыкнется! — вмешалась в разговор Секлетия.

— ...Иду вот домой, брат Серафим,— продолжал Лаврентий.— Два кабанчика имею. Большенького придется заколоть к свадебному пиру. Деньжата накопленные берегу, ну и еще подкопить собираюсь. Венчальный наряд-то — дорог, а собственными средствами приобрету. Ничего не пожалею для Фени! — рассек Лаврентий воздух решительным взмахом.

— А жить-то где будете, как поженитесь? — спрашивал Серафим, глядя на Лаврентия и суживая глаза.

— Про то не говорили еще,— ответил Лаврентий, бросив косой недоверчивый взгляд на пресвитера.

Серафим хмыкнул.

— Д-да,— протянул он.— Жизнь, Лаврентий, устраивается у тебя не абы как. Обдумать надо. Феня хранит память об отце-матери, живя в унаследованном от них доме. Потому лучше вам в Елизаветовке быть.

Лаврентий пожал плечами.

— Ее память не порушу, брат Серафим,— и, словно чтя эту память, он склонил голову.

— Обговорим еще, что и как,— молвил Аминев.— Что слыхать в нашем стаде? — обратился он к Секлетии.

— Напасть, Серафим, прямо напасть! Аннушка созналась до словечка. Выкликал, говорит, председатель и при-

ветно так спрашивает: в сектантах мол? Аннушка — нет, а он в точности ей и доказывает все. Призналась. Чего только не толковал с ней, трудно пересказать! О жизни говорил, по-книжному все да по-ученому, религию — дурманом называл. Ох, батюшки, батюшки! — запричитала Секлетия.— Прасковью тоже обхаживал партийный вожак их, Николаев. А девушек — консомолы. Зина клевещет на веру сестрам Зое и Нине, нас поносит. Вот откуда разброд, Серафимушка, вот откуда смятение. Разубеждала я. От веры-то покудова не отказуются, да ведь отвечают-то как! Наша, говорят, правда вроде, да ведь и там нам свою правду указывают, и мы покудова более на стороне веры, а все ж в распутье. Как быть, голубчик, как быть? — слезливо-тревожно заключила пророчица.

Призадумался Серафим, задвигал желваками на челюстях. От злости налились кровью вены, вспухли на лбу.

— Помутил бы господь им, фарисеям, разум! Защиты у бога искать будем, пророчица! Держать людей на прежнем пути силы прилагай. Разумеешь?

— Разумею, Серафимушка, разумею! Стараюсь, да трудно достанется, ежели они в такой силе. Ой, трудно! — покачала сестра головой.

На стене, отсчитывая минуты, стучал длинный медный маятник.

— Пойдем, брат Лаврентий, проведу,— сказал Серафим, взглянув на часы.

Медленно шагали по дороге Серафим и Лаврентий, взявшись об руку. Расстались со святым лобзанием, как и положено братьям.

Так же медленно Лаврентий поплелся дальше, в Подлесное. Мысли о счастливом будущем пьянили его, он ликовал. И чудилось ему, что вместе с ним ликует и тонкий серп месяца над головой, и угрюмый дремучий лес, и дорога, и все, что окружает его. В этом общем ликовании ка-

залась фальшивой только радость брата Серафима. Но не так уж глуп Лаврентий, как считает Серафим. Знает, знает Лаврентий Серафима. Знает и его искусную стряпню о свободной любви от бога. А заигрывает с ним пока лишь потому, что нужна ему, Лаврентию, Феня.

«Помоги только жениться!..— думал Лаврентий.— Секунды не будет Фени в Елизаветовке. Увезу далеко, под землю зароюсь от тебя, хитрый брат Серафим».

А Серафим приближался уж к дому. Повернул заскрипевшую на петлях калитку и окаменел: от противоположного угла дома метнулась сгорбленная фигура, скрылась за сараем.

Присел Серафим на корточки, в волнении стал прислушиваться. За сараем прошуршал кто-то ногами, хрустнула сухая ветка, и все затихло.

Придерживаясь изгороди, Серафим отполз от калитки на четвереньках, прихватил валявшийся у плетня кол и, скрываясь в тени, бесшумно заскользил вдоль задней стены дома. Долго высматривал он из-за угла, затаив дыхание. Потом, не спуская глаз с кустов сирени и с трудом подавляя в себе робость, вышел. Подергал замок на воротах сарая, забежал в дом.

Небрежно кинув «московку» на табурет, Серафим тотчас же приник лицом к окну. Вглядываясь в темноту, он пытался восстановить в своем воображении фигуру промелькнувшего человека, и чем больше это удавалось, тем тверже укоренялось убеждение: «Весьма сходен с Трофимом. Но чего быть ему здесь, чего бежать?»

Беспокойные вопросы и мучительные предположения бросали в дрожь. Чуял брат Серафим, творится что-то неладное, какая-то беда надвигается черной тучей. Но какая?

Серафим терялся в догадках. Терзали тревожные размышления, страхи, и вдруг страх заполнил все его существо: окно затемнила широкая, приземистая постать стран-

ника. По-кошачьи заскребли по стеклу ногти, и Серафим невольно отскочил от окна. Поколебался, затем, не спеша, открыл дверь.

— Мир вам! — пробасил ночной гость, подозрительно оглядев хозяина с ног до головы.

— С миром принимаем! — процедил Серафим сквозь сжатые зубы неприветливо. Закрыв шторой окно, зажег свет.

— Не по уговору понадобилось быть,— заметил странник, присаживаясь на канапу.— Как дела, Серафим?

— До сего дня господь милует,— сухо, натянуто ответил Серафим.— Что пошлет завтра, увидим.

— О пожаре забыли?

— Не умолкают и поныне, Никон. Весьма страшусь, как бы не кинули тень за содеянное на кого из братьев,— с дрожью в голосе сказал Серафим.— Ну, да вроде миновало. Намекают, злобятся на неведомого злодея из Подлесного, то ли из Воронцовки. Такие слухи ходят, будто в Подлесное повела по следам ищейка. Милиция денно и нощно копается, допытывается у людей...

Никон скривил губы в ехидной усмешке. Словно целясь в кого, сомкнул левый глаз:

— Воздай славу господу, Серафим: проси преуспевания в делах их. Что-то не вижу брата Трофима, запропастился, бродяга! Жаловался, что скудность проявляешь, не имеешь веры в то, что мне требуется и какая цена тому...

Что-то странное промелькнуло в выражении лица Никона. Зачмыхал носом, раздувая широкие ноздри, отсморкался в кумачовый платок, неспокойно заерзал на сиденье. Все это не ускользнуло от наблюдательного Серафима. Покосившись, пресвитер рек:

— Блудлив стал Трофим, потому и не верю. К тому же, Никон, оскудела, видит бог, оскудела лепта паствы на церковь. Невмоготу мне нести те расходы. Уменьши, елико возможно.

— Не верю, Серафим! — сердито отрезал Никон.— Восемьсот целковых непременно Трофиму дашь завтра. Нужны — во как! — провел он ребром ладони поперек жилистой шеи.— Откуда деньги берешь — в курсе. А кому копишь, как не себе?!

«Нет денег!» — навернулось было на уста Серафиму, но умолк, словно язык проглотил. Никон смотрел на него. как ворон, черными и жуткими глазами.

Посидев немного, встал Никон, прошелся по комнате. Посмотрел недоверчиво за шкаф, за печь, отодвинул заслонку, проверил внутри печи. После всего достал из-под рубашки, заправленной в брюки, несколько свертков, зашитых в мешковину, и положил на стол.

— Послезавтра брат Трофим в Пустоволы поедет. Оттуда — знает, куда еще ехать... Святые письма в свертках повезет: к твердости в вере призывают, да страх перед богоотступничеством вселяют.

Серафим взял свертки в руки, повертел, отбросил в сторону.

— Ни к чему они, Никон. То твоя затея, не моя. Не буду делать, не буду.

— Не лицемерь, Серафим! — властно произнес странник, багровея от злости.— Как змей под светилом небесным, пригрелся ты на хребте богобоязненной паствы.— Дальше уже не говорил, а свирепо шипел: — Проклятье тебе ждет, ежели скажу, что ограбил прежде церковь святую и что нынче грабишь сестер и братьев. Еще?!. Хватит, или еще перечесть?!

Оба встали. Подняв правую руку, словно для защиты, пятясь, Серафим отходил от Никона в угол. Никон, меча злобные взгляды, медленно надвигался на него.

Пытаясь унять разбушевавшегося странника, пресвитер в испуге повторял:

— Опомнись, Никон! Ради бога, тише, молю тебя!..

Неумолим был Никон. Продолжал бушевать с неудержимой силой:

— К черту бога! — бешено кричал он густым басом, устрашающе помахивая кулаком перед лицом Серафима.— Мы давно его продали земным тварям. Деньги — бог твой, а не тот, кого чтишь фальшиво. Кому, как не мне, известно, что прячешь под ангельским ликом. Не забудь Мейера!..

— Мейера? Страшишь?! — просипел оробевший Серафим сквозь редкие почерневшие зубы.

Никон злорадно усмехнулся. Кровянистое лицо его выражало брезгливость.

— Трус! Алчная душа! — бросил он пренебрежительно и стремительно вышел.

Вслед за ним выскочил во двор и Серафим. Остолбенело следил за своим недругом до тех пор, пока тот не перевалил через овраг и не скрылся в лесу.

Тишина окутала землю. Даже воздух казался застывшим и неподвижным. Подчеркивая тишину, мерцали далекие звезды. Вдруг одна из них прочертила небосклон яркой дугой и тут же угасла.

Серафим очнулся, направился к сараю. Открыл его, заперся на крючок и зажег огрызок свечи. Прислушавшись, нет ли кого за стеной, пресвитер решительным взмахом вил отвалил в одном из углов ворох соломы, достал из-под нее ломик и осторожно выдвинул из стены плотно пригнанный камень. В образовавшейся нише показалась каменная пластинка. Серафим лег животом на пол, вынул пластинку, и рука его по самые плечи ушла в углубление под фундаментом. За несколько секунд он выбросил оттуда две продолговатые металлические шкатулки и поднялся.

Мягко щелкнули пружины замков. На одной из шкатулок Серафим отвернул крышку, и обе руки его алчно вгрызлись в тугие, увесистые кулечки. Вот где был бог Серафима, упрятанный от людей и даже от того бога, в ко-

торого он заставлял верить других! Из другой шкатулки он отсчитал для Трофима восемьсот рублей и, закрыв ее на ключ, возвратил оба сейфика в тайник. Сунув деньги за пазуху, привел все в надлежащий порядок, погасил свечу.

Ненадолго обрел успокоение Серафим, увидев свое богатство. Весь остаток ночи роем теснились тревожные мысли. Разламывалась от боли голова. А когда засыпал, внезапно схватывался от изводивших мучительных снов. То видел Никона со сверкающим топором, готового одним ударом раскроить ему череп. То накидывала ему на шею толстую петлю Феня, безжалостно стягивая ее обеими руками; он просил, задыхался, молил пощадить, но ни с того ни с сего привиделась Секлетия на длинных-предлинных ногах. Голова Секлетии, а туловище — стрекозы. Чуть не умер со страха...

Так метался пресвитер в кошмарах до бела дня.

СНОВА ЗАГАДКИ

Первым морозным инеем посеребрило крыши домов на восходе солнца. Слабый ветерок осыпал с каштанов бледные листья. Нехотя рассеивался прозрачный голубоватый туман. Занималось утро.

Одетый по-летнему капитан Иванченко быстро пересекал городскую площадь, шумную и многолюдную днем, пустынную и безмолвную в это первое утро, предвещавшее в недалеком будущем наступление зимы. Из-под ног вспорхнула воробьиная стая, пролетела над домами и скрылась вдали.

У горисполкома капитан посмотрел на часы, перевел стрелки на своих и мелкими, частыми шагами, слегка раскачиваясь, заторопился в отдел.

Ничего отрадного не было у него на доклад майору и сегодня. Сигналов много, а толку мало. Дело Наумова капитан выдвигал на передний план, но и тут постигла его неудача: чего-то нового, существенного к тому, что было, не прибавилось. Не нравилась ему и возня с Аминевым, стоившая немалых усилий. Из Белоруссии сообщили, что в селе Кривичи, уничтоженном дотла немцами, действительно проживал Серафим Варнаевич Аминев, в тысяча девятьсот сорок втором году арестован гестапо и расстрелян, как содержатель явочной квартиры партизан. Партизан Аминев никакого сходства с Елизаветовским не имел, и это только усиливало подозрения, которые опять надо проверять, выяснять, а главное дело — ни с места. Вот и теперь, для проверки заявления деда Кирилла в село Славское выехал Новиков. Сейчас Иванченко интересовало, что он привез оттуда. Но так или иначе, данные об Аминеве пока ни прямо, ни косвенно к расследуемому делу не относились, а время не ожидало.

Войдя в здание, Иванченко заглянул в приемную майора. Молодая худощавая блондинка, секретарь отдела, перебирала ворох засургученных пакетов.

— Майор у себя? — с ходу осведомился капитан.

— На рассвете выехал в села Подлесное и Криничкк.

— Надолго? Не сказал — зачем?

— Не говорил. Приказал передать дежурному: кто появится — ждать его возвращения.

— А Новиков?

— Прислал материалы почтой, будет, вероятно, завтра. А к вам — человек. Второй день является. Ждет в комнате посетителей...

Капитан недоуменно пожал плечами:

— Кажется, никого не вызывал. Ну, что ж, приглашайте... пусть заходит.

Посетитель, парень лет двадцати пяти, был хорошо сло-

жен, почти атлетического роста, широченный в плечах. Дверь в кабинет открыл тихо, неуверенно, неловко потоптался у порога, снял с головы измятую серенькую кепку и, спросив: «Можно?»,— размашисто зашагал к столу.

Прежде чем сесть на указанный капитаном стул, он отрекомендовался:

— Я — Серега Наумов из Подлесного.— Под его тяжестью угрожающе затрещал стул.

Настороженный, даже несколько изумленный Иванченко встал, скользнул изучающим взглядом по смущенному и вместе с тем невозмутимо-спокойному лицу Наумова. Капитана охватило непонятное волнение, вызывающее одну за другой догадки: «Не с повинной ли? А, может, с заявлением по делу?..»

Они выжидающе посмотрели друг другу в глаза. Первым заговорил Наумов:

— У меня личное, а может, и государственное... шут его разберет.

Непринужденная обстановка сложилась довольно быстро. Стараясь припомнить все до мельчайших подробностей, Наумов рассказывал:

— ...Был я тогда в Елизаветовке, как стемнело. Первое — метил увидеть Аннушку Нижник. Все не могу успокоиться никак... люблю ее, а она отказала. Вот и хожу. Погляжу на нее, вроде легче на душе становится,— удрученно проговорил он и тяжко вздохнул.— В коровнике Аннушка тогда управлялась. Вызвать — сам не осмелился. Так и стоял за кладовой в кустиках: поджидал, может, Трофим Гордеев появится, одноглазый... Другой раз, бывает, дежурит он с ней. Ждал — не выходит. К Трофиму, по правде сказать, тоже дельце имел. Жадный он. Дашь трояк, он и положит в мешок с десяток кругов подсолнечного жмыха. Для рыбной ловли значит... Да-а!.. Глядь — с одного конца дым на коровнике снялся. Выдвинулся я это

из-за угла, вижу — еще с одного повалил! Э, думаю, дело дрянь, если увидят здесь. Ну, и дай бог ноги оттуда! Судился ведь уже раз за поджог... По пьяной лавочке бригадиру хотел насолить. В общем, хватит, думаю, с меня! Добежал до крайней хатенки в Подлесном, хотел зайти там к одной вдовушке — похаживал иной раз,— обошел вокруг дома, да раздумал и — прямо к озеру. Чтобы никто не видел с мешком-то, оставил я там лодку, ну, и рассчитывал на ней из озера по речке прямо к дому добраться. Добрался, а совесть-то и мучит с тех пор, как узнал, что приезжали в Подлесное да про меня спрашивали. А, может, считаете — я сделал? — поднял Сергей тревожные глаза на капитана.— Вот... решил явиться. Объяснить, как дело было. Хотите верьте, хотите нет, а только от чистого сердца все вам выложил.

Капитан оценивал каждое слово Наумова. Заодно сопоставлял сказанное с имевшимися материалами. Морщась от нахлынувших мыслей, стал понимать, как был неправ, когда настаивал на задержании парня. Грубая, роковая ошибка свершилась бы, если бы его арестовали. С теплотой и уважением подумал о майоре, не допустившем сделать необдуманный шаг.

Да, капитан верил Наумову. Правда, по отдельным частностям, может быть, и мало существенным для дела, но вызывающим все же сомнения, он хотел все-таки кое-что довести до конца, проверить еще раз. А пока с чувством пожал Наумову руку.

К подъезду подкатил покрытый слоем пыли ГАЗ-69. Из него, отряхивая на ходу одежду, вышел майор Компаниец. Через несколько минут в кабинете капитана раздался звонок. Иванченко приглашали к майору.

Майор был чем-то возбужден, но все же внимательно выслушал Иванченко. В его продолжительном взгляде капитан уловил и упрек, и предостережение, и еще что-то, за-

ставившее Иванченко основательно смутиться и покраснеть. Он уже приготовился выслушать самые неприятные замечания, но майору позвонили по прямой связи.

Компаниец поднял трубку.

— Да, Компаниец. Здравствуйте. Вот как! Давно?.. Записывайте, капитан... Трофим, сектант, так... с одним глазом, к пресвитеру секты Фадею... Что еще? Из Елизаветовки... на рассвете... ушел от наблюдения. Задержать!.. Как мы?.. Да, если имеются основания, исключительно заинтересованы. У нас тоже... Сделаем, позвоню...

Майор с досадой бросил трубку на рычаг, взмахом головы отбросил назад упавшие на лоб волосы:

— В Пустоволах та же история, что и у нас.

Из полевой сумки начальник отдела вытащил пачку полулистов бумаги с расплывшимися на них от изобилия туши печатными рядками. Отложил листы в сторону, сказал:

— У соседей «святые письма» начинаются словами: «Не слушайтесь сатанинской власти!» Так же и у нас. У них разбросаны дня два тому назад, у нас — вчера или позавчера. В Криничках бросили сквозь разбитое окно в амбар, где производят перевешивание семенных фондов, в Подлесном — подложили под соломорезку до начала работы. Ясно, капитан?

— Снова загадки, — задумчиво произнес Иванченко, дочитывая одно из «святых писем».

— Ну, эти загадки разгадать легче, чем другие. Пустоволы установили, что письма доставил местному пресвитеру некий Трофим из Елизаветовки. Требуют задержать. Промахнулись ребята! Где теперь болтается Трофим — неизвестно...

— Значит, надо немедленно выезжать? — поднял капитан вопросительный взгляд на майора.

— Безусловно. Сделайте так, чтобы абсолютно исклю-

чена была гласность. Враг ли Трофим, слепое ли орудие в чьих-то руках — еще вопрос, но на след врага, по-моему, навести он должен. Новиков не возвратился?

— Как будто завтра приедет...

— Ну, ни пуха ни пера! — подал майор руку. Его суровое лицо просветлело.

— К вам лично добивается на прием житель села Елизаветовки Роман Забродов,— доложил майору секретарь отдела.— Ни к кому другому зайти не хочет. Что ответить?

— Очень кстати,— удовлетворенно произнес Компаниец, переглянувшись с капитаном.— Поговорим? Просите...

По всему чувствовалось — в кабинет вошел парень с военной выправкой и привычкой к дисциплине. Увидел офицеров, будто своим командирам, отрапортовал, кто он и зачем прибыл.

Рассказывал Роман толково, все по порядку о ночном случае в лесу. Под конец, досадливо махнув рукой, заключил:

— Как в бездну, гад, провалился!

— Кто же, по вашему предположению, это был? — спросил Компаниец.

— Сначала думал, что Аминев. Но по походке и манерам не похож. Опять же, если из местных кто, я узнал бы. Да и что делать нашему ночью в лесу, если он честный, не с дурной целью?..

Майор согласно кивал.

— Знает ли об этом еще кто-нибудь, кроме вас?

— Поделился с Кириллом Ивановичем Пасковым, бывшим партизаном. Он-то и посоветовал доложить вам. Насчет секретности надежный человек, режь—не разболтает!

— Как у вас со временем?

— Для дела найдется. Одно неудобно: не вернусь нынче — помощнику придется бессменно работать за меня

двое суток. Ну, и председатель рассердится, что не отпросился у него.

Компаниец поглядел на часы.

— Домой доставим вас пораньше. А теперь такое дело... Может ли приехать к вам кто-либо из родственников погостить на неделю-две, если бы так потребовалось?

— Родственники живут в другой области, к нам не приезжают. Лучше, если все будут знать, что прибыл кто-то из товарищей по службе.

— Что ж, такой вариант тоже приемлем, — согласился майор. — Направляйтесь-ка тогда к окраине города, что по дороге на Елизаветовку, и ждите за водонапорной башней. Через полчасика подойдет ГАЗ-69. Вас узнают, подхватят и довезут до определенной точки вблизи села. Ваш так называемый товарищ будет в этой машине и... вот капитан. Знакомы с ним?

Капитан и Роман улыбнулись.

— Познакомились в сельсовете.

— Вот и хорошо. Вы сделали важное сообщение. Просим вас помочь нам разобраться в этом до конца, — проводил майор Романа до дверей. Вернулся, закурил, посмотрел на Иванченко:

— Вот так петрушка! Как оцениваете, капитан? — спросил он помощника. — Еще одна загадка, а?

— Что-то интригующее и действительно загадочное, — ответил капитан, думая о сообщении Романа.

— Именно, загадочное! А когда я возвращаюсь к «святым письмам», чувство подсказывает мне, что Аминев здесь не сбоку припека, нет! Преподозрительнейшая личность!

Высказав это, Компаниец внимательно стал рассматривать схему движения неизвестного, вычерченную Романом на крупномасштабной карте.

— Вы знаете, капитан? Что-то уж очень знакомая для

меня местность. Помню, пару лет назад организовывали мы там облаву на одного важного преступника. — О чем-то задумавшись, майор помолчал. — Правильно! — воскликнул он через минуту. — Выгодное место для того, кто вынужден по каким-либо причинам скрываться. Да, на роль друга Романа подготовьте младшего лейтенанта Матвеенко. Он подойдет и по возрасту, и его никто не знает в районе. Неотступно изучайте там на месте каждый шаг Аминева, возьмите под негласное наблюдение и участок леса. Ясно?

— Ясно, товарищ майор!

— Действуйте! На рассвете я выеду к соседям, возвращусь к вечеру.

ЯРОСТЬ БРАТА СЕРАФИМА

Ночь накрыла село незаметно. Вспыхнула скупая россыпь огоньков на столбах. Мрак от этого, казалось, только сгустился, и все затихло. Даже парней не было видно на улице.

В доме Секлетии оживленно беседовали брат Серафим и Лаврентий, речь о свадьбе вели.

— Ты-то, Лаврентий, знай, что наш закон для Фени — прежде всего! — говорил Серафим. — Первые брачные дни поживете там, где состоится венчанье, а потом уж распишетесь в сельсовете. То их закон, для нас он — ненужная форма. К обряду венчанья-то все приготовлено?

— Два дня отлаживал все. Готово, Серафим. Нам бы там быть дал господь... — ответил Лаврентий и вздохнул.

Вздохнул чего-то за ним и Серафим.

— Да будь повнимательнее... Крыша у Фени худая,

не поскупись уж, перекрой... Да хозяйство кое-какое не вред завести...

Серафим советовал, а Лаврентий в знак согласия сдержанно кивал, важно вытягивал губы, пускался в длинные рассуждения, гордясь собой, и все время старался выглядеть поважнее, держаться солиднее.

Он был в новеньком сером костюме, жидкие волосы прикрывала купленная в сельпо кепка, на ногах поскрипывали фабричные ботинки. Торжественный вид Лаврентия дополняли искусственная белая роза на отвороте пиджака и лакированная палка в руках, из красного дерева, сделанная по специальному заказу.

На столе, аккуратно завернутый в бумагу, лежал венчальный наряд для Фени. Развернула пакет Секлетия и ахнула. Не удержалась, примерила наряд на себя поверх платья. Надела фату, постояла так, томно прикрыв глаза, вздохнула.

«В зеркало бы посмотреть, к лицу ли?» — помыслила грешным делом.

Не замечала Секлетия, что посматривает на нее Серафим, посмеивается: «Чучелу гороховую хоть в облачение царевны ряди — чучелой и останется». От отвращения едва не сплюнул.

Выглянул Серафим в форточку, посмотрел на окна невесты напротив:

— Что-то Фени нет, — забеспокоился он. — Должно на работе. — Взволнованно заходил по комнате.

Секлетия вытянула из печи жаровню с пирогами. Воткнула в один из них заостренную щепочку, проверила: не тянется ли тесто? Готовы! Ссыпала пироги в круглую корзину с двумя ушками, засуетилась с другими.

Походил Серафим по горнице, походил, остановился возле пророчицы:

— Не разболтали тут? Языки у вас, что лапти.

— Никому, голубчик. Одной Евдокии, да так наказала, что помрет — звука не выпустит.

Обратился пресвитер и к Лаврентию:

— Не принесет ли кто «оттуда» слухи сюда?

— Ладно сделано, брат Серафим. Там-то один брат Аристарх посвящен...

Выглянул Серафим еще раз в форточку, заметно повеселел.

— Давай за мной, — скомандовал он Лаврентию. — Веди себя чиннее, не раскисай. Да не суйся невпопад с обсуждениями, каждая минута дорога.

Собирался Лаврентий — пророчица смотрела на него умиленно, любовалась: «Праведничек наш, вот ведь какую благодать заслужил у владыки! Во сне не сыскать лучшей девицы, какую облюбовал для него творец». Расправила на рубашке Лаврентия складочки, одернула куртку, кругом повернула, осмотрела все. Даже тряпицей прошлась по палке, вывела дорогих гостей из квартиры.

Кудлатый выбрался на будку. Увидев знакомых, от радости начал повизгивать. Потрепал его расчувствовавшийся Лаврентий, да Секлетия бросила косточку, обласканная собака и умолкла. Проводила праведников повиливанием.

— Ить вот, сестра, животная, а и та нутром слышит, кому радость надлежит, — произнес Лаврентий, удовлетворенный собственной мудростью.

— Истинно так, истинно, — деловито подтвердила Секлетия. — Благослови вас боже, дай преуспеяния в делах ваших. Идите, голубчики, идите, родимые! — проговорила она растроганно.

Всунул Серафим руки в карманы «московки», отвернул воротник, пошагал впереди молча. Глаза только горели да кривила губы грешная усмешка, когда нашептывал:

«Господи! Через дуралея, через дуралея сего дарован

тобой путь мне к свободной любви, к Фене. Дай час блаженства свершения!»

От сладострастных предвкушений ноги Серафима поплясывали в зыбкой дрожи.

Словно угадывая мысли пресвитера, нахрамывая сзади да постукивая палкой, придумывал Лаврентий планы один другого лучше, как избавиться ему от коварства Серафима.

Вот и Фенина изба. Дверь открыл Серафим.

— Слава Иисусу! — приветствовал он, сдерживая жесткое дыхание.

— Слава... — не договорив, поперхнулся, закашлялся Лаврентий.

Встретила гостей Феня с чувством замешательства, разочарования. Не ждала. Обновленный вид Лаврентия и белая роза у него на груди без слов объяснили ей цель их прихода.

— Слава богу! — ответила она запоздало.

Грузно опустился на стул Серафим. Пыхтя и отдуваясь, вытер платком шею, лицо. Пока утирался, вплотную к нему примостился Лаврентий. Положил кепку на колено, сунул меж ног палку, сложил на ее ручке ладони и уперся в них подбородком. Прочно уселся Лаврентий, не мигая, уставился на Феню.

— Рай-то у тебя, Феня!.. — заговорил Серафим. — Уходить не хочется, когда побываешь. Пылинки не найдешь, соринки не сыщешь, теплота, уютность.

Оглядел Серафим комнату, будто посетил впервые, завистливо покосился на Лаврентия.

— На работе была? — спросил он у Фени.

— Нет. В одном месте, —ответила она нехотя. Умолчала о том, что навестила деда Кирилла, что был у нее с ним долгий и откровенный разговор.

Посмотрел Серафим на девушку недоверчиво.

— Угу, — промычал в нос, толкнул Лаврентия. — Чего сидишь. Подавай, что принес.

Выложил Лаврентий пакет на стол, развернул. В ярком свете лампочки сверкнула белая шелковая ткань платья, улыбнулась свету фата. Церемонно преподнес Лаврентий наряд Фене, с торжественностью в голосе сказал:

— Возьми, сестра. Светлое, как солнце, белое, как снег. Фата, что тебе венок на главу богородицы. Прими от меня навечно! — трижды поклонился он до самой земли.

Лаврентий кланялся, а Феня удалялась от него.

— Я не просила того, — спокойно сказала она, покачивая головой. — Забери!

Смутился Лаврентий, нахмурил брови Серафим. Переглянулись братья.

— Сестра! Согласие ж дала. Считал я: выпал обещанный тобой день сегодня. Как же понять? — молвил Лаврентий с дрожью в голосе.

С решимостью, которую от девушки никак не ждал Серафим, Феня ответила:

— Назначила день — верно. К тому дню сказала — разберусь с жизнью. Разобралась. Замуж не пойду за тебя. Противен ты!

— Сестра!.. — взмолился Лаврентий. — Затратился ведь, любовь к тебе и...

Глянул на него Серафим, не дав договорить, дернул за полу пиджака.

— Феня! Не унижай брата, — заговорил он медовым голосом. — Бог начертал вашу судьбу, ему все подвластны. Одумайся! Не меня гневишь, ЕГО. Не Лаврентия—ЕГО,— указывал Серафим пальцем в потолок. — Велик гнев божий, ежели обрушится на кого. Смирись...

Долго еще длились скучные увещевания старшего брата. Уговаривал он то ласково, то строго-наставнически, испытывающе всматриваясь в красивое лицо вожделенной

сестры. И все же, выслушав его, Феня упрямо заявила:

— Менять слово, брат Серафим, не буду. Ищите другую пару Лаврентию.

Потемнело лицо Серафима, заходили под кожей желваки.

— О безбожнике помышляешь! Не криви душой, сестра. Будет так, как угодно богу! — почти прокричал он последнюю фразу.

— Будет по-моему, брат Серафим! — с прежней решительностью защищалась Феня.

Услыхав такое, зашевелился и брат Лаврентий. Облизнул губы, грохнул палкой по дощатому полу:

— Непослушание, брат Серафим! Непослушание богу!

— Непослушание! — повторил за ним Серафим. Лицо его покраснело. — Богу!.. — сказал, а в глазах огонек недобрый. — Непослушание!..

Лицо Серафима усеивали вишневые пятна. Вдруг он схватился, выпрямился, выкатил глаза, качнулся взад-вперед и затрясся, воздев руки к потолку. Забормотал что-то непонятное. Усиливая бормотания, скрипучим голосом закричал:

— Опомнись! С богом говорить буду! Кару вызову за непослушание!

— Не допускай до того, сестра, опомнись!..— взывал в смятении Лаврентий.

— Тала бара ута кара!.. — запрокинув голову назад, орал Аминев. — Проклятье накличу!

— Покорись!..— жалобно, словно выл, всхлипывал Лаврентий.

Почувствовала Феня, что теряет спокойствие. Холодные мурашки поползли по спине.

А Серафим горланил:

— На колени, блудница! Ка-ару!..

Стояла Феня. Стояла, как каменная.

— На колени! — грозно повторил Серафим, указывая жирным перстом на пол. Стрелой впился в нее колючим взглядом кровянистых глаз.

Вздрогнула Феня, слабели ноги. Дрогнули колени, согнулись, рухнула она на пол.

— Смерть пошлет тебе, сказал господь!

Будто камни, падали на голову тяжелые, зловещие слова Серафима. Простертые руки его с растопыренными скрюченными пальцами висели над ней, словно когти хищной птицы. Казались они Фене костлявыми руками настоящей смерти, и она дрожала от страха вся. Стыло тело, замораживалось сердце, железным кольцом сдавило горло.

— Смерть тебе! Смерть или покорись! — словно ледяную капель, сыпали ей на голову Серафим и Лаврентий. Свет почему-то угасал, точно заслоняла его черная завеса.

— Смерть!.. Смерть!..

Куда делся свет? Феня не видела его. Почему ей так холодно, так сыро? Гудело в голове, шумело в ушах. Два голоса повторяют ужасные слова. И чей-то третий голос слышит она: знакомый, близкий, дорогой. Это голос матери: «Ой, какая тут сырость, всегда темно, душно как и страшно! Не вижу солнышка ясного, не вижу неба чистого, не вижу леса зеленого, не слышу песен птичьих, задыхаюсь. Не иди сюда, доченька, не иди!» И опять все внутри стыло. А эти двое свое тянут.

«Смерть!..» — «Не иди!» — вторит мать.

— Господи, за что умирать мне, — бескровными губами шепчет испуганная Феня. — Не хочу умирать. Жить хочу, жить!

«Смерть или покоришься!»—опять слышит она будто сквозь вату, и куда-то далеко-далеко проваливается сознание. Словно свинцом, наливается голова.

— Покорюсь. Покорюсь я тебе, господи! — произнесла, наконец, а лицо помертвело.

Хотела подняться Феня и не могла. Подхватили ее Серафим и Лаврентий, помогли. Подвели к венчальному наряду, что лежал на столе.

Взяла она фату, платье, шатаясь, ушла в другую комнату. Лишь захлопнула дверь за собой, мелькнул в окне со двора силуэт человека. Гул раздался там, точно кто прыгнул с разгона.

Встревоженно вскинул к Серафиму лицо брат Лаврентий:

— Никак люди за окном?.. — трусливо пролепетал он.

— Чего тревожишься? Без тебя знаю, что помехи быть могут. Потому и осторожность такую приняли. Пойди скажи, чтобы скорее наряжалась. Пошевеливай...

Подглядывал Лаврентий в щелочку, что делает Феня. Посматривал опасливо на окно Серафим.

А Феня надевала платье, фату. По бледным щекам медленно скатывались слезы. Скатывались и не приносили облегчения.

«Роман, родненький, Зина, милая, в беде я!» — мысленно призывала она друзей, заламывая руки.

Не знала, не чаяла Феня, что беда ее вихрем уже несла Зину к электростанции, что прибежала женщина, отчаянно крикнула:

— Роман! Феню силуют замуж за Лаврентия. Сама видела через окно, как стояла она на коленях, фату принесли!..

— Разобью! Покалечу! — хватил Роман с верстака молоток. Замахал им в воздухе.

— Скорее, Роман! Знаю я их повадки. Уведут — не увидишь. Успеть надо!..

Дрожащими руками Лаврентий торопливо помогал Фене надеть пальто, прикрыл фату серой шалью. Свет погасил Серафим. А вышли на двор, тотчас же уловили какой-то отдаленный топот.

— Не медлите! — резко, повелительно сказал Серафим.

Взяв Феню с двух сторон под руки, быстро прошли к Секлетии. Все явственнее, отчетливее становился топот, когда поднялись к пророчице на крыльцо.

О, не так прост, беспечен видавший виды Серафим! Выключив свет, он волчком заставил вертеться флегматичную Секлетию. Живо оделась та, закрыла их на замок, спустила с цепи Кудлатого, нырнула в темноту.

Мимо, к калитке Фени пробежали Роман и Зина. Поняли, что случилось, — обежали вокруг ближайших домов. Нет нигде! Зина к усадьбе Секлетии — ни души, ни звука!

— Пропало все!—простонал Роман. А грудь распирали горькая обида, боль, лютость.

Зина растерянно разводила руками:

— Тут не будут сидеть, не надеюсь, Роман. Путей много у них... Бежим! — внезапно заторопила она, словно лучом спасения обожгла.

Полетели к конюшне. А за ними от забора к забору скакала Секлетии тень. Вдруг притаилась, замерла: из конюшни уж выбежало трое. Помчались куда-то за околицу.

Пророчица тихо смеялась:

— Хе-хе-хе, грешники! Диавольской стезей вас повело! — Прислушиваясь к поспешному топоту бегущих, злорадствовала: «Мудрый, голубчик, мудрый! Всех перехитрил...»

Вернулась Секлетия, доложила в сенцах Серафиму лично:

— Страсть, как метались да бесились! Побежали в ту

сторону — на большак. Осторожнее, голубчик. Ваш путь противоположен, через зябь, безопасен.

Ухмыльнулся Серафим удовлетворенно, шутливо щекотнул Секлетию под подбородком:

— Иди уж, вещунья. Утром буду у себя. К полудню завтра чтобы все было готово к свадебному пиру.

Переждали немного, пошли по сырой пахоте: подальше от большака, от людей, гласности. А Фене мягкая пахота острым камнем казалась: ранила, душу рвала. Спотыкалась невеста, подкашивались ноги, да волокли ее под руки.

«Ой, Роман-Роман, да где же ты! Вот ведь и нет тебя, когда нужен... Милый, люблю, до смерти люблю!.. Все сказать собиралась, а привел бог... Может, и не вели бы сейчас. Господи! Зачем же ты подсказал им придти сегодня?! Ромушка, миленький, да отзовись же ты!.. Хоть раз еще взглянуть на тебя, как жизни хочу!» — глотала слезы Феня. Спотыкалась, шла, как подстреленная. Не доходили безголосые призывы ни до бога, ни до людей. Темная пустыня кругом. Жизнь осталась где-то там, за спиной, где голосисто подвывала собака в селе да пел кто-то знакомую песню. Схватился и оборвался в вечерней мгле баян. Звуки доходили все тише, слабее, словно умирала Феня, прощалась с жизнью навеки.

А вот и лес. Тишина в нем глухая, пугающая, могильная. Падали с деревьев листья, и все падала, падала Феня, подкашивалась. Почти подносили ее, когда шла тихо, не давали упасть, если спотыкалась.

Гулко ломалась сухая трава под ногами, спешили выйти в узенькую просеку в глухой чаще леса. Давно уж бил там копытами сивый конь, запряженный в четырехместную коляску. На козлах сидел брат Аристарх, прислушиваясь, ждал.

Загарцевал конь, увидев долгожданных седоков. Серафим и Лаврентий пытались подсадить Феню. Да что-то

колебалась она, «замешкалась». «Еще хоть минуточку, хоть секунду...». Вслушивалась в тревожные звуки ночи.

Тишина. Нет никого! Вздохнула, отрешившись от всего, без кровинки в лице поднялась на заднее сидение.

Тронулись, по просеке поехали шагом. На козлах Серафим с Аристархом, сзади — Лаврентий возле Фени. Закинул ей руку за спину, за талию обнял, прижался. Оттого, что прижимался, удваивалась тяжесть на сердце.

Кончился лес, дорога пошла крепче, к перекрестку вела. Косился Серафим, посматривал исподлобья по сторонам.

— Поживее! — подталкивал он Аристарха. Выхватив кнут, не выдержал, стал похлестывать сивого сам. Резво покатила коляска, а Серафим все хлестал.

«Унеси, господи, подальше от леса, избави от лукавого», — беспокойно творил он молитву.

— Держи на Воронцовку, там будет венчанье, — сообщил на ухо Аристарху.

Отстукивали колеса, в такт им отстукивало, прыгало к горлу сердце. Онемела Феня, сидела, как каменная. Вон и развилок дорог вдали завиднелся, еще час — и станет Феня женой ненавистного ей Лаврентия. Сначала венчанье, а потом отведут ее с жирным братом в приготовленную спальню... Нет, лучше уж умереть, чем такое. И Феня торопливо начинает придумывать, как это сделать. Броситься под колеса? Сейчас, сразу... Или в колодец, после венчанья?.. Разве можно, любя другого, жить с нелюбимым... Господи! Какая же еще мука может быть злее... Каким жестоким должен быть тот, кто к этому принуждает...

Будто почуяв что-то, задробил сивый ногами, ушами чутко стал поводить, всхрапнул.

Оглянулся Серафим, по лицу пробежала судорога. Настороженно поводил глазами Лаврентий.

— Давай! — закричал вдруг Серафим и бесчеловечно секанул коня. Рванул сивый, вынес к развилку.

— Стой! — метнулся кто-то из-за кустов.

Вздыбилась лошадь, шарахнулась, мотнув на узде повисшего человека.

— Ы-ым! — простонал Серафим и мигом выпрыгнул в темноту.

— Роман! — вскричала Феня, вырываясь из объятий Лаврентия.

Храпела лошадь, тяжело бухал сапогами где-то в ночном сумраке Серафим, икал от перепуга Лаврентий, занемел с ослабленными вожжами в руках брат Аристарх.

А Роман срывал с головы Фени фату. Сорвал, швырнул ее в ноги Лаврентию:

— Убирайтесь, иисусовы калеки! — крикнул изо всей силы.

— Убирайтесь!.. — эхом откликнулся лес.

Отпустил уздечку дед Кирилл, Аристарх так ошпарил кнутовищем коня, что понесся тот ошалело. Только подковы глухо отстукивали.

Мокрела у Романа рубашка в том месте, где прижималась к нему лицом Феня. Роман не утешал девушку, лишь молча гладил большой рукой по волосам.

Глядя друг другу в лицо, они тихо разговаривали. Роман целовал Феню, она теперь не отгораживалась, только изредка все еще вздрагивали плечи.

— Ой, как боялась я этих страшных людей, Ромушка! — сказала она с испугом в глазах и тревогой в голосе.— Даже кричать, убежать не могла... Да и сейчас, ты вот около меня — не боюсь их, а уйдешь — опять страх перед богом появится, хоть и насмотрелась я на нечестность верующих. Опять же Андрианов многое мне объяснил, а все же...

Слушал Роман и улыбался.

— Не уйду больше. К себе поведу. Земных наместников бога побороли, а сам-то он небось не спустится на землю,

чтобы по ребрам за них получить. Не бойся...

Сказал так Роман, смеясь, привлек Феню к себе.

— И как мне жить с тобой, таким страшным-престрашным грешником?!. — мягко улыбнулась она, склоняя голову ему на плечо.

Солнечные лучи пробивались сквозь щели оконных ставен и золотящимися полосками ложились на соломенный настил пола. В их свете отвесными струями кружились пылинки. В комнате перемешивался затхлый запах несвежей соломы, раскаленной глины от жарко вытопленной печи, горьковатый запах угара от тлевшего в золе навозного кирпича. Было душно и смрадно.

На высоко взбитой подушке, в изрядно загрязненном белье, лежал на кровати Аминев. Воспалившимися от бессонницы глазами, бессмысленно смотрел в потолок. По лицу Серафима сползали капли пота, а ему все казалось, что холодно. В легком ознобе он болезненно морщил лоб, словно пытаясь унять щемящую боль сердца, непрерывно гладил себя по обнаженной, беспокойно вздымавшейся груди.

В напряженно-мечтательном забытьи Серафим со страхом вспоминал и кошмарную ночь с увозом Фени, и последнюю встречу с Никоном. А в ушах, не переставая, зловеще звучало: «Проклятье тебя ждет! Грабишь сестер и братьев!..»

Будто наяву маячила перед ним налитая кровью бычья шея Никона, раздувавшиеся широкие ноздри, гневное багровое лицо его.

Как ненавидел он Никона! Не иначе в наказание отвел тогда господь Серафимову руку с молотком, когда хотел прикончить он брата, прежде чем сбросить с машины.

«Анафемская душа! Съест меня этот лютый зверь, съест!»Серафим возненавидел Никона всеми фибрами ду-

ши, не менее грязной и продажной, чем у того, кого ненавидел. «Нет. Пускай лучше Никон погибнет, захлебнется в собственной крови. Бежать, не медля бежать! Искать скрытого убежища у братьев и сестер где-то от лютого зверя подальше, кануть, в вечность уйти от опостылевшего мира сего. Да и с девкой сорвалось, не жить ему теперь в Елизаветовке, одолеют, анафемы!..»

С такими мыслями Аминев проворно соскочил с кровати, начал поспешно собирать в дорожный чемодан и полотняный мешок вещи. А чтобы на первые дни не видно было следов бегства, привел в избе все в порядок и поторопился в сарай.

Одним рывком вил Серафим отвернул ворох соломы с угла и замер от изумления. С вытаращенными глазами он несколько мгновений смотрел на обнаженную в стене нишу, затем, точно кем опрокинутый, свалился на пол, всунул в дыру трясущуюся руку и лихорадочно зашарил внутри. Ужас охватил Серафима: шкатулок не было.

— Боже мой, о господи милосердный! — постукивая зубами, шептал он. Ползая на коленях с искаженным от боли лицом, пресвитер перетряхивал солому.

Внезапно его осенила какая-то мысль. Он взглянул наверх, схватил вилы и по жиденькой реечной лестнице с легкостью подростка выскочил на чердак. С остервенением расшвырял там сваленный в кучу хлам, мусор, потом, снизу, от конца кладки стены, с ожесточением начал пронизывать вилами крышу.

Вдруг вилы в одном месте провалились и вылезли наружу. От неожиданности Аминев едва удержался на ногах. Обнаружив прикрытую камышом дыру, через которую свободно мог пролезть человек, он ясно представил себе картину случившегося. Вор забрался на чердак, взломал чердачный люк, выкрал шкатулки и, никем незамеченный, бежал.

Бледный, как полотно, с лицом, перекошенным от злости, Аминев в изнеможении опустился на чердачный настил.

— Убили! Ограбили! — захлебываясь от бешенства, стонал он.— Кто же? Кто? — спрашивал себя. И отвечал: — Никон! Его работа. Ну, ничего, на этот раз ты от меня не уйдешь! — яростно прошептал Серафим. Пошатываясь, медленно спустился вниз, поплелся в дом.

Стиснув до боли руками голову, пресвитер упал на кровать.

«Кто, кто сказал? Откуда кто мог знать мою сокровенную тайну, так упрятанную от завистливых глаз людских?»

Лежа ничком, Серафим мучительно думал над разгадкой хитро сплетенного кем-то узла.

Лютовал брат Серафим, места не находил. Открыл бы господь Секлетии, что творится с ним, покинула бы все, пулей помчалась бы дать умиротворение душе его. Да только вспоминала она Серафима в эти минуты не так, по-другому, по другой причине собиралась навестить «голубчика», а потому не торопилась. Об утехах думала, а коли так, надо было привести себя в надлежащий порядок. Не дай бог не понравится соколику!..

«У Фени, приедет, будет праздничек, и нам не грешно отдохнуть до приезда... Эвон, сколько делов с этой свадьбой переделала. Схожу-ка проведаю... Тоже небось устал, праведничек, ночку намаявшись...»

Наблестила пророчица суконкой старенькие туфельки, к окошку поднесла: сияют, собственное отражение видно. Осталась довольна. Полюбовалась перед зеркальцем (Грех-то какой, да уж ладно!..), натянула юбку новую, шерстяную, в холщевую сумочку пирожков положила, тепленьких, с картошечкой, лучком зажаренным. Вышла после всего на порожек.

Ой, и до чего же солнышко светит ярко, как щедро лу-

чами брызжет, тепло разливает, как летом. Отмахиваясь от Кудлатого, щуря ослепленные глазки, посмотрела Секлетия на домик Фени.

Хоть и пророчица, а обошел господь ее, не открыл того, что вышло у братьев Серафима и Лаврентия с Феней Утаивал и то, что происходило у Фени сейчас, когда глядела на сдернутые занавесочки.

А что-то происходило...

Навострила уши пророчица, определила по слуху: мерзостные смехи раздаются там, богопротивное веселье.

«Господи, да что же это?! Кто там?..» — остановилась Секлетия.

Ой, как натрудилась! Настроилась вот к «голубчику», да разве миновать попрание веры на виду. Сомкнула пророчица губы сурово, даже платок отвернула от ушей для чуткости, прислушалась. Понять не могла, почему веселятся в доме Фени. Никак уж вернулись? Да разве же можно смехи-то, хоть и свадьба?..

Невдомек было пророчице, что Феню навестили прежние подружки ее. Тесно сгрудились девушки вокруг Фени, смеялись, шутили, обнимали от радости.

— Ой, девоньки-девоньки! — в пылу откровенности рассказывала Феня.— Бывало, заслышу — поете, в клубе баян играет, выгляну в окошко, вижу — кружатся пары, и так защемит сердце от боли!.. Уткнусь в подушку и горько-прегорько заплачу. Так обидно было. А тут тебе, будто кто невидимый над ухом-то и трубит: «Геенна огненная ждет их, грешников!..» Ждала — так никто из вас и не сгорел. Вот проклятые! Напугали своей геенной, что бредила ею. Дурная была..

— Ой, ну прямо не верится, все не верится, что ты с нами! — обняла Феню за шею неугомонная Варенька.— Мы же тебе не раз говорили, упрашивали, а ты...

— Упрашивали, не спорю, а вот нашлись получше вас

говоруны. дошло. Ну, и еще один был...— Лицо Фени озарилось счастливой улыбкой.

Переглянулись девушки меж собою, заулыбались тоже. Без объяснений поняли, о ком идет речь.

Озорным смехом, непрерывными шутками наполнился дом Фени, словно воскрес из угрюмой тишины и уныния, в которые повергнут был многие месяцы.

Впервые после того, как стала верующей, открыла Феня сундук с нарядами. Вынула залежавшиеся платья, готовилась пойти вечером с девушками в клуб. Подруги, поднимая страшный шум и возню, наперебой советовали, в чем Фене будет лучше.

— Тс-с-с! —приложила вдруг к губам пальцы неповоротливая Наденька и задернула занавесочку.— Колдунья бредет к нам.

Замолкли все, вытянули лица. Увидела Феня Секлетию, и что-то дрогнуло в ее глазах, на ровном лбу показалась тревожная морщинка. Растерялась девушка поначалу, но уже не пугалась, как это бывало прежде.

— Мир дому! — входя, пропела пророчица, силясь придать голосу спокойствие и нежность. Окинув недобрым взглядом притворно-смиренные лица сидевших, недовольно на Феню покосилась, сказала построже:

— По делу я пожаловала, сестра,— и повела рукой к выходу.

— Давайте при всех. Я вам уже не сестра, а свободная девица. Выдали б замуж за хромого Лаврентия, была б молодицей,— с усмешкой ответила Феня.

Прыснула Варенька, хихикнула в кулак Наденька, нагнула голову полнушка Алена, как подушечкой прикрывая ладонью рот, отвернулись в сторону от донимавшего смеха и остальные.

Изменилась в лице пророчица, стеной побелела, как могла, спросила сдержанно:

— Что ж то означает, Феня? И кто совратил тебя с пути истинного, а?..

— Сама поняла, какой то путь! — резко ответила Феня. Лицо у нее стало строже, решительнее.

— Не мы ли тебе добра желали, в лихую годину поддержали? Опомнись, сестра! Помысли, что ждет тебя за богоотступничество...— с угрозой в голосе устрашала Секлетия, метая злобные взгляды на подруг Фени.

— Полно прикидываться-то ангелами! Хватит, по горло сыта вашей геенной! Гореть буду я, а не вы! — возбужденно говорила Феня.— Сама ухожу от той жизни трупной и других подговаривать буду,— не на шутку распалилась она, в глазах блеснул вызов.

— В муках адских погибнешь, попомни! — выкрикнула пророчица.

Будто кто повернул ее, мелкими скорыми шажками засеменила к выходу.

Только вышла за порог, что-то шлепнулось за спиной. Оглянулась Секлетия и ахнула. Библия распласталась на земле. Выбросила ее вслед ей проказница Варенька.

Вымолвила в адрес Фени страшное проклятье, бережно подняла пророчица книгу, вытерла кончиком платка загрязненные листы, заложила под кофту. Оглянулась, подобрала рукой длинную юбку и... бегом к Серафиму.

Озираясь и как-то по-чудному сгибая свою нестройную фигуру, не заметила пророчица, как очутилась возле дома пресвитера. Дверь открыла сама, тихонько. Просунула сначала голову, потом нерешительно, бочком-бочком, вошла внутрь.

«Спит»,— решила Секлетия, заслышав тонкое переливчатое сопение. Преувеличенно громко чихнула, пошумела у порога, расправляя ногами сбившуюся в комок солому, и робко пошла.

Приход Секлетии вывел Серафима из сонного оцепене-

ния. Он приподнялся на локтях, встретив гостью холодным взглядом, хрипло спросил:

— Чего тебе, пророчица?

— Кое-что поведать пришла,— вкрадчиво ответила Секлетия. Сумочку с угощением положила на канапу.

«К черту!» — готово было вырваться у Серафима. С трудом удержал себя, зло буркнул:

— Выкладывай, что надумала.

— Про брата Трофима плохие вести,— с волнением начала Секлетия.— Где-то блуждает, как бы с ним не приключилось чего. И сон снился мне не к добру...

Веретеном вывернулся Аминев на спину, услыхав о Трофиме. Что-то забытое ожило в его памяти, отупевшей от беспокойных дум. Снова возникла перед глазами сгорбленная фигурка, промелькнувшая вечером за сарай.

— Не тяни, говори,— раздражительно заторопил он пророчицу. Наставил в ее сторону оттопыренное ухо с длинными волосками на угловатой мочке.

Секлетия осмелела, примостилась на краю кровати у ног наставника и, угоднически глядя ему в лицо, рассказывала:

— Вижу я чистое, ясное небо. Ты по полю идешь, как бы в Подлесное. И с далека, далека падает на землю комок черный. Ты идешь, а комок тот становится все больше и больше, летит тебе прямо на голову. От страха закрываю глаза. А когда опять открыла, заместь комка того, увидела большого-пребольшого черного коршуна. Распустил тот хищник острые длиннющие когти, камнем падает на седую твою головушку, вцепиться норовит, ударить кривым клювом хочет. Сколько имеешь силы, отбиваешься ты, сердешный, по обличью алые полоски крови текут, и, вижу, не способен ты уже обороняться.

«Помогите! По-омогите!» — кричу. Не слышу голоса своего, будто отнялся. Рвусь помочь, не несут ноги. В ужа-

сти закрываю очи, падаю на землю, дрожу вся, рвется на куски сердце. Открываю глаза, а у коршуна того нет птичьей головы, а стала голова брата Трофима. Только на руках его не пальцы, а хищные когти. Человечьим голосом, подобным брату Трофиму, хохоча и злорадствуя, то чудовище изрекло: «В том есть тебе, брат Серафим, испытание, как воспримешь преждевременную смерть во имя бога». И растворилось в дыму все.

Шумно вздохнула Секлетия, кончиком косынки смахнула капли пота с лица, посмотрела заслезившимися глазами на Аминева. Помолчав, дрогнувшим голосом вывела:

— Дурное предзнаменование в сне том, Серафим.

Серафим встал с постели, пронизал пророчицу презрительным взглядом:

— Веди речь к концу,— процедил сквозь сжатые зубы.

— И еще... еще сестра Феня от веры отреклась. Надругалась над священным писанием, под ноги мне книгу божию кинула.

Сухой ком подступил к горлу Серафима.

— Прочь, ведьма! — почти захлебываясь от бешенства, заорал он сдавленным голосом.

Словно ветром сдуло с места пророчицу. Бормоча какие-то невнятные слова, прихватила она сумочку, дрожа от испуга, закособочилась к выходу.

— Огнем сгорите вы все вкупе! — гаркнул Серафим ей вслед и в исступлении затрясся.

«Обокрали, Феня отреклась, Трофим с когтями, Никон с топором...» Все перепуталось, все смешалось в голове, все покрылось туманом, беспросветным мраком и непроглядной темнотой.

ПОСЛЕДНЕЕ ВЕСЕЛЬЕ БРАТА ТРОФИМА

Удивительно многолюдно было на центральной улице большого города. По тротуарам густо плыла живая масса. Люди толпились у красочно убранных витрин, книжных магазинов, билетных касс. Всюду шла бойкая торговля.

По бульвару между высокими бледнолистыми акациями пробегали трамваи, мягко шипели резиной колес по асфальту переполненные пассажирами троллейбусы. В строгом порядке, вереницей двигались легковые автомобили.

Неуклюже проталкиваясь в толпе, брат Трофим остановился возле витрины магазина «Готовая одежда». На него смотрела светлыми улыбающимися глазками румяная девушка-манекен с соломенной курчавой головкой и в ярком цветастом платье.

«Как живая. И надо ж тебе так смастачить!..» — подумал Трофим, стоя с раскрытым ртом.

Еще больше поразило его мастерство, с каким была сделана голова молодого человека. Гладко прилизанный пробор, щеки точно наливное яблочко, наряжен в элегантный серый костюм. Да, что ни говори — город!..

Разглядел Трофим как следует витрину, крутнул в восхищении головой, направился в магазин. Будто волной втянуло его туда в давке.

Вскоре в новой «московке» с цыгейковым воротником, то задом, то боком выкручивался Трофим перед огромным зеркалом. Мешковато сидела на нем «московка». Сколько ни морочил голову продавцам, а подобрать «по телу» не удалось: слишком малым и тощим выдался брат. В другом магазине на его голову подошла кубанка с блестящим кожаным верхом; в обувном подобрал себе Трофим кирзовые сапоги. Правда, великоватые, но что поделаешь...

В безлюдном переулке брат переоделся. Сунув в мешок

снятое с себя старье, подсчитал до копеечки остаток денег и легко зашагал к «Дому колхозника».

До того, как побывать в городе, брат Трофим посетил села Криннички, Подлесное, оттуда поехал в село Пустоволы, пробыл там сутки у брата Фаддея, пресвитера секты и друга Серафима. От Фаддея съездил еще в одно село и, не застав кого нужно, рассердился. Случилась попутная машина — уехал.

Давно не был Трофим в городе. Не терпелось сделать кое-какие покупки: в кармане завелись денежки. А что стоило ему при нынешнем состоянии поставить шоферу сто граммов...

Дело уладилось как нельзя лучше. Шофер согласился сделать на обратном пути значительный крюк — подбросить Трофима в село Виноградовку, а там только переплыть воду — и дома. Получалось «деликатно», как любил выражаться Трофим. Не надо толкаться по вокзалам, ждать поездов, вытрачиваться зря, чего страсть как не переносил.

— Комедия, да и только! — восторгался он в чайной, завистливо наблюдая, как шофер в один прием опрокинул в рот полный стакан водки.— Лакаешь запросто, вроде тот тебе лимонат.

Глотая слюну, Трофим досадливо почесал затылок.

«Эх, выпить бы маленько! — помыслил он.— Нет, не буду. Тьфу, тьфу на тебя!» — отплевывался брат от своего искусителя. Повернулся к соседнему столику, уставил глаза на тучного усача. Тот тоже допивал стакан водки, а, выпив, от удовольствия голосно крякнул.

Трофим сильнее почесался. Обругав мысленно непристойными словами диавола за то, что много разных соблазнов наплодил на земле, подозвал официантку.

— Могу, ежели захочу, без передыху из горлышка целую бутылку опорожнить,— похвалялся он шоферу, подвыпив.— Давай закурим. Плевал я на Секлетию, чихал на

Серафима. Вокруг пальца обведу окаянных. Добавим еще по сто?...

Шофер отрицательно мотнул головой. Взяв под руку изрядно охмелевшего «брата», помог ему сесть в кабину.

— Давай, с ветерком! — то и дело орал расхрабрившийся Трофим.— Газуй!

Было совсем темно, когда сошел Трофим с грузовика в Виноградовке. Не задерживаясь, он спустился к реке, столкнул первую попавшуюся лодчонку, из тех, что забывают хозяева запереть на ночь к приколу, и помаленьку стал переправляться. Мурлыча под нос какой-то старинный мотив, он прислушивался к нестройному всплеску весел и замечтался.

Впереди забелели прибрежные камыши. Вдруг у самой лодки что-то захлопало, свистя крыльями, взметнулось вверх и плюхнуло неподалеку в воду. От неожиданности Трофима бросило в дрожь, он выронил весла.

— Тьфу, дурак! — обругав нырка, сплюнул Трофим.— Дрыхнет, бездельник, покуда не наедут.

Причалив возле оврага к берегу, достал брат из кармана тряпицу, вытер сапоги, поправил куртку, плотнее прижал к голове кубанку и путающимися мелкими шажками стал подниматься вверх по дорожке.

Прошел немного Трофим, остановился.

— Куда идти? — рассуждал он вслух.— Домой нельзя, попадет от Галины. Бродяжничал где-то три дни, да еще запах спиртного, до смерти изобьет. Пойду лучше к деду Кириллу, если дежурит. Пересплю там на сене, а утром и прибуду домой. Вот не пристало только валяться на сене в новой одежде, ну, да пес с ней...

Трофим пощупал карман пиджака на груди. Остался один неврученный пакет странника. Там же лежало и письмо от пресвитера Фаддея к Аминеву.

«А не податься ли к Серафиму?» — осенило его.

«Не околачивайся нигде, когда прибудешь домой, еще конверт утеряешь»,— вспомнил Трофим предупреждение брата Фаддея.

А ведь подглядел Трофим: не письмо передавал Фаддей Серафиму — какие-то фальшивые расписки на деньги составил.

— Жулики! Мошенники несусветные! — ворчал Трофим, решив зайти все же к Аминеву. Письмо отдать, рассказать, где был, попроситься заночевать...

Через минуту Трофим снова замедлил шаги, заколебался. До избы Аминева оставалось рукой подать, а идти стало трудно, почему-то так трудно, будто хватал кто сзади за полы пиджака. Непонятный страх нашел на него, сильно колотилось сердце. Даже почудилось, будто чей-то голос отговаривает: «Не ходи туда».

«Идти или не идти?» — стоял он в раздумье.

Долго боролся Трофим с собой, но хмель поборол страх. «А, наплевать!» — решил он. И, воинственно настроившись, смело направился к Аминеву.

Подошел к окну — темно, дверь в сенях приоткрыта. Проник в квартиру — тихо. «Неужель нет дома?» — встревоженно подумал Трофим и преднамеренно кашлянул. Откуда-то из-за угла послышался шорох, затем раздался протяжный голос Аминева:

— Кто там?

— Я, Трофим.

— Ты, это ты, Трофим? — недоверчиво переспросил Аминев.

— Истинно я, брат Серафим. С подорожи прибыл...

— Зажигай лампу на столе.

Чиркнув спичкой, Трофим зажег свет. С опухшими от сна глазами Аминев приблизился к нему, пристально осмотрел с ног до головы, обошел спереди, оглядел сзади.

— А-а, никак в обновках?

— Да, истинно так, Серафим. Удостоился милости божией и Трофим за свое усердие. Пускай знают безбожники, что терпением да покорностию заслужено то. Сгинула для меня теперь присказка: яко наг, яко благ, яко нет ничего. Вот только забыл очки купить, прикрыть порчу глаза. Вишь! — хвастливо вертелся он, распахивая полы куртки так, точно явился показать себя, а не по какому другому делу.

— Так-так, Трофим! — протянул Аминев, не сводя с него глаз.— Велика ли сумма вложена в то одеяние?

— Сумма? — растерянно переспросил Трофим.— Не мала и не велика. На все, что имел, накупил.

— Где ж деньги взял? — поинтересовался Серафим, прикидывая примерную стоимость покупок.

— Деньги? — будто не расслышав, переспросил Трофим.— Им-мелось м-малость своих. П-получил в к-колхозе, ч-чуточку Г-галина раздобрилась...

Почувствовав, что попадает впросак, Трофим заикался, говорил бессвязно, часто моргал глазом.

— Врешь! — закричал вдруг Серафим и надвинулся грудью на Трофима.— Говори по правде, не обманывай!

— Не вру, Серафим! — жалобно пропищал Трофим.— Истинный бог, не вру!

Схватил Серафим его обеими руками за воротник, тряхнул с силой:

— Башку оторву, ежели не услышу правду! — Сказав это, он туго стянул воротник вокруг шеи Трофима.

Пробормотал хилый брат что-то невнятное, напрягусилия, пытаясь вырваться, но тщетно. Задыхаясь, взмолился:

— Пусти, Серафим! Скажу начистоту...

Ослабил руки Серафим, совсем не отпускал.— Ну, говори! — еще раз тряхнул он Трофима.

— Те восемьсот, что ты дал для странника,—истратил,

помимо того, сам странник дал двести, да прибавь двести рублишков, что получены от тебя на дорогу...

— Это за что же одарил тебя странник? За то, что восемьсот рублей от него утаил, так что ли? — сдавил Серафим горло брату во Христе.— Ну!!

— Понравился ему, исправно утоляю нужды,— надеясь отговориться, врал Трофим, хотя видел, что запутался. Дышал хрипло.

Рогатые вены вздулись на висках Серафима:

— Врешь, негодник! — разъяренно заорал он. Прозвучала пощечина.

Точно воробей, сбитый камнем, свалился Трофим на пол. Мигом вскочил, прыгнул к двери, но тут же был перехвачен сильной рукой Серафима. Взбешенный, Аминев затряс брата изо всей силы, до нестерпимой боли сдавливая его худую шею.

Взмолился еще раз Трофим, прося пощадить, но, увидев, что положение безвыходно, сказал правду.

— ...Помнишь, был странник у тебя. Вышел он — ты в сарай. А я-то заранее еще крышу продырявил. На чердаке в это время лежал, поглядывал в щель люка. Ты домой — я забрал железные ящички в стене. Странник ждал у пасеки, под кусточком. Отдал я ему ящички, обрадовался он, дал и мне четыреста, да и те восемьсот подарил, которые я получил от тебя вроде на его нужды. Серафим, не сам я, по наущению странника все сделал! — вырвался у Трофима страстный призыв к пощаде.

— Как страннику дознаться, где лежали? — опять тряхнул наставник брата.

— Я надоумил на то. Подсказал, что выходишь ты зачем-то в сарай, когда отдаю тебе деньги за сбытый мед.

«Видать, там хранит, скрытно. Выкрасть!» — велел он. Пообещал награду. А чтобы ты наведался за деньгами еще раз, он же и придумал причину...

— Ты перебежал в тот вечер от дома за сарай?

— Я, я. Выслеживал, когда вернешься домой. Увидел, дал знать о том страннику.

Все чаще заикаясь, признавался Трофим чистосердечно, надеясь на милость Серафима. Да не вышло так, как хотел он. Лицо Аминева побагровело, глаза и шея налились кровью:—Каины! Грабители! — захлебнулся он от ярости. Сильным ударом кулака опрокинул Трофима навзничь и, словно клещами, впился пальцами в горло единоверца.

С неимоверным усилием старался Трофим оторвать руки врага от горла, но безуспешно. Через минуту, выпучив глаз, он захрапел, забился в конвульсиях. А Серафим все наваливался на него тяжелой глыбой, все давил до тех пор, пока перестал Трофим бить ногами.

В ужасе отпрянул от бездыханного тела Аминев. Опомнился. Погасив свет, запер дверь на засов, будто пойманный зверь, заметался из угла в угол, как в клетке.

«Куда девать? Куда?» — спрашивал он себя в тревоге. «А, привяжу к нему проволокой камень и... и в воду»,— пришло вдруг решение.

Серафим быстро снял с колышка в сенцах моток проволоки и взвалил труп на плечи. Перебежками от куста к кустику, в течение нескольких минут пресвитер достиг оврага. Осторожности ради остановился, тревожно прислушался: где-то близко раздались топот, протяжный свист.

С трепетом вглядывался Серафим в ночную мглу. Ему казалось, что прямо на него движутся какие-то тени, в ушах ясно слышался отзвук ступающих ног.

— Царица небесная, спаси и помилуй! — в испуге взывал он. Пригибаясь насколько можно, гонимый страхом Аминев, без передышки, задыхаясь и спотыкаясь, несся по кромке оврага вниз.

Вот-вот уже и река. Аминев собирает последние силы и устремляется к ней. Тотчас же, почти рядом, опять раз-

дался свист, с еще большей отчетливостью, чем в первый раз, повторился топот. Снова свист, снова топот...

Теперь уже чудилось Серафиму, что окружают его со всех сторон, что шевелится каждый куст, кружится под ногами земля и... о, ужас!.. Казалось, оживает Трофим, выпрямляет ноги, норовит спрыгнуть с плеч.

Мигом швырнул Аминев труп в овраг, помчался к реке...

Притаившись у обрыва, широко открытым ртом Серафим жадно хватал воздух. Сперло дыхание, словно кто-то туго-натуго перетянул грудь ремнем, все сильнее билось сердце, во всем теле ощущалась слабость, кружилась голова.

А далеко позади, широко и привольно, ровно и напевно, звонкие голоса девушек завели песню:

За рекой, за горой
Возле рощи густой
По тропинке лесной
Проезжает милый мой.

Как бы сочувствуя им, тоскующими и одинокими голосами в девичий хор робко включились парни. То усиливаясь, то затихая, долго еще раздавалась песня, полная чувства. Постепенно растворяясь в тихой звездной ночи, она уходила туда, где заканчивалась излюбленная прогулка молодежи: от сельсовета к лесу.

Теперь молодежь гурьбой возвращалась назад. В мальчишеской шаловливой игре, в пересвистах из-за кустов, переталкиваясь и пересмеиваясь, шли группки парней. Обгоняя их, направлялись к клубу девушки.

Поняв, кто был виновником его волнений, Серафим облегченно вздохнул. Понемногу пришел в себя, но мысль по-прежнему работала лихорадочно. «Куда идти? Куда

скрыться? Домой нельзя: встретит кто сейчас у оврага — сразу заподозрят».

Присел Серафим, внимательно присмотрелся к берегу. Впереди виднелась какая-то темная точка. «Лодка!» — обрадовался он, в два счета очутился подле нее. Увидев весла, совсем ободрился. Не задумываясь, оттолкнулся от берега, вскочил в лодку на ходу.

Несколько бесшумных взмахов веслами вынесли его к прибрежным зарослям камыша. Придерживаясь их, Серафим доплыл до места, где изгиб реки образовывал полукруг, и пристал к берегу. Не теряя времени, нырнул в густые камыши.

Раздвигая метелки, по тугим, пружинистым кочкам, пересекая маленькие озерца и трясины, Аминев осторожно пробирался через плавни к суше. Наконец, с трудом выбрался к поливным огородам.

Озираясь, поминутно приседая, Серафим подкрался к крайней избенке и постучал в окно. В доме зажегся свет, лязгнул засов.

Растрепанный, жалкий, с осунувшимся, как после болезни, лицом и блуждающими глазами, мокрый до пояса Аминев предстал перед сестрой Евдокией. Зевая во весь рот и сонно почесывая спину, она бесцеремонно потягивалась перед ним в ночной сорочке. Не выражая ни удивления, ни огорчения, поглядела на него, сытно отрыгнула и, ни о чем не расспрашивая, юркнула под одеяло.

Долго просидел Серафим в каком-то оцепенении у раскаленной печи, отогревался. В полночь снял одежду, развесил ее для просушки и улегся в кровать подле спавшей «духовной сестры».

СТРАННЫЕ НАХОДКИ

Давно пропели свою предрассветную песню петухи, зажглись в домах утренние огоньки, возвестившие о начале трудового дня, а на работу никто не выходил. Слишком уж необычно начался день в Елизаветовке. С самой рани заговорило, зашумело все село. Суетились люди, бегали... ничего не понять.

По дороге к лесу, неся на коромыслах ведра, шли женщины, бежали мужчины. Иные, забыв впопыхах застегнуть на одежде пуговицы, так и примчались. У оврага уже толпилась взволнованная масса людей, сдержанно гудела.

Изображая на лице страх и всплескивая руками, какая-то бабенка тараторила подошедшим соседкам:

— Ой, бабоньки, бабоньки! Неужто не знаете? Трофима Гордеева убитым в балке нашли. Столько людей собралось, из города следователи... А страшный-престрашный он! — входила рассказчица в роль.— Голова повисла в ровчике, что вода размыла, бороденка торчит кверху, глаз выпучил, а на шее синие-синие полосы, вроде веревкой удушенный. Разодетый, в новом во всем шел, ну и нашлись, видать, лиходеи... Да почему-то вот не ограбили. Должно, помешал кто...

— Пойдем поглядим! — услыхав новость, мчались мужчины к страшному месту.

— Господь с ним, боязно,— отвечали женщины и тут же подолгу высказывали свои догадки по поводу душегубства.

Одно оставалось заметным со стороны и неприятно бросалось в глаза: ни вздохов, ни печали, ни огорчения на лицах людей не было. Никто не вспомнил о Трофиме сочувственно, видимо, дурная шла слава о нем. Это в первую очередь и отметил про себя майор Компаниец.

С трудом удалив собравшуюся возле трупа толпу любопытных, он, вместе с судебно-медицинским экспертом, тщательно осмотрел место происшествия.

Из брючных карманов Трофима капитан Иванченко извлек незначительную сумму денег, справки сельсовета, удостоверяющие его личность. В боковом кармане куртки он обнаружил аккуратно зашитый в мешковину сверток. Одним взмахом перочинного ножа распорол его и растерялся от неожиданности: «Святые письма!»

С чувством досады и сожаления капитан опустил голову, от смущения покраснело лицо. Майор хмуро посмотрел на него, осуждающе покачал головой:

— Не безгрешны мы и без того. Но за такой промах придется дорого расплачиваться,— с упреком и нескрываемым недовольством произнес он.— Уверяли же, что все обеспечено для перехвата Гордеева... Продолжайте обыск,— устало бросил Компаниец. Дав знак рукой Новикову следовать за ним, не торопясь, двинулся по оврагу.

Исследование начали от реки. Овраг здесь был широкий, испещренный глубокими размывами. Сужаясь и постепенно мелея, он убегал в огромный лесной массив и как бы отгораживал северную окраину села от старого леса.

Над оврагом росли кусты терновника с обнаженными корнями у края обрыва. Меж терновником разбросанно вспыхивали ярко-красными плодами красивые кусты шиповника. Все это буйно сплелось, вызывало восхищение и настраивало на лирический лад. Но от пытливых наблюдательных глаз Компанийца, любившего природу, не ускользало и другое. Пройдя метров сто, он внезапно остановился возле узкой, похожей на щель глубокой размоины. Опустился, присматриваясь, вытащил из земли попавшийся на глаза кусок ржавого железного обруча и стал ковырять им в щели. Через минуту выбросил наверх свежие стружки, щепьё и с интересом поднес их к лицу.

— Подойдите-ка! — немного погодя, позвал он Новикова.— Вы не замечали подобных вещей на своем участке?

— Не обратил внимания,— недоуменно пожал плечами Новиков.

— Пройдитесь еще раз, перепроверьте. Обнаружите — доложите.

— Есть! — по-военному отчеканил лейтенант, повернулся, но был остановлен майором.

— Кстати, не помните ли вы, когда здесь прошли сильные дожди?

— Если не изменяет память, немногим больше месяца тому назад.

— Хорошо. Идите.

Проверив свой участок еще раз, Новиков тоже нашел стружки и осмотрел овраг до конца. Возвращаясь обратно, он задержался там, где отрог оврага зигзагообразной змейкой потянулся влево, куда-то в гущу леса. Отрог был наполовину мельче, с одной стороны имел склон отвесный, с другой — пологий. Туда же подошел и Компаниец.

— В чем загвоздка?

— Стружки обнаруживаются только ниже этого отрога, выше их нет. Не проверить ли нам отрог?

— Правильно. Пойдемте.

Пригибаясь, местами обходя преграждавшие путь заросли, они дошли почти до выхода из отрога.

— Стоп! — придержал майор Новикова и склонился над рыхлым холмиком земли.— Попробуем покопать.

Землю разгребали обломком железного обруча, прихваченного майором. Не прошло и четверти часа, как вместе с землей стали выворачиваться стружки от новых еловых досок, дубовое ощепье. Майор измерил высоту наваленной древесины.

— Сантиметров двадцать, не меньше. Видать, просчитались. Где-то в другом месте такой же бугорок снесла

вниз вода. Как вы думаете, почему я заинтересовался этим? — задал он вопрос Новикову, остановив на нем вопросительный взгляд.

— Не могу знать, товарищ майор,— несколько смутившись, ответил Новиков.— Впервые встречаюсь с таким фактом.

Компаниец улыбнулся, любовно похлопал лейтенанта по плечу. Молодой офицер ему нравился. На первый взгляд он казался вяловатым, но был исключительно исполнительным, удивительно сообразительным и решительным там, где надо действовать быстро. Юноше не хватало опыта. Майор передавал ему свой, учил.

— То-то и оно. Зарделся, как красная девица на сватанье. Холмик-то со стружками откуда мог взяться? Вот в чем дело...

— Понял, товарищ майор,— поспешно ответил Новиков, скрывая за ответом явное недопонимание. Ясным было только одно — чем заинтересовался Компаниец. Непонятным оставалось главное: почему? Он сгорал желанием узнать это и, не осмеливаясь спросить, ждал, что майор расскажет все сам. Но вместо этого Компаниец стал давать отрывистые, короткие указания:

— Сегодня же надо выяснить: сбрасывают ли стружки в овраг из плотницкой мастерской колхоза? А, может, кто из колхозников обрабатывал дубовый лесоматериал? Это тоже легко проверить. Сделаете — доложите не откладывая.

К оврагу подкатил грузовой автомобиль. Труп Трофима положили в кузов для направления на судебно-медицинскую экспертизу в город. Явные признаки удушения не вызывали сомнения, что убийство совершено было умышленно. Заканчивались беседы с людьми, которые могли сообщить какие-то данные, наводящие на след убийцы или могущие облегчить его розыск.

К великому сожалению, никто ничего не мог объяснить. Не было известным и другое: куда, зачем уехал Трофим из Елизаветовки, когда возвратился...

— Есть ли Трофим в селе, нет ли его — одинаково,— заявили свидетели. Некоторые добавляли.— Не впервые шатается где-то. Спросите у пасечника Аминева, туда он частенько хаживал.

Опрятный каменный домик Трофима, крытый ребристым шифером, стоял неподалеку от конефермы. В маленьком палисаднике при доме были разбиты цветочные клумбы, заботливо окаймленные камешками, дорожки посыпаны толченым кирпичом. Во всем чувствовался порядок, стремление к красоте. Не хуже было и внутри дома. На крашеные гладкие полы постелены ковровые дорожки, окна украшали свисающие до пола тюлевые занавески. Жить бы да радоваться. Но и новая добротная мебель, и богатое убранство, и безукоризненная чистота—все это так не вязалось с затрапезным видом, в каком выходил Трофим на люди, что в будни, что в праздничные дни. Странно, непонятно жил Трофим. Непонятно и умер.

Узнав о смерти мужа, дородная Галина, выглядевшая в свои сорок лет совсем молодо, вышла, поглядела на труп, когда подъехал к воротам грузовик, и не то чтобы хоть слезу выронила, даже бровью не повела. Только всего и сказала: «Туда ему и дорога, болвану». Компанийца с сотрудниками встретила со спокойствием, будто не было никакого горя. Заволновалась лишь на минутку, услыхав, что намерены делать обыск, но тут же успокоилась.

— Ищите, где хотите,— покорно согласилась она.— В горницах муженек не бывал, любовался из сенец. Вот его жилье,— распахнула она в коридоре узенькую дверцу, ведущую в крохотный полутемный чулан.

В чулане стояли нары из неоструганных досок, небрежно сколоченные. Соломенный матрац прикрывало сверху

грязное домотканное рядно. Валялась засаленная подушка. Возле больничного типа тумбочки лежал какой-то мешок с тряпьем. Все это нескладное и вонючее хозяйство Трофима лейтенант Новиков вынужден был тщательно проверить.

«Как будто все»,— подумал Новиков, закончив неприятную работу и осматриваясь. И тут же обратил внимание на необычную форму подоконника. Отодвинул тумбочку в сторону, пошатал доску. Вибрировала. Слегка потянул к себе — выдвинулась из зазора в стене. Прищалег лейтенант, вытащил доску совсем и увидел под нею сверток ваты и две квадратные бутылки, плотно закупоренные пробками.

«Лекарства»,— определил лейтенант. Повертел темные бутылки с остатками какой-то тягучей жидкости перед глазами и открыл пробки. Понюхал, сморщился от едкого непонятного запаха.

— Фу, дрянь! — выругался он вслух, не замечая за спиной улыбающегося майора.

— Дайте-ка сюда! — Компаниец понюхал, чихнул раз, второй и возвратил бутылки Новикову.

— Где нашли?

— Под подоконником.

— Удивительно и даже очень! — воскликнул майор, рассматривая углубление, где были спрятаны бутылки.— Вероятно, преследовалась какая-то цель, если спрятаны сюда. Заверните, да не разбейте. Возвратимся домой, немедленно передайте в лабораторию на исследование. На этот раз ваша наблюдательность, кажется, заслуживает похвалы. Вы можете оказать неоценимую услугу в разгадке секрета столь необычного происшествия в Елизаветовке, если только выявленное окажется тем, о чем я думаю.

Первая похвала обрадовала Новикова, он чувствовал себя окрыленным. Разжигала в нем страстное любопытство и важность находки. Он спросил:

— Хочется сейчас знать, что в бутылках?

— Законное желание, — ухмыльнулся Компаниец, глядя на стройного, почти одинакового с ним роста лейтенанта.—Я предполагаю... Впрочем, посмотрим, что покажет анализ. Обязательно будете знать. А пока остаетесь в селе для выяснения того, о чем условились с вами в овраге! К вечеру — прибыть в отдел! Пришлю за вами машину.

Обыск окончен. Заурчали моторы, автомобили медленно откатили от ворот и, свернув на дорогу, потянули за собой хвосты пыли.

— В город умчались... Эк, завихрило! Равно бес хвостом помел, — пробубнила Секлетия, наблюдавшая сквозь брешь в стене курника, как отъезжали машины. — Все от бога, он управляет миром, он ведает, кому что и в какой час послать!

Не жалела пророчица о Трофиме, а все же... «Непутевый верующий, а верующий: не безбожник. Мало общине было пользы от него, богу и того меньше. Выгода разве в том, что сторожевал у добра. А сколько пережила из-за него, чтобы не растрепал... Ну, да ладно, отлетели концы. На том свете пущай кричит, болтает, до земли не достанет»,— думала Секлетия, счищая с перекладин куриный помет.

Вцепившись в перекладину, упрямо не хотел сойти с насиженного места нахохлившийся петух. Трахнула его Секлетия концом метлы по когтям, недовольно закукарекал упрямец, замахал крыльями и вылетел в дыру.

«Где ж Серафим? Среди людей мог быть, да разошлись уже все. Сидела в квартире — не приходил. Побываю-ка вечерком у голубчика. О церковном погребении Трофима совет держать надо...».

Кто-то прошелся по двору, и тотчас же, со всех ног кинулся туда Кудлатый, захлебываясь от лая. Закинула Секлетия истертый веник на полку, взглянула и... округлила глаза. Участковый уполномоченный Авдеенко отбивался

от бесновавшегося пса. Стоял председатель Андрианов, чуть подальше — Роман с поленом в руках.

— Пшел в будку! — закричала Секлетия. Схватилась за цепь, отволокла собаку в закуток. — Заходите, подержу...

— Мы, гражданка Неборака, по такому к вам поводу, — вошел Авдеенко в дом. — Получены сведения, что вы занимаетесь кражей. Откровенно скажете, что взяли, или придется проверочку сделать, как?..

Холодный пот выступил на теле Секлетии, задрожали в коленях ноги, но, овладев собой, сквозь спазму она твердо заявила.

— Наговор на честную, одинокую... Кто же докажет? «Неужели успел Трофим?».

— Так не хотите говорить правду? — спросил Авдеенко и выжидающе посмотрел на Секлетию.

— Не виновна ни в чем я, гражданин милиционер. Не виновна! — сорвалась пророчица на слезливый крик, пытаясь придать лицу выражение страдания, поднесла к глазам уголочек платка.

Привычный к уловкам и притворству преступников, Авдеенко улыбнулся: до того нелеп был вид у Секлетии.

— Вы, граждане Андрианов и Забродов, будете присутствовать в качестве понятых, — объявил он уже официально и приступил к проверке.

В углу над печью висел огромный узел с торчащими клочьями ваты. Снял его Авдеенко, развязал, выбросил вату и, удовлетворенно усмехнувшись, выкатил раздувшуюся от чего-то старую юбку, завязанную с обеих концов шпагатом.

Словно иголками колол кто Секлетию, задергалось на правом глазу веко.

— Дайте-ка мешок, Забродов.

Сорвав с юбки одну из завязок, Авдеенко пересыпал

содержимое юбки в мешок и только тогда посмотрел, что же нашел он у Секлетии.

— Правильно, арахис. Где взяли?

— По щепоточке приносила, работая на уборке, — не задумываясь, ответила Секлетия.

В сундуке меж старым тряпьем оказалась еще полная наволочка арахиса, нашлось с полмешка и в чулане, под кадушками.

— Ну вот, гражданка Неборака. Из щепоток набралось у вас уже полтора мешка, — с иронией проговорил Авдеенко. — Обманываете!..

Выпрямилась Секлетия, вскинула голову, заговорила с наглинкой, вызывающе:

— Не мое то! Трофим Гордеев крал. Посочувствовала ему, по его просьбе и передерживала...

— Ваше, не ваше, разберемся. Прикинем на весы... А вы, Григорий Прохорович, — обернулся Авдеенко к председателю, — дадите мне справку о принятом количестве в кладовую. Вам же, гражданка Неборака, надо одеться, пройдете с нами в сельсовет, там все объясните.

Взвалил Роман полный мешок на плечи, другой забросил на спину Андрианов. Шаркая сапогами, нехотя, впереди всех шла Секлетия. Окинула взором улицу и обомлела. За углами, заборами переглядывались, шушукались, посмеивались люди.

— Молодец, Феня! — подтолкнула Зина локтем стоявшую рядом подругу. — Правильно подсказала. Побегу-ка амбар открывать, кажется, туда идут, взвешивать. Звеня связкой ключей, Зина убежала.

С быстротой молнии шла весть по селу о воровстве Секлетии. Даже в среде сектантов вызвала она осуждение и презрение.

О причастности Трофима Гордеева к поджогу в Елизаветовке следствие не располагало данными. В тот день он сменился с дежурства в коровнике в семь утра, а в восемнадцать часов уже присутствовал на колхозном собрании. Пожар возник гораздо позже. Так думали прежде. Но теперь, когда найдены были подозрительные бутылки, многое могло измениться. Жаль только, что нет в живых самого Трофима: мог бы кое-что рассказать.

Под впечатлением неудачи майор находился в плохом настроении. Покусывая колпачок авторучки, он еще раз проанализировал события последних дней. Складывалось твердое мнение о существовании законспирированной враждебной группы, которую, безусловно, можно было бы раскрыть быстрее и легче, если бы Иванченко правильно учел обстановку и не прозевал Трофима. И поджог, и «святые письма», и убийство Трофима казались Компанийцу единым целым, связанным между собой одной нитью. Майор вырвал из блокнота листок и размашисто написал: «Аминев». Поставил в конце восклицательный знак.

Выработанное многолетней практикой чутье не подвело начальника отдела. Из лаборатории передали заключение экспертизы. Майор подчеркнул в нем главное:

«...напитанные исследуемым веществом волокнистые материалы, соприкасаясь с воздухом, окисляются и способны к самовоспламенению, причем процесс самовоспламенения, в зависимости от температуры окружающей среды, длится от получаса до нескольких дней...»

— Видите, где собака зарыта! — с заметным раздражением проговорил Компаниец, глядя на капитана. — Какие ценные данные унес с собой в могилу Гордеев из-за вашей оплошности!

Капитан не оправдывался. Объективно разобравшись в событиях, он пришел к выводу, что допустил ошибку, и честно признал это.

— Недоучел, товарищ майор, что Гордеев может миновать прямые подходы к селу. Тропы, обходные дороги частично перекрывались, но не все. Это нас и подвело.

— В том-то и дело! — вскипел Компаниец. — Лысеете, работаете давно, опыт имеете, стараетесь сделать, как лучше, — знаю. А самоуверенность, успокоенность все же проявили! В нашем деле это тяжелый груз, учтите. Ты из кожи лезешь, рвешься вперед, желаешь достичь задуманной цели, а тебя — раз! — и отбросило назад. Вот и отшвырнули вы нас теперь так, что трудно определить, на какой точке находимся,— закончил майор. В голосе его слышалось откровенное беспокойство.

Выслушивая упреки Компанийца, капитан угрюмо молчал. Немолодое лицо его покраснело, слегка вздрагивали морщинки у глаз.

«Трудно работать с человеком, на которого нельзя полностью положиться» — невольно подумал Компаниец. У него возникало уже одно предложение, касающееся дальнейшей службы капитана, и он хотел уже его высказать, но вошел Новиков.

— Ну, что выяснили? — спросил майор, как только лейтенант закрыл за собой дверь.

— Все в порядке, товарищ майор. В овраг, тем более в отрог, стружки никогда не сбрасывали. Плотницкая находится в противоположном конце села. Беседовал и с лесником. Толковый, расторопный такой. В лесу в течение года, говорит, ничего из дубового материала не делали. А вот есть другая новость,— заставил Новиков всех насторожиться. — Дед Кирилл утверждает, что в день, когда Гордеев исчез из села, видел он его выходящим от Аминева. Лошадей на рассвете гнал дед на водопой и видел. С оглядкой, говорит, через кустарник, добежал Трофим до леса, а из лесу ушел в направлении железнодорожной станции. Дед следил за ним.

На лбу Компанийца обозначилась глубокая складка. Сощурив глаза, он пробарабанил по настольному стеклу пальцами, нескоро спросил:

— Ваше мнение, лейтенант?

Новиков озадаченно нахмурился. Майор не торопил.

— Стружки попали туда, конечно, не сами, а что из этого — не соображу! — приподнял лейтенант недоуменно брови. Развел руками. — Я бы Аминева арестовал. Предал партизан, выдает себя не за того, кем является, связь с Трофимом... Младший лейтенант Матвеенко передает, что дома его нет...

— Как нет! Сбежал, что ли? — спросил с тревогой майор.

— В день убийства Гордеева куда-то делся. С утра, до моего выезда из села, не находили ни дома, ни в селе.

Сообщение Новикова заставило всех призадуматься. Оно, собственно, и предопределило дальнейшие действия, уже и без того продиктованные суммой всех непредвиденных обстоятельств.

— Кончать пора,— коротким взмахом руки подчеркнул Компаниец. — Езжайте, капитан, в Елизаветовку. Передайте Матвеенко распоряжение: разыскать и арестовать Аминева. Предупредите Забродова, чтобы ждал нас часам к шести утра в лесу, у пасеки. Будьте с ним и сами. Он покажет маршрут, по которому двигался неизвестный. Стружки-то ссыпаны примерно в двухстах метрах от того места, где Забродов утерял его. Так, что ли?

— Голосую «за» обеими руками, — первым отозвался Иванченко. Разделяя решение майора полностью, он как-то оживился, повеселел. Тотчас же собрался уезжать.

Майор составил список работников, нужных для операции, перечислил, что взять с собой, и передал все Новикову.

— Объявите товарищам: выезд завтра в пять часов.

ПОИСКИ

Хороша в лесу осень. Что ни день заметнее пылала огнем листвы кудрявая береза. Обвораживающе ласкали глаз многообразием тонов другие деревья. Торопливо сбрасывал свое убранство объятый пламенем красавец клен. Совсем обнажились и поредели заросли орешника, но все еще были красивы. С легким шорохом падали к подножью стволов дикие груши, дозревали плоды терновника. Единственный в своей прежней красоте, гордо и величественно стоял в эту пору, будто бросая вызов осени, могучий дуб.

Наслаждаясь необыкновенной прелестью тихого осеннего рассвета, запахом увядающей листвы, вдыхая полной грудью прохладный воздух, майор Компаниец с группой сотрудников по неширокой просеке продвигался на автомобиле в глубь леса. Где-то на средине участка между Подлесным и Елизаветовкой шофер заглушил мотор. Лес пошел здесь густой, старые деревья так перемешивались с буйными молодыми зарослями, что проехать было уже невозможно, пришлось идти пешком, раздвигая ветви руками.

По схеме, начерченной в кабинете, разошлись группками, в обхват участка, где следовало провести проверку наиболее тщательно. Здесь, еще с ночи, поджидали их, поеживаясь от холода, капитан Иванченко и Роман. Неподалеку от пасеки они присели на гнилых пнях и закурили. Именно отсюда, от дубовой рощицы, хотел Компаниец лично исследовать как и куда двигался неизвестный. Да вот что-то не появлялся майор, хоть и было пора...

Заслышав за спиной шаги, капитан и Роман оживились, вышли навстречу.

— Ну, Роман, — приветливо обратился появившийся Компаниец, — веди как можно точнее. Не забыл? — похлопал он его по плечу.

— Никак нет, товарищ майор! Недавно вернулся с флотской службы, смекалка еще не выветрилась, — улыбнулся Роман и уверенно повел офицеров по узкой тропинке через лес в сторону Подлесного.

Там, где тропинка круто повернула вправо, Роман остановился. Подумал, сказал: — Здесь он свернул налево, вон в ту чащу, — указал Роман рукой.

С дерева вблизи вспорхнула какая-то птица. Компаниец посмотрел вверх. Над ним жалко склонилась безлистая, надломленная ветка молодого клена.

— Вероятно, скотина обломала, — высказался он вслух. Измерив высоту до надлома, обошел вокруг дерева. — Нет, не то...

Он наклонился. Голова его опускалась все ниже, ниже. Глаза были прикованы к свежим, трудно различаемым трещинам на молодых побегах орешника, придавленных чем-то тяжелым к земле.

— Правильно! Здесь кто-то путешествовал и, видать, не один раз. Пойдем дальше...

Прокладывая себе путь руками, Роман энергично пересек полосу орешника, вывел Компанийца на продолговатую поляну и показал, где, примерно, проходил неизвестный. Майор внимательно осмотрел каждое деревцо, каждый кустик и вдруг опять увидел надлом на молодом клене, увидел притоптанные молодые отростки орешника.

Сзади раздался сухой треск, заколыхались ветви, а через минуту на поляну вышел Новиков.

— Участки проверены, — с ходу доложил он. — Что прикажете делать дальше?

— Скажу, — лаконично ответил майор. — Похоже на то, что кто-то здесь заломами примечал путь к тропинке. Нужно ли это здешним жителям? — повернулся Компаниец к Роману.

— Тут редко кто бывает. Наши не собьются, куда ни

зайдут, — сказал Роман и по сигналу майора повел всех дальше.

Еще один переход обширных зарослей — и группа очутилась у места, где путь Романа с неизвестным разошелся.

С особым вниманием выслушал теперь майор объяснения парня. Удивился последовательности изложения, обстоятельности, умению выделить главное. Это как-то воодушевило его, придало больше уверенности.

— Зовите-ка всех на перекур, на полянку, где мы только что были. Посоветуемся, — дал Компаниец Новикову команду.

Сложив губы трубочкой, лейтенант дважды протяжно свистнул. Появился капитан Иванченко, за ним еще трое сотрудников.

Косые лучи солнца, процеживаясь сквозь сплетения ветвей, устилали землю веселыми светлыми пятнами, золотили опавшие листья. Приятное тепло постепенно сменило утреннюю прохладу. На оттепелях резче обнаруживался запах гнилой листвы и прелой травы.

Рассевшись на старых пнях, все молча курили. Наконец, тряхнув озябшими плечами, Компаниец поднялся. Минуту-другую постоял, о чем-то думая, и, решительно швырнув окурок, поднял сотрудников.

— Дайте-ка, Новиков, бумагу и карандаш. А вы, Роман, подойдите сюда, поближе, — развернул он планшет.

Четким росчерком карандаша майор нанес на бумагу план участка. Все, вытянув лица, сосредоточенно смотрели.

— Обсудим, Роман, как могло все получиться. Кружочек — это пустырь-ложбина. Заштрихованное — окружающие деревья. Стрелка — это заросли, вклинивающиеся в пустырь метров на семьдесят. Влево от них, до больших деревьев, — будет метров пятьдесят, вправо — метров тридцать на мой глазомер. Так? — перевел майор взгляд

на местность. — Неизвестный удалялся от вас левой стороной зарослей... С намерением, как вы полагали, перейти пустырь прямо и скрыться в деревьях. Так? Боясь выдать себя, вы бежите сначала вниз, а затем поворачиваете вправо и пытаетесь опередить его. Так? А он дошел до окончания клина, обогнул и уже правой стороной, промежутком между зарослями и деревьями, повернул обратно. Вот почему он свободно улизнул от вас. Как вы считаете?

— Да, так могло быть, — смущенно ответил Роман.— Луна-то светила, а иногда ее затемняли облака. По правде, призабыл я тут расположение.

Посоветовавшись, определили новые районы поисков. Почти два часа работы положительных результатов не дали. По-разному теперь оценивал каждый задуманную Компанийцем операцию. А его подозрения, воспринятые вначале как серьезные и логически обоснованные, брались уже под сомнение, утрачивался интерес, падала активность. Некоторые сотрудники относились безразлично к дальнейшим усилиям майора, но, зная его опыт и настойчивость в выполнении замысла, продолжали искать следы. Никто пока не находил убедительных мотивов для опровержения гипотез начальника отдела, потому и не осмеливался оспаривать его действия.

Несколько заколебался в оценке собственных выводов и сам майор. «Около четырех часов напрасных хождений!» — поглядывая на часы, мотнул он досадливо головой. Решая, что предпринять еще, стал возвращаться с Новиковым и Романом от реки вверх по оврагу.

Напоследок заглянули в отрог, где нашли стружки, прикрытые землей. Попытались найти отсюда какие-нибудь следы — их не оказалось.

— Сделаем привал, — предложил Компаниец. Вынув портсигар, угостил спутников папиросами.

Отдыхали под молодыми дубками на выходе в лож-

бинку. Сурово сжав губы, обескураженный, майор пристально оглядывал местность. Было видно все, как на ладони.

Ничего нового Новиков не замечал в этой знакомой и, казалось, изученной обстановке, но вот майор что-то уж слишком неотрывно смотрел в одном направлении. Сделав последнюю затяжку, он выбросил недокуренную папиросу за спину, взял в руки щуп и повернулся к Роману.

— Приглядись-ка, Роман... Во-он туда! — показал он рукой в даль, немного правее, чем сидели. — Что там такое?

Далеко впереди, между окончанием клина зарослей и деревьями, виднелась реденькая оголенная поросль. Среди поросли торчал объемистый, почерневший от времени и дождей остов громадного, обезглавленного дуба.

— Когда-то был дуб в три обхвата. Гроза его расколола, засох давно. Верх порезали, кто хотел, на дрова, пень остался... — объяснил Роман, припоминая рассказы односельчан.

— Сходим к нему.

Едва показались они из-за деревьев, как увидели помахивающего им высоко поднятой фуражкой капитана. Ускорили шаг и быстро подошли к Иванченко, уже ползавшему на коленях.

На полупесчаной поверхности все заметили угловатые, не больше спичечной коробки, вмятины. Первая, вторая, третья, четвертая... По ломаной линии, метра на полтора одна от другой, вмятины довели их до зарослей орешника и исчезли. Обратно они привели к остову дуба.

— Вот оно что! — протянул ободрившийся Компаниец. — Эти штучки нам знакомы. Вероятно, вынужденная вылазка после дождика, когда грозила опасность оставить следы. Согласны, капитан? — спросил он у Иванченко. Обошел вокруг пня.

В метре от подножья ствола, словно пустая глазница, зияло громадное дупло. Майор просунул голову внутрь и сморщился от резкого запаха гнили. Ударил щупом по днищу дупла. До слуха донесся едва уловимый звон металла. Майор ударил ближе к средине. Звон смешался с глухим отзвуком пустоты. Еще один удар, и щуп провалился в бездонную дыру. Послышался звук, похожий на приглушенный поворот чего-то тяжелого под землей.

— Интересно! — почти вскричал Компаниец, окинув присутствующих вопрошающим взглядом. — Бесшумно собрать всех сюда!

Сойдясь, дружно принялись за работу: расчищали место, проверяли щупами почву у пня. Вдруг щуп одного работника, вогнанный в землю, примерно, на метр, уперся во что-то твердое.

— Возможно, корень? — заметил майор. — Отступите сантиметров на пять-десять в сторону...

И снова щуп застопорился на той же глубине.

Лейтенант Новиков в это время прощупывал землю у выдвинувшегося на поверхность толстого полусгнившего корня. Он заглянул под корень, пытался было провести под ним щупом — мешала гнилая листва. Лейтенант начал удалять слежавшуюся гниль, щуп звякнул обо что-то металлическое. Тогда офицер выгреб все, просунул руку под корень и ладонь его накрыла холодное отверстие тонкой металлической трубки. К нему поспешил майор.

Вырвав из тетради листок, Компаниец наложил его на отверстие трубки — две-три минуты выждал.

— Отдушник, — произнес он, рассматривая расплывшиеся водянистые пятна на листке. — Хитро кто-то устроился, — заметил майор.

Капитан Иванченко направил на дупло автомат. Новиков стремглав спустился к автомобилю за лопатами, ломом и другими инструментами. Небывалый прилив охватил

Компанийца, казалось, посветлели лица и у остальных, как рукой сняло усталость. Майор был убежден, что вход в бункер где-то в дупле, но проникать туда напрямую немыслимо. Неизвестно, с кем придется столкнуться. Если преступники вооружены — неизбежны жертвы.

Возвратился с инструментами запыхавшийся Новиков. Раскапывать стали в полуметре от отдушника, сразу двумя лопатами. Неожиданно лопаты застучали обо что-то твердое, а через минуту обнажилась шершавая поверхность дощатого перекрытия. С удвоенной силой начали искать узел, соединяющий потолок с обшивкой стен бункера.

— Есть! — обрадовался Новиков, отваливая землю от показавшегося угла сбитых досок.

Приняв меры предосторожности, майор заложил острый конец лома в щель между соединениями досок и рванул. Доски затрещали, заскрипели, образовалась дыра.

— Выходите, кто есть! — крикнул Компаниец, сложив ладони рупором.

Ответа не последовало.

— Требую сдаться!

Тишина.

— Приготовить гранаты! — скомандовал майор для острастки.

В дупле что-то загрохотало. Не успел Иванченко отойти назад, как из темной дыры вынырнула большая взлохмаченная голова бородатого человека с растерянно-блуждающими глазами.

— Вылезайте! — строго приказал капитан.

Бородач высунул из дупла трясущиеся руки. Его тут же подхватили и выволокли наружу подоспевшие Компаниец и Новиков.

Глотнув воздуху, бородач покорно поднял вверх руки. Кривившееся лицо его с нервно подрагивающим крупным подбородком выражало испуг, немое отчаяние. Он стоял совершенно неподвижно, словно прирос ногами к земле.

— Оружие есть? — задал вопрос Компаниец.

Глянул бородач с ненавистью на сотрудников, не опуская рук, открыл было крепко стиснутые губы, словно хотел что-то сказать, но, будто потеряв дар речи, лишь прислонил конец бороды к ремню, стягивавшему стеганку.

Поняв значение жеста, майор просунул руку к преступнику под ватник и извлек пистолет иностранной марки.

— Кто с вами еще? — спросил майор и оглянулся. — Новиков! Где Новиков?!.

Узнав, что Новиков полез в бункер, майор рассердился. Не ожидая от бородача ответа, он выхватил из кобуры пистолет и ринулся за лейтенантом.

Зажгли карманные фонари. На деревянной обшивке бункера заметались тени. Одним движением Новиков сорвал доску с потолка, и оба облегченно вздохнули, почувствовав прилив свежего воздуха. Стало светлее.

На дощатой полке, застеленной камышовым матом, валялась беспорядочно разбросанная одежда. На самодельной подставке стоял закопченный примус, грязная посуда, на полу гнили объедки пищи.

Осматривали все бегло. Угол слева от входа в бункер показался майору подозрительным: земля в этом месте была свежей, недавно утрамбованной. Вонзенный щуп свободно полез вглубь, но не больше как через полметра уперся во что-то твердое.

— Раскопайте, лейтенант.

Раскопка заняла несколько минут. Очищая от налипшей вязкой глины железные шкатулки, увязанные шпагатом пачки чистой бумаги, обернутые в мешковину какие-то свертки, Новиков подавал все это из обнаруженной ямы майору.

— Вам понятно, Новиков, почему столько времени хозяин не отзывался на наши дружеские предложения? — смеясь, проговорил Компаниец.

— Понятно, товарищ майор, — ответил Новиков, взглянул на майора и широко раскрыл глаза: майор держал в руках знакомый уже по форме сверток, зашитый в мешковину. «Точно такой нашли при обыске у Трофима Гордеева», — вспомнил он.

Компаниец, словно угадывая мысли лейтенанта, решительно разорвал мешковину и, вынув из нее содержимое, передал его удивленному другу:

— То же, что взяли у Гордеева. Вот где, оказывается, была фабрика «святых писем»! Вон и клише... — кивнул он на полку. После некоторого раздумья добавил: — Теперь совершенно ясно, что к этой фабрике причастен и Аминев. Обыск доведем до конца без вас. Идите с капитаном к младшему лейтенанту Матвеенко, найдите и арестуйте Аминева.

— Будет сделано, товарищ майор! — с воодушевлением козырнул Новиков и выбрался наверх.

Никто не мог полагать, что Аминев был совсем близко. Скрываясь в густых зарослях, он следил за тем, что происходило у бункера.

После убийства Трофима, пробыв у сестры Евдокии целые сутки, он отоспался, отогрелся и, начертав мысленно дальнейшие планы, ушел от нее к вечеру, не говоря, куда и зачем. Только строго наказал разведать утром, что творится в селе, и прибыть тайно в назначенное место. Куда прибыть, сказал шепотом.

Опасаясь столкнуться с кем-либо из односельчан, Серафим пробирался в лес по берегу. За поясом у него виднелась рукоятка ножа. Смерть нес с собой Серафим страннику, надеясь вернуть утраченные ценности. План для этого был прост. Выследить, убить исподтишка Никона, забрать украденное и... дай бог ноги.

До отека щиколоток сидел брат Серафим на корточках. То стоя, таился за деревом, то лежал на сухой траве всю ночь, содрогаясь и пугаясь каждого шороха, а Никона не видел.

Едва забрезжил рассвет, огорченный неудачей, передрогший от холода, побрел Серафим в назначенное место встречи с Евдокией. Ждал долго. А явилась — радости не прибавилось. Невеселые вести принесла сестра.

— В совете были военные, видать, следователи. Обретаются в селе, — доносила «духовная сестра». — Сказывают, пребывают и в селе Подлесном...

Покоробило Серафима, почернело лицо его, как услыхал, что разыскивали и пресвитера. Сам председатель... «Зачем я ему?..» — испугался.

Поручив Евдокии доглядеть за вещичками, опять утаив, куда держит путь, собрался Серафим незаметно улизнуть в Криннички, к брату Панфилу. «Побуду там днем, а на ночь опять в лес возвращусь. Не уйдет от меня Никон...»

С понуро опущенной головой Аминев пересекал лес, не ожидал здесь кого-либо встретить. А встретил бы, допусти он оплошность и не осмотрись перед тем, как выйти на одну из полян. Лицом к лицу предстал бы перед военными, молча раскуривавшими папиросы, а там бог весть чем бы все это закончилось...

Будто кто острым кинжалом кольнул Серафима в сердце: людей заметил. С тяжелым предчувствием чего-то недоброго миновал их, притаившись, стал за ними наблюдать.

Видел Серафим, как, проклятые, направились к дубу, кругом ходили, к чему-то присматривались. Все понял, когда принесли лопаты и стали копать.

Конец! Гибель! — твердил он в панике, прислушиваясь к биению сердца, готового выскочить из груди. — О господи, да что же это? — вытянул Серафим шею.

Побледнел, потемнело в глазах.— Он! Никона вытащили! Проклятье! Выдаст! Выдаст Никон! — точно на колючках катался Серафим в бессильной злобе по жухлой траве. Хватаясь растопыренными пальцами за холодную землю, шептал: — О, господи, услышь меня, избави от страданий! — Пересохли губы. — А-а, ушли двое... За мной, меня ищут!..

«Не теряй времени, уходи! — послышалось ему сквозь шум в ушах. — Выдали тебя!».

Как от змеиного укуса, вскочил Серафим, лавируя меж кустами, перебежками, от дерева к дереву, пустился наутек. Не переводя дыхания, перемахнул через дорогу, вдоль опушки добежал до места, откуда была видна конюшня и... затаился. Метрах в двадцати от него, к длинным полевым яслям, были привязаны лошади.

Лишь несколько мгновений колебался Серафим. Упал животом на землю, кряхтя и краснея от натуги, по-пластунски пополз к яслям. По-воровски огляделся, дрожащими руками отвязал рослого мерина, влез на него и безжалостно стегнул по ребрам толстой сучковатой палкой.

— Стой, мерзота! — закричал задыхавшийся от быстрого бега дед Кирилл. Схватив железные вилы, он молодецки прыгнул на вороную кобылу, с места в карьер понесся в погоню.

Минуту спустя, пригибаясь к туловищам лошадей, капитан Иванченко и лейтенант Новиков мчались на перехват беглеца тоже.

Вихрем пронеслась по дороге машина. О случившемся доложили майору.

— Немедленно ориентируйте по телефону смежные районы о высылке групп на перехват. — Не прекращая работы, он с исключительным спокойствием, казавшимся даже неуместным в такой момент, добавил: — Врет, от нас никуда не уйдет!

ПРОДАЖНЫЕ ДУШИ

Лучи раннего солнца проникли и в кабинет майора Компанийца. Веселыми зайчиками легли на гладко отполированный шкаф, скользнули по натертому мастикой паркетному полу, засияли на золотых монетах, разложенных на столе. Тут же лежали изъятые при обыске в бункере бутылки с тушью, ручные сейфики, похищенные Никоном у Аминева, стопки бумаги, пистолет с полными обоймами патронов. В изрядно потертом кожаном кошельке находились личные документы странника. На полу, в уголке, Новиков приткнул набитый до отказа одеждой и всякой всячиной вещевой мешок.

Майор Компаниец пересчитал золотые монеты, снова вложил их в сейфик, сделал в протоколе обыска очередную запись: «Монет желтого металла иностранного происхождения достоинством в десять долларов каждая — семьдесят восемь».

— Есть еще золото? — осведомился он у сидевшего перед ним странника.

— Не должно бы, — с хитрецой во взгляде ответил Никон и блудливо покосился на Новикова, развязывавшего его вещевой мешок.

— Верно. Поищите хорошенько в одежде, — одобрил Компаниец намерение лейтенанта, изучающе поглядев на странника. — Сколько должно быть советскими деньгами?

— Кажись, девяносто две тыщи с лишком, — неопределенно сдвинул плечами Никон и снова искоса глянул на Новикова.

Скрупулезно, сантиметр за сантиметром, ощупывал лейтенант ватные брюки. Осмотрев их, отложил, ту же манипуляцию совершил с ватником.

К удивлению майора, Новиков вооружился ножом, ре-

шительно провел острием по швам и распорол брюки. Странник повернул к нему голову, съежился, облизывая губы, затеребил бороду.

Под растерянным взглядом странника лейтенант выбрасывал на стол одну за другой золотые монеты бывшей царской чеканки. В брюках оказалось их сорок восемь и свыше пятидесяти было упрятано в ватнике.

— Золотая одежда у вас, — произнес Компаниец иронически. — Где взяли?

— Одежду мир дал, — ответил тот, потупив глаза.

— О золоте и деньгах спрашиваю! — сердито поправил майор.

— То сбережения святой евангельской церкви, где многолетие пребывал я пресвитером.

— Когда были пресвитером? Как называется секта?

— До войны, да и в войну пресвитерствовал в приходе секты пятидесятников.

— Чем занимаетесь сейчас?

— Странствующий проповедник слова божьего, ему отдался до скончания живота своего.

— С пистолетом?..

— То для защиты, — не сразу ответил «проповедник». — Всякое на дорогах может случиться... а при мне церковные деньги...

— Когда прибыли в Елизаветовку?

Никон шевелил губами, сгибал пальцы на руках, высчитывал.

— Не то двадцать седьмого, не то двадцать восьмого сентября.

— И ценности с собой принесли?

— Нет. Мое добро тут нашлось. Так получилось, что уезжали с Аминевым в Германию в сорок третьем году. Дружили с ним, он занимал пост казначея в общине. Знал, что везу при себе деньги, золотишко. Миновали старую

польскую границу, он, злодей, и скинул меня с машины. Думал, убил. Ну, золотишко забрал, конечно. Да вот свел господь с ним здесь... Ценности-то Трофим Гордеев помог выкрасть. Вернул я свое, с лихвой! Ну, маленечко прихватил и накопленных воровским путем деньжат Аминева, — ехидно ухмыльнулся Никон.

— Короче: вор у вора дубинку украл, а говорите — церковные!.. За что же убили Трофима?

Вскочил Никон, сверкнул глазами, закричал сорванным голосом:

— Не я! Аминев, его злодейство! Зверь он, каин, братоубийца! — Склонив голову на грудь, медленно опустился на табурет.

Майор сделал короткий перерыв. Предвидя, что предстоит упорная борьба с преступником, который без боя не сдастся, он готовился к обстоятельному допросу. Выждав, резко спросил:

— Выходит, у вас с Аминевым ни на иоту праведного, кроме краденого? Вы даже умудрились украсть его фамилию!

— Как? Собственную имею, зачем красть, не вещь...

— Назовите себя правильно.

— Супрунов Николай Климович, сразу вам назвал...

— Ложь! — строго перебил майор. — Супрунов — это настоящая фамилия Аминева, а не ваша.

Странник немного помедлил, будто о чем-то думая, стал пощипывать спутанную бороду, затем глухо сказал:

— Никанор Савватеевич Чухненко моя фамилия, родился в селе Славском, при Чернолесье, на Украине. От роду сорок восемь лет. Фамилию Супрунов, имя Николай Климович и документы на то имя дал мне майор Мейер, бывший районный комендант, работник гестапо. Скажите, вам все выкладывает про меня Аминев?

«Видит бог, не уйти мне от правды», — подумал Никон и опустил голову.

Внешне фигура странника выражала смирение, покорную готовность к раскаянию. Но майор видел, понимал, как он каждый раз увиливал от правдивых ответов на существенные для следствия вопросы и терпеливо продолжал доводить все до логического конца.

— А все же уточните, почему Мейеру понадобилось менять вам фамилию, настоять на возвращении на Украину? — в третий раз подвел Никона Компаниец к естественному ходу событий.

«Не выкрутишься, сыплет проклятый Серафим!» — грешил Никон на Аминева. Тяжело вздохнул, вытер грязным платком на лбу капли пота.

— После того, как сбросил меня Серафим с машины, долго искал я его по Германии. Не нашел. Четыре с лишком года жил в Мюнхене, потом приютился в общине: проповедывал «слово божье» в лагерях для перемещенных лиц. А в пятьдесят четвертом году, не гадаючи, встретил в общине Мейера. Вот он и уговорил меня вернуться обратно. Ну, а чтобы не преследовали за бегство с немцами, имя другое дал. Запретил вертаться в Славское. Поручение дал...

— Какое?

— Быть в гуще верующих, умножать их число. Всякими путями, остерегаясь, порочить власть, распускать тревожные слухи, втолковывать, что скоро придут американцы, сатанинская власть сгинет и... — Никон запнулся, теребя шапку, умолк.

— И...— потряс майор перед ним кипой «святых писем».

— Да, летучки я штамповал, — с трудом выдавил Никон. — Штампы дал мне Ростислав Немчина в Западной Украине. Ну, и еще должен был я ждать людей от Мейера. Принимать их, скрывать у братьев и сестер, при крайности — в тайных местах, в лесу. В Гелене Мейер работает,

так он пояснил мне... для американцев. Вредить, сказал, всеми способами, только разумно, сохранять себя...

Закончив короткий рассказ, Никон впился усталыми глазами в майора, словно хотел сказать, что больше показывать ему нечего. А в душе царило смятение, растерянность.

— Как попали в Елизаветовку?

— Весной пятьдесят пятого года приехал я в Западную Украину с группой людей, которых передерживали американцы в спрятанных лагерях. Временно поселился во Львовской области. У одного из тех... у Немчины. Стал расспрашивать про меня участковый. Как-то и сам я ему встретился, проверил он документы. Возвращает и говорит: «Сомнительны. И вообще вы бродячий элемент». О том Немчина по условию написал одному единоверцу в Мюнхен. Свекр — так звали в письмах Мейера — велел уходить мне по новому паролю, полученному еще в Мюнхене. Моя часть пароля: «Будьте кротки, как голуби»... Его ответ: «...и хитры, как змеи».

Не знал, к кому иду, а явился, сразу опознал в Аминеве Супрунова. Побил я его при встрече за украденные драгоценности. Потому вначале и не говорил ни о пароле, ни того, зачем пришел. Только спустя неделю признался. Но остерегался делиться с ним, какое имею задание, с кем нахожусь в общении.

— С чьей же помощью и для чего соорудили бункер, если у вас были условия жить у единоверцев?

— Оно так. Жил поначалу, деньков пятнадцать, у брата Аристарха в Криничках. Как в заточении жил. Выходил ночью и то с опаской. Народ тут больно до всего любопытен. Приметят, что чужой, властям незамедля донесут... А ко мне к концу этого года должен был прибыть на временное передержание человек от Мейера. Куда же деваться? Вот и обладнали бункер в лесу. Аминев помогал. В по-

виновении он был: засыпать меня — самому попасть в тюрьму. А он трус, дрожал все за свою шкуру. Помогал землю копать, выносить в овражек. По окончании отделки присыпали стружки и щепки той землей и выбрался я от Аристарха. Серафим знал, что прячусь с тех пор в лесу.

Завершались первичные допросы. Записаны в протокол преступные связи Чухненко, факты совершенных преступлений. Неожиданно для странника майор вытащил из стола бутылки, изъятые при обыске у Трофима.

— Это — тоже ваша работа?

— Да,— утвердительно кивнул Никон.— Те пузырьки я давал Аминеву. Он заботился сорвать собрание о продаже хлеба. Коровник порешили поджечь. Поджег Гордеев, ну, а как пользоваться жидкостью—я разъяснил. По откровенности скажу: не лежала душа к тому поджогу, невелик урон. Сделано по настоянию Аминева. Метили сжечь машины,— то другое дело, да собраны они в такое помещение, что огонь не возьмет.

Майор вызвал конвоира. Чухненко встал, дико посмотрел на переливавшиеся в солнечном блеске золотые горки на столе и, махнув безнадежно рукой, лениво двигая ногами, вышел из кабинета.

Аминева заканчивал допрашивать капитан Иванченко. Учинив на протоколе роспись, Серафим смотрел на капитана тусклыми немигающими глазами. Под кожей на горле то и дело, сверху вниз, пробегал комок: пресвитер глотал слюну.

Перед тем, как уйти под конвоем, Серафим пожаловался:

— Я, гражданин следователь, ведь открыто обо всем, а... Чухненко—подлец, каких не сыщешь. Не верьте, если покажет, что его золотишко. И деньжата тоже — мои! Он украл. Всю жизнь копил... Если господь сделает так, что помилуете, выпустите, жить ведь будет не на что...

— Разберемся,— сухо бросил Иванченко и ушел к майору.

Войдя в кабинет к Компанийцу, капитан с хода начал докладывать:

— Так выходит, Анатолий Сергеевич, Аминев, он же Супрунов, еще в Эссене получил задание от Мейера возвратиться на Украину и ждать от него человека. Там же его водворили в лагерь, где он и познакомился с сектантками Секлетией Неборака и Евдокией Кузько. Вместе с ними, во время массовой репатриации из Германии, приехал потом в Елизаветовку. Признает убийство Трофима Гордеева, соучастие в поджоге, явку к нему Чухненко и другие факты. По-моему, имеются основания привлечь к ответственности за антисоветские действия Секлетию. Возможно, Евдокию по Елизаветовке, Панфила Оноренко из Подлесного, проповедника Аристарха Кудлу из Криничек, Онуфрия Пилипенко из Воронцовки.

В знак согласия Компаниец одобрительно кивал.

— Предложение правильное, но...— Обдумав, договорил: — Но сделаем немного не так, как делали до сих пор.

— Опять не так!..— обиженно проговорил капитан.

— Не горячитесь напрасно! — сердито, но сдержанно ответил Компаниец.— Нельзя с одной меркой подходить к решению всех вопросов, не считаясь со временем и обстановкой. Там, где что-то положено держать в секрете, нас никто не осудит. А тут другое дело. Надо рассказать народу, что это за мерзавцы. Будут знать люди — успешнее поведут борьбу сами с темнотой и невежеством. К сожалению, есть ведь еще у нас легковеры, попадающиеся в лапы шарлатанов с библией в руках. Вот и доложим собранию колхозников обо всем. Пускай народ скажет, как поступить с такими, как Секлетия и ей подобные.

— А что, хорошая идея! — посветлело лицо капитана.— Когда прикажете выполнять?

— Вот как сделаем все необходимое в интересах дела до обнародования материалов — и начнем. Я — доложу в Елизаветовке, вы — готовьтесь выступить в Криничках, а вы, Новиков,— в Подлесном. Сделаем это в ближайшие дни.

ПРИГОВОР НАРОДА

В воскресный день, с утра, в переполненном клубе Елизаветовки началось многолюдное собрание. Такого не было здесь еще никогда. Сообщение майора Компанийца о преступной деятельности Чухненко и Аминева вызвало целую бурю среди колхозников. Мертвая тишина сменилась несмолкаемыми возгласами: «Подлецы! Повесить мало!»

С опозданием, взявшись об руку и не спеша, брели в клуб пророчица Секлетия и сестра Евдокия.

— Ишь, как распыхались злобой на нас, безбожники! — с прискорбием говорила Евдокия.— Следствие висит над Серафимом, за святое дело, несчастный, страдает.

— О, господи, господи!..— Тяжесть, боль слышались во вздохе Секлетии. — Под распиской о неотлучении из села хожу, Евдокеюшка. Дожила, покражу приписывает милиция. Может, не допустит всевышний кривды, на милость его положилась. А голубчик!.. Безвинно страждает, ни за что...

Тихонько пробрались «сестры» в зал. В последнем ряду сели, в уголке. Освободила Секлетия уши от платка, и сразу словно ожег ее кто. Из начатой речи деда Кирилла услышала:

— ...неприметно подкрался я, слушаю. А Секлетия заливает женщинам: «По писанию грешников ожидает геенна огненная, муки несчислимые!» Не стерпел я. Пояснила бы ты, говорю, Секлетия, какая-такая геена, да чем кидать будут туда — вручную, аль механизацией какой?

Смеялись в зале, искали глазами Секлетию.

— Очень вредную линию она гнет,— продолжал дед.— А как с ней быть — скажу! — запнулся он. Неловко переступил с ноги на ногу, покрутил без нужды усы, откашлялся, досказал: — Из колхоза в три шеи гнать... по закону, как следует!

Колхозники дружно зааплодировали. Героем выглядел дед. Он настиг Аминева в Калиновских плавнях, он схватился с ним не на жизнь, а на смерть. Пытался Аминев пырнуть его ножом, но не тут-то было. Вывернулся дед, хватил противника по-партизански, по зубам, а тут и помощь подоспела.

— Наговаривает, окаянный! Гром и молния истреби тебя, супостата! — тихо проклинала деда Секлетия, выискивая страшные слова.

За дедом Кириллом выступил плотник Иван Несытый, за ним рассказала о себе Феня. Как вовлекли ее в секту, как запугивали, обманывали, как хотели выдать за нелюбимого замуж. А заключила призывом:

— К прежним подружкам по вере, Нине, Зое, Вале и ко всем верующим обращаюсь: выходите из секты, возвращайтесь к настоящей жизни!

Желающих выступить оказалось больше, чем предполагали. В одном был недостаток: будто онемели приглашенные на собрание сектанты.

Но вот все обратили внимание, как три пожилые женщины встали и, никого не спросясь, направились к выходу.

— Куда же вы, тетя Анюта? — удивленно спросил одну из них Андрианов.

Покачиваясь, нетвердой походкой к сцене подошла маленькая ссутулившаяся старушка.

— Противно, Григорий Прохорович! — вытянула она к президиуму сухонькое морщинистое лицо.— Против власти ведь шли, братоубийцы. Как другие — их дело, а мы втроем

посовещались: ноги нашей больше не будет в общине! Сами про себя... Разве то наставники! Анафемские души!

Сомкнув сурово губы, под гром аплодисментов и выкриков «Правильно, тетя Анюта! Верно подметила!» — старушка удалилась с собрания.

Не унимая шума, Андрианов внезапно поднялся и округлившимися глазами стал водить по рядам. «Неужто столько на выступления!» — подумал он, подсчитывая руки.— «Раз, два, три... семь...» Перестав считать, обернулся к парторгу Николаеву:

— До утра не закончим. Как быть?

— Да ты приглядись. Шесть уж я насчитал из тех, с кем мы проводили беседы. Секту защищать будут или дошло до них? Вот ведь что важно.

— Что ж, придется дать выступить всем,— согласился Андрианов. И уже громко, в зал, выкрикнул: — Кто следующий? Что-то больно много рук поднялось...

Выступления сектантов на удивление были короткими и внушительными. В восторженно-напряженной тишине слышалось:

— Я, Нина Пономарева, прошу — вычеркните меня из списка верующих!

— Меня, Зою Николаеву, тоже вычеркните!

— И меня, Валю Жмудь, вычеркните!

— Федор Власов — отказуюсь быть...

Под фамилиями отрекшихся Андрианов чертил в имевшемся у него списке красную линию.

Как хлыстом по лицу било Секлетию каждое заявление об уходе из секты. «Разверзнись, бездна, и поглоти богоотступников!» — в бессильном бешенстве кипела она. Досчитала число отказавшихся до тринадцати, и ей показалось, что под ногами у нее рушится пол и летит она сама в какую-то бездну, из которой нет уже выхода.

Наконец, собрание закончилось. Разбудив уснувшую се-

стру Евдокию, оперлась пророчица на ее плечо, крошечными шажками, точно боясь упасть, дошла с ней до сельсовета. Здесь пути разошлись: Евдокия, увидев военных, пугливо оглядываясь и преодолевая в себе природную лень, побежала домой, а Секлетию повели дальше под охраной, в дорогу, предначертанную ей волей... собрания.

Скрылось за горой солнце, подул с севера морозный ветерок, рябью подернул невысохшие дождевые лужицы. Надо было уезжать, дело сделано. Возле клуба, выбрасывая из выхлопной трубы желто-сизый и едкий дым, нетерпеливо урчал ГАЗ-69. Компаниец прощался с окружившими его празднично одетыми колхозниками:

— Ну, желаю вам всего наилучшего! Спасибо за помощь!

Вперед выдвинулся дед Кирилл:

— Спасибо и вам за все! — Они крепко пожали друг другу руки.

Великую силу, силу народа почувствовал майор в этом рукопожатии. А, садясь в автомобиль, улыбнулся. Дед Кирилл наигранно-сокрушенно качнул головой, притворно-грустно сказал:

— Осиротили вы нас. Спец была Секлетия, рентген заменяла. Глянет бывало, да как цыкнет: «Бес сидит в тебе, вижу насквозь!»

И снова грянул дружный смех. А напротив клуба, за плетнем, заметил майор, как целовал Роман Феню. Да, жизнь в Елизаветовке шла своим чередом, нет больше грусти в селе... И нет тишины.

ОБ АВТОРЕ

У Василия Ивановича Дидуся не было детства. В 12 лет он уже работал батраком у местных кулаков. Так началась трудовая деятельность.

Много людей пришлось повидать с тех пор, жизнь (родился В. И. Дидусь в 1907 г.), давалась нелегко. Нелегко давалась она и народу, молодой Советской Республике. Все, что выпало на их долю, сполна легло и на плечи будущего писателя-коммуниста. Комсомол, работа в сельскохозяйственной коммуне, с 1929 года служба в Красной Армии, дымные дороги войны, служба в органах Государственной безопасности, и всегда учеба, учеба и много работы. В делах, в столкновениях с разными людьми, плохими и хорошими, шли годы, некогда было вздохнуть, оглянуться. Накапливался только огромный жизненный опыт.

И вот... болезнь, отставка. Появилось время проверить свой жизненный путь, осмыслить его на досуге, поделиться своими впечатлениями и наблюдениями с людьми. А наблюдений оказалось немало. Так родилась на свет повесть «Под ангельскими ликами» — первая книжка писателя не профессионала, а просто человека, глубоко знающего жизнь и людей, человека, в котором всегда жил тонкий и наблюдательный художник, которому только бурное время с его делами и заботами не давало возможности отдаться творческой работе в полную меру раньше. Но полковник В. И. Дидусь полон творческих замыслов, интересных сюжетов и наверное напишет еще не одну хорошую книжку о людях и жизни. Ведь нашей старой гвардии есть о чем рассказать...

СОДЕРЖАНИЕ

Нежданный странник . . . 5
Напутствия брата Серафима 19
Пожар 39
Грех незамолимый 49
Обрывок каблука 67
Покорись богу! 82
Кто виновен? . 92
Сомнения Фени . 97
Стычка со странником 123
Снова загадки 133
Ярость брата Серафима 140
Последнее веселье брата Трофима 160
Странные находки 169
Поиски 181
Продажные души . 192
Приговор народа . 199

Василий Иванович Дидусь
ПОД АНГЕЛЬСКИМИ ЛИКАМИ

Редактор Б. И. Сотников
Художник А. М. Талеев
Художественный редактор В. В. Коломойцева
Технический редактор Г. И. Глушко
Корректор Л. И. Кравцова

Сдано в производство 14/VI 1963 г. Подписано к печати 8/X 1963 г.
Бумага 70 x 108 1/32. Печ. листов 8,73. Уч.-изд. листов 8,53. БТ 13201.
Зак. № 4568. Тираж 30 000 экз. Цена 35 коп.

Днепропетровское книжное издательство,
г. Днепропетровск, просп. К. Маркса, 93.

Областная книжная типография
Днепропетровского областного издательства,
г. Днепропетровск, ул. Серова, 7.